

УДК 314.122(042.3)
ББК 60.7(2 Рос)
Н31

Издание осуществлено в рамках
Инновационной образовательной программы ГУ ВШЭ
«Формирование системы аналитических компетенций
для инноваций в бизнесе и государственном управлении»

Население России 2005: Тринадцатый ежегодный демографический доклад / отв. Н31 ред. А.Г. Вишневский / Гос. ун-т — Высшая школа экономики. — М. : Изд. дом ГУ ВШЭ, 2007. — 245, [3] с. : ил. — ISBN 978-5-7598-0481-9 (в обл.).

Институт демографии Государственного университета — Высшей школы экономики — научный преемник бывшего Центра демографии и экологии человека Института народнохозяйственного прогнозирования РАН, публиковавшего ежегодные демографические доклады начиная с 1994 г.

Очередной, тринадцатый доклад, подготовленный тем же коллективом авторов, работающих сейчас в Институте демографии ГУ ВШЭ, содержит анализ демографической ситуации в России в 2005 г. на фоне долговременных тенденций ее развития. Анализ основан на официальных данных Федерального агентства государственной статистики Российской Федерации (Росстата), собственных расчетных показателях, полученных с использованием этих данных, данных специальных обследований, среди которых крупное обследование «Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе», проводившееся в рамках международной программы Европейской экономической комиссии ООН «Generations and Gender Programme»/Программа «Поколения и гендер» Независимым институтом социальной политики, а также на материалах научных публикаций.

УДК 314.122(042.3)
ББК 60.7(2Рос)

ISBN 978-5-7598-0481-9

© Институт демографии ГУ ВШЭ, 2007
© Оформление. Издательский дом ГУ ВШЭ, 2007

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие.....	5
------------------	---

1. Численность и размещение населения

1.1. Число россиян продолжает сокращаться	6
1.2. Вклад в сокращение населения России вносят все ее крупные регионы	15
1.3. Усиливается неравномерность расселения по территории страны	21
1.4. Стагнация урбанизации или дезурбанизация?	23
1.5. Число крупных городов уменьшается, но они берут свое	32

2. Брачность и рождаемость

2.1. Рост числа регистрируемых браков продолжается	40
2.2. Повышение возраста вступления в брак приостановилось?	44
2.3. Неформальных брачных союзов становится все больше	53
2.4. Тенденции динамики разводов не вполне ясны	65
2.5. После пяти лет повышения рождаемость снова снизилась.....	71
2.6. Вклад вторых и третьих рождений повысился	77
2.7. Материнство продолжает стареть.....	84
2.8. Рождаемость реальных поколений может стабилизироваться на уровне 160 детей на 100 женщин.....	92
2.9. Доля внебрачных рождений достигла 30%.....	94
2.10. Распределение женщин по брачному состоянию влияет на уровень итоговой рождаемости.....	101
2.11. За 15 лет число абортс снизилось более чем вдвое, но все еще остается высоким	106
2.12. Аборт постепенно вытесняется контрацепцией	117
2.13. Рождаемость в России намного ниже уровня замещения поколений	125

3. Здоровье

3.1. Заболеваемость россиян растет	131
3.2. Заболеваемость гриппом самая низкая за последние 35 лет	135
3.3. «Болезни социального неблагополучия» не отстают	139
3.4. Продолжительность здоровой жизни остается низкой	145

4. Смертность и продолжительность жизни

4.1. Неопределенная динамика продолжительности жизни	149
4.2. Межрегиональные различия нарастают	154
4.3. Неблагоприятные тенденции смертности взрослых	159
4.4. Снижение детской смертности замедлилось	161
4.5. Отсутствие принципиальных изменений в структуре причин смерти взрослого населения	167
4.6. Ранняя смертность от сердечно-сосудистых заболеваний	173

5. Миграция

5.1. Сколько в России мигрантов?	186
5.2. Главный поставщик мигрантов в Россию — постсоветское пространство	192
5.3. Миграционный прирост на четыре пятых состоит из русских и представителей других народов России	196
5.4. Баланс миграционного обмена с дальним зарубежьем — не в пользу России.....	203
5.5. Подавляющее большинство россиян родились в своей стране	208
5.6. Западный перенос внутренних миграций	215

6. Заключение

6.1. Матрица демографических вызовов.....	223
6.2. Внешние вызовы	226
6.3. Внутренние вызовы	229

Приложения

Приложение 1. Федеральные округа и входящие в них субъекты Российской Федерации	237
Приложение 2. Численность населения крупнейших городов Российской Федерации	239
Приложение 3. Распределение городского населения мира по поселениям разного размера	241
Приложение 4. Ожидаемая продолжительность жизни при рождении.....	244

Предисловие

Перед вами очередной, тринадцатый ежегодный аналитический доклад о демографическом положении России. Он впервые публикуется от имени Института демографии Государственного университета — Высшей школы экономики. Все предыдущие доклады готовились Центром демографии и экологии человека Института народнохозяйственного прогнозирования Российской академии наук. В настоящее время почти все авторы этих докладов, прежде сотрудники Центра демографии и экологии человека, работают во вновь созданном Институте демографии — ИДЭМ ГУ ВШЭ. Соответственно в этот институт перенесена и подготовка ежегодных докладов.

В его тринадцатом выпуске содержится анализ демографической ситуации в России в 2005 г. на фоне долговременных тенденций ее развития. Анализ основан на официальных данных Федерального агентства государственной статистики Российской Федерации (Росстата), собственных расчетных показателях, полученных с использованием этих данных, специальных обследований, среди которых нужно выделить крупное обследование «Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе», проводившееся в рамках международной программы Европейской экономической комиссии ООН «Generations and Gender Programme»/Программа «Поколения и гендер» Независимым институтом социальной политики, а также на материалах научных публикаций.

Доклад подготовлен авторским коллективом в следующем составе:

руководитель авторского коллектива

д-р экон. наук, академик РАН *А.Г. Вишневский*;

авторы разделов:

раздел 1 — канд. экон. наук *Е.М. Щербакова*;

раздел 2 — канд. экон. наук *С.В. Захаров*,
д-р экон. наук *А.Г. Вишневский*,
канд. экон. наук *В.И. Сакевич*;

раздел 3 — канд. экон. наук *Т.Л. Харьковская*,
канд. экон. наук *Е.М. Щербакова*;

раздел 4 — канд. физ.-мат. наук *Е.А. Андреев*,
С.А. Васин,
канд. экон. наук *Е.А. Кваша*,
канд. экон. наук *Т.Л. Харьковская*;

раздел 5 — канд. геогр. наук *Ж.А. Зайончковская*,
канд. геогр. наук *Н.В. Мкртчян*;

закключение — д-р экон. наук *А.Г. Вишневский*.

1. Численность и размещение населения

1.1. Число россиян продолжает сокращаться

По оценке Федеральной службы государственной статистики (Росстата), постоянное население Российской Федерации на 1 января 2006 г. насчитывало 142 753 тыс. человек¹, а к концу года снизится, по данным месячного учета, до 142,2 млн человек. Это означает сокращение за 2005 г. соответственно на 721 и за 2006 г. — на 576 тыс. человек. За 2002—2006 гг. население России уменьшилось на 3,5 млн человек (сокращение в среднем на 0,7 млн в год, или на 0,48%), а за весь период с начала убыли населения в 1993 г. — на 6,4 млн, или на 4,3%. Если же вести отсчет от переписи населения 1989 г., после которой население еще несколько лет росло, то к моменту следующей переписи 2002 г. оно сократилось на 1855 тыс. человек, или на 1,3%, а к началу 2007 г. еще примерно на 3 млн человек, или на 2,1%.

Сокращение численности населения происходит из-за его естественной убыли, т.е. превышения числа смертей над числом рождений. Суммарная естественная убыль, впервые зарегистрированная в 1992 г., к концу 2006 г. достигла почти 12 млн человек, или 8% к численности населения России на начало 1992 г. (табл. 1.1).

Естественный прирост населения России оставался высоким — более 1% в год — лишь до середины 1960-х гг. (кроме военных лет и голодных 1933—1934 гг.), а затем заметно сократился и стабилизировался на уровне 0,5—0,7%. В течение примерно 30 лет естественный прирост сочетался с миграционной убылью населения (за счет превышения числа выбывавших из России в другие союзные республики над числом въезжавших в нее оттуда), что не мешало довольно быстрому росту населения. С середины 1970-х гг. население увеличивалось как за счет естественного, так и за счет миграционного прироста, который, как правило, не превышал четверти общего прироста. Начиная с 1992 г. миграция стала единственным источником роста численности населения, который не мог, однако, компенсировать его естественной убыли.

¹ Численность и миграция населения Российской Федерации в 2005 году: Статистический бюллетень / Федеральная служба государственной статистики. М., 2006. С. 8. В соответствии с действующей методологией текущего учета населения, оценки численности населения на начало очередного года рассчитываются на основании итогов последней переписи населения, к которым ежегодно прибавляются числа родившихся и прибывших на данную территорию и вычитаются числа умерших и выбывших с данной территории.

Перепись 2002 г. показала, что текущие оценки численности населения были занижены, по-видимому, из-за недоучета миграции. Однако и скорректированные по итогам переписи объемы миграции были таковы, что лишь в пиковый 1994 г. не только компенсировали естественную убыль, но и обеспечили прирост численности россиян (рис. 1.1). В остальные годы миграция лишь частично восполняла потери, вызванные превышением числа умерших над числом родившихся.

В целом за 1992—2006 гг. миграционный прирост возместил чуть менее половины (46,3%) естественной убыли населения, составив 6,3 млн человек. Но в последние годы по сравнению с серединой 90-х вклад миграционного компонента в рост населения заметно сократился. Наименьшим он был в 2003 г., когда компенсировал естественную убыль населения лишь на 10,5%. В 2004—2006 гг. он стал немного возрастать, составив за 2004 г. 12,5%, за 2005 г. — 14,9% и за 2006 г. (по данным за январь—октябрь) 18,1% от величины численных потерь в результате естественной убыли.

Естественная убыль населения России обусловлена режимом воспроизводства населения с низкими уровнями смертности и рождаемости, который сложился в России уже к 1960-м гг. (рис. 1.2). В течение некоторого времени естественный прирост еще оставался относительно высоким — в основном из-за особенностей возрастной структуры населения, в которой был «накоплен» определенный потенциал демографического роста. Но по мере исчерпания этого потенциала естественный прирост начал снижаться. Тем не менее вплоть до 90-х гг. именно он в основном и обеспечивал рост населения России.

Коэффициент суммарной рождаемости, опустившись к середине 60-х гг. несколько ниже уровня простого воспроизводства, в течение примерно 20 лет колебался в довольно узких пределах (от 1,9 до 2,1), а затем, после небольшого подъема в середине 80-х гг., резко сократился — до 1,2 в 1999—2001 гг. и 1,3 в 2002—2005 гг.

Это повлекло за собой падение общего числа рождений, в то время как число умерших вследствие увеличения доли пожилого населения и усиления неблагоприятных тенденций смертности сильно выросло.

Начиная с 1992 г. число смертей устойчиво превышает число рождений, несмотря на колебания уровней рождаемости и смертности. Общий коэффициент рождаемости достиг своего наименьшего значения — 8,3‰ — в 1999 г., а затем, постепенно возрастая, поднялся до 10,5‰ в 2004 г. После незначительного снижения в 2005 г. он вновь увеличился в 2006 г., составив по предварительным данным за январь—октябрь 10,4‰.

Устойчивое повышение общего коэффициента смертности прерывалось непродолжительным снижением в 1996—1998 гг., а затем возобновилось,

Таблица 1.1. Изменение численности населения России и его компоненты, 1951—2006 гг.

Годы	Численность населения в конце периода, тыс. чел.		Изменение численности населения*			
			Среднегодовые темпы прироста, ‰	Общий прирост, тыс. чел.	В том числе	
	постоянное	наличное			естественный	миграционный
1951—1955	...	112 266	17,5	9321	9160	161
1956—1960	...	120 766	14,7	8500	9515	—1015
1961—1965	...	127 189	10,4	6423	7067	—644
1966—1970	130 563	130 704	5,5	3515	4180	—665
1971—1975	134 549	134 690	6,0	3986	4180	—195
1976—1980	138 839	139 028	6,6	4338	3730	607
1981—1985	143 528	143 835	7,0	4807	3939	869
1986—1990	148 274	148 543	6,5	4746	3644	1102
1991	148 515	148 704	1,6	241	105	136
1992	148 562	148 673	0,3	47	—219	266
1993	148 356	148 366	—1,4	—206	—732	526
1994	148 460	148 306	0,7	104	—874	978
1995	148 292	147 976	—1,1	—168	—822	654
1996	148 029	147 502	—1,8	—263	—777	513
1997	147 802	147 105	—1,5	—227	—741	514
1998	147 539	146 693	—1,8	—263	—692	429

Окончание табл. 1.1

Годы	Численность населения в конце периода, тыс. чел.		Изменение численности населения*			
			Среднегодовые темпы прироста, ‰	Общий прирост, тыс. чел.	В том числе	
	постоянное	наличное			естественный	миграционный
1999	146 890	145925	—4,4	—649	—919	269
2000	146 304	145185	—4,0	—587	—949	362
2001	145 649	...	—4,5	—654	—933	278
2002	144 964	...	—4,7	—686	—917	231
2003	144 168	...	—5,5	—796	—889	93
2004	143 474	...	—4,8	—694	—793	99
2005	142 754	...	—5,5	—721	—847	126
2006**	142 178	...	—4,0	—576	—703	127

* Начиная с 1991 г. — по постоянному населению.

** Оценка по данным за январь—октябрь 2006 г.

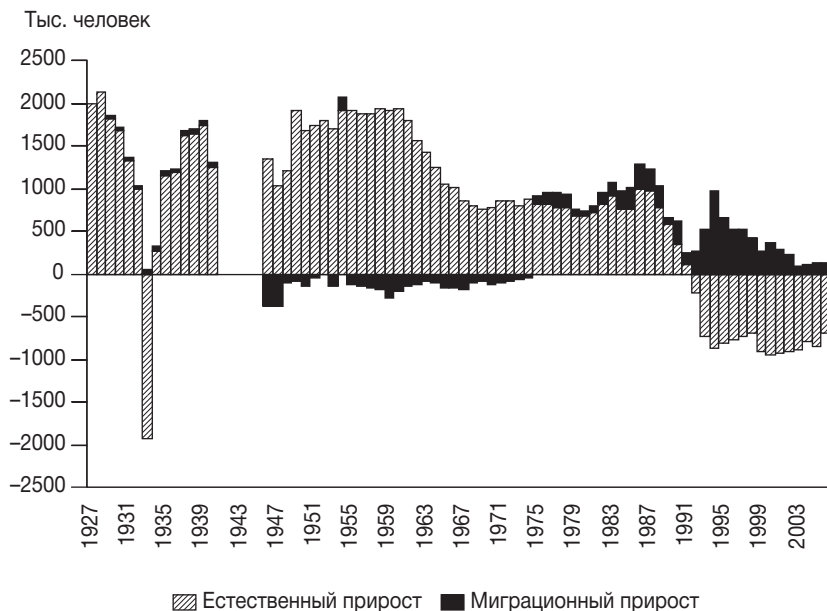

Рис. 1.1. Компоненты прироста населения России, 1927—2006 гг.*, тыс. человек

* Составлено по: Андреев Е.М., Дарский Л.Е., Харькова Т.Л. Демографическая история России: 1927—1957 гг. М., 1998. С. 164—165; Демографический ежегодник Российской Федерации, 1993. М., 1994. С. 10; Демографический ежегодник России, 2005. М., 2005. С. 41; Численность и миграция населения Российской Федерации за 2005 год. М., 2006. С. 11; Социально-экономическое положение России. 2006. Январь—ноябрь. С. 287—289.

в результате чего он достиг 16,4‰ в 2003 г. С 2004 г. намечилось новое снижение: по предварительным данным за январь—октябрь 2006 г. общий коэффициент смертности составил 15,4‰. В итоге естественная убыль немного сократилась.

Естественная убыль, составившая 0,15% в 1992 г., быстро достигла уровня 0,5—0,6% в год, а в 2000—2002 гг. — почти 0,7%. Миграционный прирост достигал близких абсолютных значений лишь в 1992—1995 гг., а в остальные годы был заметно ниже.

Хотя очень низкая рождаемость и соответственно очень низкий естественный прирост довольно широко распространены в современном мире, стран с естественной убылью населения не так уж много. В 2006 г. она зарегистрирована в 16 странах мира: в 15 европейских и одном африканском

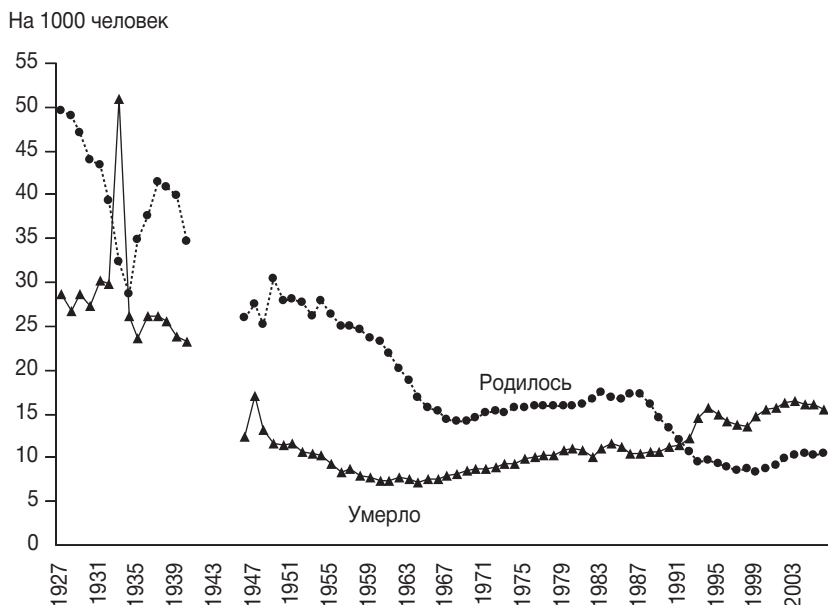

Рис. 1.2. Число родившихся и умерших в России, 1927—2006 гг.*, на 1000 человек

* Составлено по тем же источникам.

государстве (рис. 1.3)². Наиболее интенсивна естественная убыль на Украине — 0,8% в год. Россия делит второе место с Белоруссией и Литвой (по 0,6%).

Убыль населения нашей страны отмечалась и ранее — на протяжении XX в. это было в годы Первой мировой и Гражданской войн, голода и репрессий 1930-х гг., Второй мировой войны. Тем не менее за неполное столетие, прошедшее между первой Всеобщей переписью населения Российской империи 1897 г. и 1992 г., когда число россиян достигло максимума, численность населения России в современных границах более чем удвоилась (рис. 1.4). Но сейчас речь идет об устойчивом сокращении населения (депопуляции) — совершенно новом явлении в истории России. В отличие от предыдущих периодов сокращения населения, когда убыль была обусловлена демографическими факторами, в 90-е гг. XX в. она была предо-

² World Population Data Sheet. 2006. Population Reference Bureau, 2006. P. 5—10 // www.prb.org

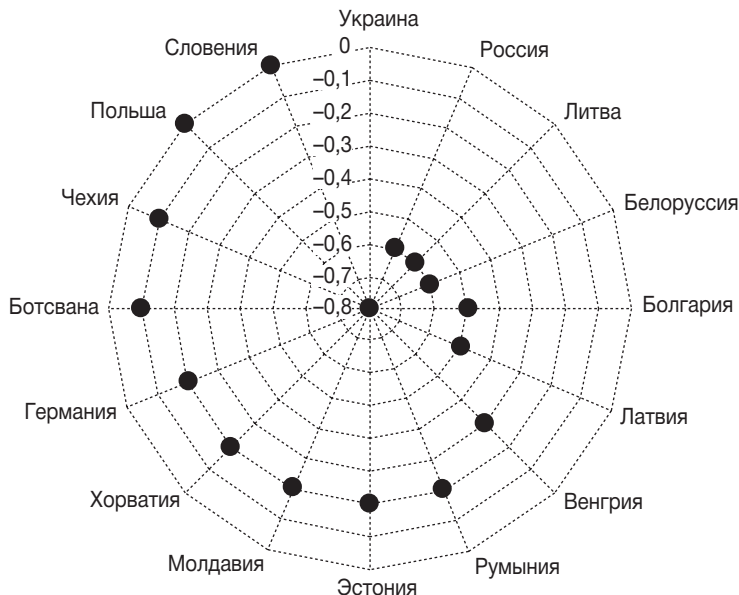

Рис. 1.3. Страны мира с естественной убылью населения в 2006 г., убыль в %

пределена самым ходом демографического развития. Именно в силу своей внутренней обусловленности эта тенденция устойчива и в ближайшее время, несомненно, сохранится.

По численности населения Россия давно входит в число крупнейших стран мира. Уже в 1930-е гг., несмотря на значительные людские потери в результате социальных катаклизмов периода войн, революций, репрессий, голода, число россиян превысило 100 млн человек. Даже в 1950 г. таких стран было всего четыре: Китай (555 млн человек), Индия (358), США (158) и Россия (103 млн человек, притом что Россия еще не восстановила свою довоенную численность)³. Но позже, несмотря на продолжавшийся рост населения, наша страна постепенно уступала позицию «лидера», пропуская вперед развивающиеся страны с более быстро прирастающим населением. По оценке на середину 2006 г., Россия занимала восьмое место в мире — после Китая (1311), Индии (1122), США (299), Индонезии (225),

³ World Population Prospects: The 2004 Revision. Highlights. United Nations, Department of Economic and Social Affairs, Population Division. N.Y., 2005. P. 40.

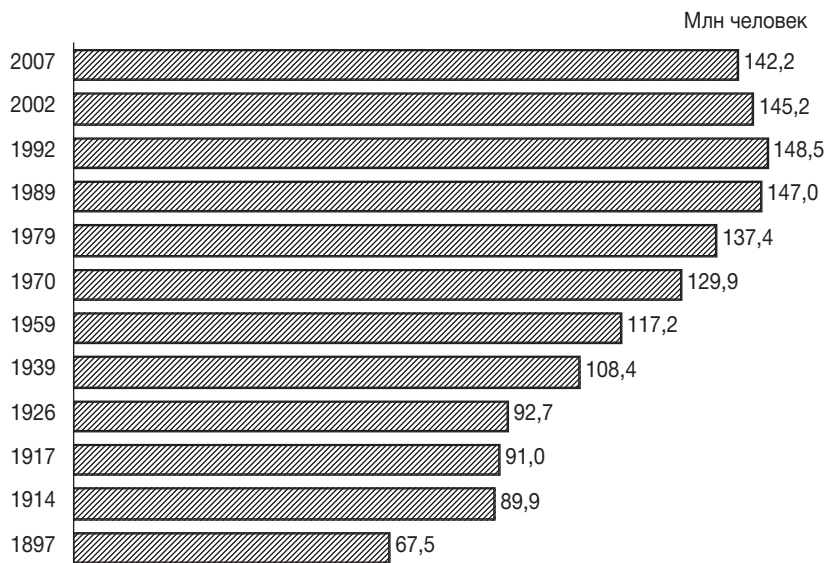

Рис. 1.4. Численность населения России (в современных границах), по данным переписей* и текущего учета**, млн человек

* По переписям 1897, 1926, 1939 гг. — наличное население, к которому относят всех находившихся на момент переписи на данной территории, включая временно проживающих; по переписям 1959, 1970, 1979, 1989 и 2002 гг. — постоянное население, к которому относят лиц, постоянно проживающих на данной территории, включая временно отсутствовавших на момент переписи.

** 1992 и 2007 гг. — на начало года. За 2007 г. — предварительная оценка по данным ежемесячных докладов Росстата «Социально-экономическое положение России».

Бразилии (187), Пакистана (166) и Бангладеш (147 млн человек)⁴. В ближайшие десятилетия Россия покинет десятку крупнейших по численности населения стран мира.

Имеется несколько прогнозов изменений численности населения России при сохранении существующих тенденций естественного воспроизводства и миграции. При некоторых частных различиях между ними все прогнозы показывают, что в ближайшие десятилетия нельзя ожидать не только дальнейшего демографического роста, но даже прекращения убыли населения,

⁴ World Population Data Sheet. 2006. Population Reference Bureau, 2006. P.1 // www.prb.org

в лучшем случае ее удастся несколько замедлить. На это указывают все имеющиеся перспективные оценки (табл. 1.2).

Таблица 1.2. Минимальные и максимальные значения численности населения России в 2025 и 2050 гг. согласно некоторым перспективным оценкам

Автор оценки	2025	2050
ООН, пересмотр 2002 г.	122—127	92—112
ООН, пересмотр 2004 г.	122—137	92—135
Центр демографии и экологии человека, 2004 г.	119—131	86—112
Росстат, вариант 2005 г.	126—146	...
Деловая Россия, 2005 г.	122—134	...

Источники: World Population Prospects: the 2002 Revision. N.Y., UN, 2003. Vol. 1. Comprehensive tables; World Population Prospects: The 2004 Revision. Highlights. N.Y., UN, 2005. Р. 40; Население 2002: Десятый ежегодный демографический доклад. М.: Центр демографии и экологии человека, 2004. С. 182, табл. 6.4; Предположительная численность населения Российской Федерации до 2025 года: Статистический бюллетень. Федеральная служба государственной статистики. М., 2005. С. 7—8; Общероссийская общественная организация «Деловая Россия». Социально-экономические последствия демографического кризиса в России: пути преодоления. М., 2005. Табл. 2.4.

Как следует из табл. 1.2, почти во всех случаях даже самые оптимистические оценки предсказывают сокращение численности населения России и к 2025, и к 2050 гг., а поскольку развитие редко идет по самому оптимистическому сценарию, сокращение населения будет скорее всего значительно большим, чем можно рассчитывать, ориентируясь на верхние значения приведенных в таблице «вилки». Исключение составляют оценки Росстата, считающиеся официальными. Но эти оценки предполагают существенные изменения в миграционной политике и высокую степень компенсации естественной убыли миграционным приростом⁵.

Россия — не единственная страна, в которой ожидается убыль населения. Согласно прогнозу ООН такая убыль охватит более четырех десятков стран: ряд стран Европы, большинство бывших республик СССР (кроме Азербайджана, Армении и среднеазиатских государств), Японию и некоторые развивающиеся страны с высокими уровнями смертности и заболеваемости

⁵ Постепенное повышение миграционного прироста — до 840 тыс. человек в год — и снижение в 2—3 раза естественной убыли населения.

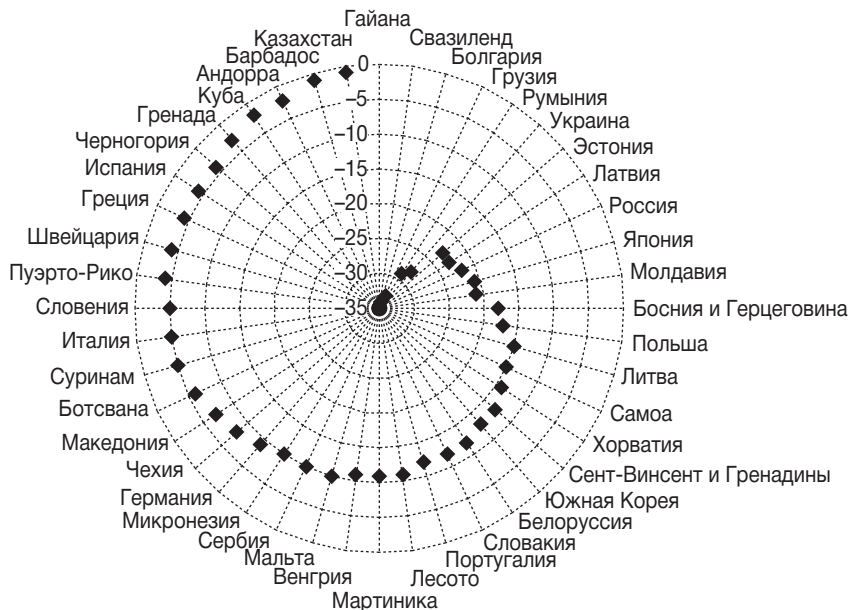

Рис. 1.5. Прогнозируемое сокращение численности населения стран мира за 2006—2050 гг., %

СПИД и ВИЧ-инфекцией (рис. 1.5). Однако население большинства стран мира продолжит расти, при этом тройка «лидеров» останется неизменной — Китай, Индия и США. Индия, население которой к середине века вырастет до 1628 млн человек, обгонит Китай (1437 млн), а население США составит к этому времени 420 млн человек.

1.2. Вклад в сокращение населения России вносят все ее крупные регионы

На 1 января 2006 г. в состав Российской Федерации входило 88 регионов — субъектов Федерации: 21 республика, 9 автономных округов, 1 автономная область, 7 краев, 48 областей и 2 города федерального значения.

Среди регионов — субъектов Федерации по численности населения выделяются Москва и Московская область (соответственно 7,3 и 4,6% населения России), Краснодарский край (3,6%), Санкт-Петербург (3,2%), Свердловская (3,1%) и Ростовская (3,0%) области. На другие субъекты Федерации приходится менее чем по 3%.

Ранее все субъекты Федерации (кроме Калининградской области) объединялись в 11 крупных экономико-географических районов, а в соответствии с региональной реформой 2000 г. сгруппированы в 7 федеральных округов⁶.

С конца 1990-х гг. во всех федеральных округах России наблюдается убыль населения (табл. 1.3).

Таблица 1.3. Изменение численности населения федеральных округов Российской Федерации, 1989—2006 гг., %

	Между переписями 1989 и 2002 гг.	После переписи 2002 г. (2002 — 2006 гг.)*	В том числе за год		
			2003	2004	2005
Российская Федерация	–1,3	–2,0	–0,55	–0,48	–0,50
Федеральные округа:					
Центральный	0,2	–2,0	–0,56	–0,50	–0,50
Северо-Западный	–8,3	–2,9	–0,84	–0,73	–0,75
Южный	11,5	–0,6	–0,18	–0,13	–0,13
Приволжский	–1,9	–2,5	–0,65	–0,62	–0,65
Уральский	–1,2	–1,2	–0,37	–0,30	–0,29
Сибирский	–4,8	–2,3	–0,65	–0,54	–0,60
Дальневосточный	–15,8	–2,6	–0,68	–0,62	–0,70
Европейская часть	0,2	–2,0	–0,56	–0,49	–0,50
Азиатская часть	–6,5	–1,9	–0,52	–0,44	–0,50

* Численность населения на 1 октября 2006 г.⁷ к численности населения на дату переписи 2002 г. — 9 октября.

В 90-е гг. убыль населения стала характерной для большинства российских регионов (рис. 1.6). Согласно итогам переписи 2002 г. население по сравнению с 1989 г. уменьшилось в 66 субъектах Российской Федерации. К регионам со значительным сокращением числа жителей относятся: Чукотский автономный округ [88]⁸ (в 3 раза), Магаданская область [85] (бо-

⁶ См. приложение 1.

⁷ Рассчитано по данным, опубликованным в ежегодном бюллетене «Численность населения Российской Федерации по городам, поселкам городского типа и районам на 1 января 2006 года» и ежемесячном бюллетене «Социально-экономическое положение России. Январь—ноябрь 2006».

⁸ В квадратных скобках приведены номера регионов, используемые на графиках.

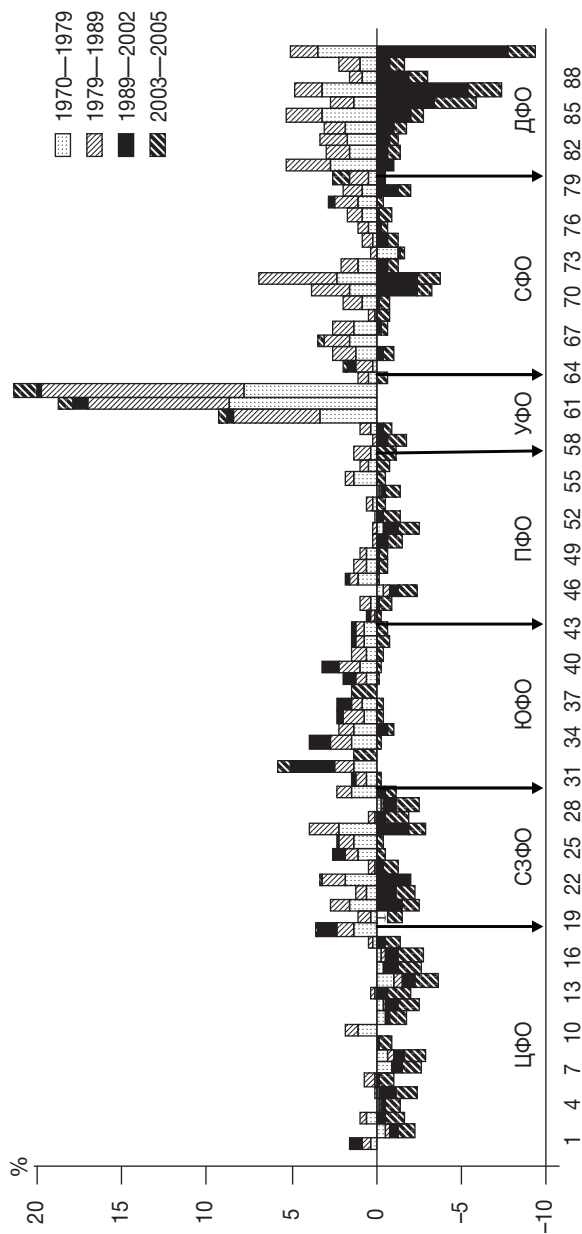

Рис. 1.6. Среднегодовые темпы прироста (убыли) численности населения регионов — субъектов Российской Федерации в межпереписные периоды и в 2003—2005 гг.

По данным переписей 1970, 1979, 1989 и 2002 гг. и текущего учета *, %

* Рассчитано по: Демографический ежегодник России. 2005: Статистический сборник. Росстат. М., 2005. С. 21—23; Регионы России. Социально-экономические показатели. 2005: Статистический сборник. Росстат. М., 2006. С. 36—37; Численность населения Российской Федерации по городам, поселкам городского типа и районам на 1 января 2006 года: Статистический бюллетень. Росстат. М., 2006. С. 24—26.

Здесь и далее, если не оговорено другое, регионы пронумерованы в стандартном порядке, используемом в публикациях Федеральной службы государственной статистики (см. приложение 1). На графике не представлены данные по Ингушетии и Чечне за 1970—2002 гг., поскольку до 1993 г. существовала единая Чечено-Ингушская Республика.

лее чем в 2 раза), Корякский [84] (на 37%), Таймырский (Долгано-Ненецкий) [69], Эвенкийский [70] автономные округа (по 29%), Камчатская [83], Мурманская [26], Сахалинская [86] области и Ненецкий автономный округ [22] (по 23—24%) и некоторые другие регионы Севера и Дальнего Востока.

В отдельных субъектах Российской Федерации численность населения за прошедший период, напротив, возросла. Наибольший прирост отмечался в Республике Дагестан [31] (на 43%), Кабардино-Балкарской Республике [33] (20%), г. Москве [18] (17%), Ставропольском крае [39] (13%), Республике Северная Осетия — Алания [36] и Ханты-Мансийском автономном округе — Югре [60] (по 12%), Краснодарском крае [38] (11%), Белгородской [1] и Калининградской [24] областях (по 10%). Совокупное население Чечни [37] и Ингушетии [32], по данным переписи 2002 г., увеличилось почти на 24% по сравнению с числом жителей бывшей Чечено-Ингушской Республики.

В результате за период между переписями 1989 и 2002 гг. увеличилось население Центрального (за счет прироста населения Москвы [18] и Белгородской области [1]) и Южного федерального округа (все регионы, кроме Калмыкии [34], которая еще совсем недавно отличалась довольно высоким ростом населения) и Европейской части страны в целом.

За время, прошедшее после переписи населения 2002 г., число жителей увеличилось в 14 субъектах Российской Федерации. Наиболее быстро оно растет в северокавказских республиках — Чечне [37] (на 6,8% за 2002—2006 гг.), Ингушетии [32] (5,2%) и Дагестане [31] (3,0%), а также в добывающих регионах Крайнего Севера — Ямало-Ненецком [61] (5,0%), Ханты-Мансийском — Югре [60] (3,7%) и Ненецком [22] (2,3%) автономных округах. Кроме того, рост населения отмечался в Агинском Бурятском автономном округе [78] (на 4,2%), а также в Тюменской области в целом [59] (2,1%), республиках Тыва [65] и Алтай [63] (по 1,1%). Население г. Москвы [18] увеличилось за этот период на 0,5%, Московской области [10] — на 0,3%. Прирост населения Республики Саха (Якутия) [79] и Белгородской области [1] близок к нулю.

В остальных регионах население сокращается, причем в 9 из них оно уменьшилось за этот период на 5% и более: в Корякском [84], Чукотском [88] и Эвенкийском [70] автономных округах, Ивановской [5], Магаданской [85], Псковской [28], Смоленской [13], Тверской [15] и Тульской [16] областях.

Начиная с 1993 г. естественная убыль наблюдается во всех федеральных округах и в большинстве субъектов Российской Федерации. Если еще в 1992 г. естественный прирост отмечался в половине российских регионов, то в 1993 г. — только в 19. В дальнейшем эта группа еще больше сузилась. Но поскольку в ряде регионов естественный прирост близок к нулевому, число субъектов Федерации в этой группе колеблется: в 1998 г. она включала

21 регион, в 2002—2003 гг. — 16, в 2004 г. — 17, в 2005 г. вновь — 16, в январе—октябре 2006 г. — 19.

В условиях ставшей практически всероссийской естественной убыли заметное влияние на изменение численности населения регионов оказали объемы и направления миграций, прежде всего внутренних, составляющих до 90% и более в миграционном обороте населения России. Основные потоки внутренних мигрантов направлялись в Центр, Поволжье и на Юг страны, что привело к значительному сокращению численности населения районов Севера, Сибири и Дальнего Востока.

Данные текущего учета рождаемости, смертности, убытий и прибытий населения за 2005 г. подтверждают, что тенденции динамики населения и ее структурные компоненты, сложившиеся в 1990-е гг., в целом сохраняются (рис. 1.7).

Значительный естественный прирост характерен для трех республик Северного Кавказа: Чечни [37] (19,8‰ за 2005 г.), Ингушетии [32] (10,2‰) и Дагестана [31] (9,6‰). Заметно ниже он в республиках Саха (Якутия) [79] и Тыва [65] (по 4—5‰), Алтай [63] и Калмыкия [34] (по 1,5‰) и близок к нулевой отметке в Кабардино-Балкарии [33] и Карачаево-Черкессии [35]. Достаточно высок естественный прирост населения северных регионов, отличающихся молодой возрастной структурой: Ямало-Ненецкого [61] и Ханты-Мансийского [60] (по 6—7‰) автономных округов, а также Агинского Бурятского [78], Ненецкого [22], Таймырского [69], Чукотского [88] и Эвенкийского [70] автономных округов (от 1,4 до 4,6‰).

Естественная убыль по-прежнему наиболее высока (13—15‰ в год) в Псковской [28], Тульской [16], Тверской [15], Новгородской [27], Ивановской [5], Смоленской [13] и Ленинградской [25] областях. В большинстве остальных регионов Центрального, Северо-Западного и Приволжского федеральных округов она также значительна и составляет от 7‰ до 10‰ в год.

Сохраняется интенсивный миграционный отток из регионов Крайнего Севера, входящих в Дальневосточный и Северо-Западный федеральные округа: в 2005 г. он составил от 16 до 20‰ в Магаданской области [85], Корякском [84] и Таймырском [69] автономных округах. Заметную убыль в результате миграционного обмена с другими территориями несут также Эвенкийский [70] и Чукотский [88] автономные округа, Камчатская [83], Мурманская [26] и Сахалинская [86] области, республики Коми [20], Карачаево-Черкессия [35] и Калмыкия [34], Еврейская автономная область [87]. Всего в 2005 г. миграционный отток был зарегистрирован в 53, а, по предварительным данным за 2006 г., в 52 регионах. Наибольшие абсолютные значения миграционной убыли населения в 2005 г. отмечались в Республике Коми

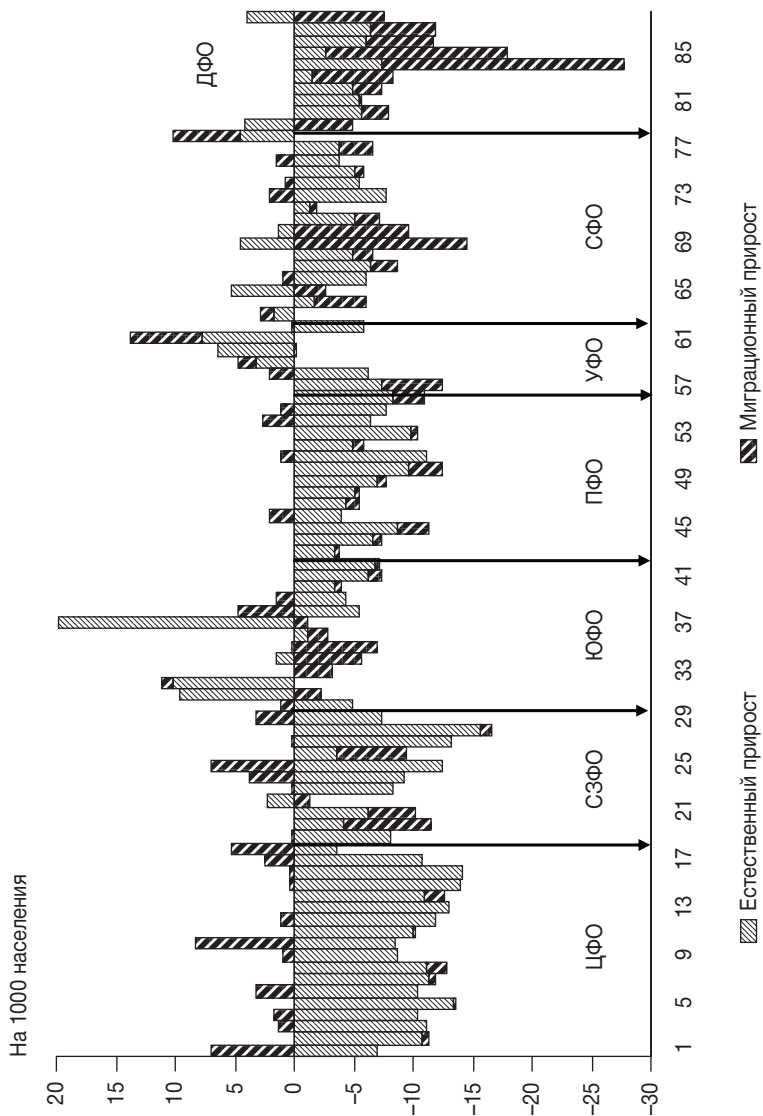

Рис. 1.7. Компоненты прироста (убыли) населения регионов Российской Федерации, 2005 г., на 1000 населения

[20] (7,3 тыс. человек), Алтайском крае [67] (6,2), Республике Дагестан [31] (6,1), Архангельской [21], Иркутской [71], Курганской [57] и Мурманской [26] областях (по 5 тыс. человек и более).

Население других российских регионов, напротив, увеличивается за счет миграционного притока. Наиболее интенсивен он в Московской [10] (8,2‰), Белгородской [1] и Ленинградской [25] областях (по 7‰). В Агинском Бурятском [78] и Ямало-Ненецком [61] автономных округах, г. Москве [18] и Краснодарском крае [38] он составил в 2005 г. от 4,7 до 6,1‰.

А по абсолютным значениям миграционного прироста за 2005 г. выделяются г. Москва [18] (54,9 тыс. человек) и Московская область [10] (54,7), Краснодарский край [38] (23,8), г. Санкт-Петербург [29] (14,5), Ленинградская [25] (11,5) и Белгородская [1] (10,5 тыс. человек) области.

1.3. Усиливается неравномерность расселения по территории страны

Россия располагает самой большой территорией в мире — более 17 млн км², которая почти вдвое превосходит территории других «гигантов» — Китая, США, Канады. В то же время население ее не столь велико, к тому же оно крайне неравномерно распределено по огромной территории. Наиболее плотно заселены историческое ядро России, Северный Кавказ и Поволжье, но и здесь плотность населения вдвое ниже, чем в Европейском союзе (119 человек на 1 км²). Европейская часть страны сопоставима по заселенности с США (31 человек на 1 км²). В Азиатской же части, занимающей $\frac{3}{4}$ территории, проживает лишь один из пяти россиян (табл. 1.4). Особенно слабо заселены районы Крайнего Севера и приравненные к ним местности⁹ с суровыми климатическими условиями, на которые приходится около 70% территории России. На начало 2006 г. в них проживало 10,6 млн человек, или 7,5% от общей численности россиян.

⁹ Особый статус районов Крайнего Севера и местностей, приравненных к нему, был закреплен постановлением Совета Министров СССР 1967 г., согласно которому для работающих в этих районах были установлены ежемесячные надбавки к заработной плате, дополнительные отпуска, доплаты к пособиям по временной нетрудоспособности, льготы при назначении пенсий и др.

В 90-х гг. перечень территорий расширился. Теперь такой статус имеет вся территория республик Карелия, Коми, Саха (Якутия), Тыва, Долгано-Ненецкого, Корякского, Ненецкого, Ханты-Мансийского, Чукотского, Эвенкийского и Ямало-Ненецкого автономных округов, Архангельской, Камчатской, Магаданской, Мурманской и Сахалинской областей, а также часть территории республик Алтай и Бурятия, Красноярского, Приморского и Хабаровского краев, Амурской, Иркутской, Пермской, Томской, Тюменской и Читинской областей.

Таблица 1. 4. Постоянное население и территория федеральных округов Российской Федерации на начало 2006 г.¹⁰

	Население		Территория*		Плотность населения, чел./км ²
	тыс. чел.	%	тыс. км ²	%	
Российская Федерация	142 754	100,0	17 098,2	100,0	8,3
В том числе округа:					
Центральный	37 356	26,2	650,2	3,8	57,5
Северо-Западный	13 628	9,5	1687,0	9,9	8,1
Южный	22 790	16,0	591,3	3,5	38,5
Приволжский	30 511	21,4	1037,0	6,1	29,4
Уральский	12 244	8,6	1818,5	10,6	6,7
Сибирский	19 676	13,8	5145,0	30,1	3,8
Дальневосточный	6547	4,6	6169,3	36,1	1,1
Европейская часть	113 207	79,3	4319,8	25,3	26,2
Азиатская часть	29 547	20,7	12 778,5	74,7	2,3
Районы Крайнего Севера и приравненные к ним	10 650	7,5	11 900,0	69,6	0,9

* По данным Роснедвижимости на 1 января 2006 г.

На протяжении XX в. доминирующей тенденцией расселения был регулируемый, подчас весьма жесткими мерами, сдвиг населения на север и восток и, в меньшей степени, на юг. Доля россиян, проживающих в азиатской части страны, стабильно, хотя и с существенным замедлением в 60—80-е гг. росла — от 13,3% в 1926 г. до 21,8% в 1989 г. Постоянно увеличивалась доля населения, проживавшего на территории современных федеральных округов: Уральского (с 5,3 до 8,5%), Сибирского (с 10,6 до 14,3%), Дальневосточного (с 1,7 до 5,4%) и Южного (с 12,5 до 14,0%). А удельный вес населения Центрального и Приволжского округов, напротив, неуклонно сокращался (соответственно с 34,5 до 25,9% и с 26,2 до 21,5%).

После переписи 1989 г. возобладала обратная тенденция — смещение массы населения с северо-восточных окраин страны в юго-западном направлении. В результате население азиатской части страны уменьшилось

¹⁰ Численность и миграция населения Российской Федерации в 2005 году: Статистический бюллетень. Федеральная служба государственной статистики. М., 2006. С. 5—10, 215.

за 1989—2006 гг. на 2656 тыс. человек, а население европейской части — на 2021 тыс. человек (причем в период между переписями 1989 и 2002 гг. оно даже увеличилось на 240 тыс. человек, но затем также начало сокращаться, и даже быстрее, чем в азиатской части страны). В итоге доля населения азиатской части России снизилась до 20,7%.

Вследствие сокращения численности населения слабозаселенных регионов (с низкой плотностью населения) и ее роста в наиболее плотно заселенных регионах увеличивается концентрация населения во все меньшем числе регионов меньшей площади. Если по данным переписи 1989 г. 50% россиян проживало в 33 субъектах Федерации (не являющихся частью другого субъекта), общая площадь территории которых составляла около 7% территории России, то в 2002 г. — в 29 регионах на 6,5% площади территории страны, а на начало 2006 г. — в 27 регионах с совокупной долей территории в 6,2% от общей территории страны.

1.4. Стагнация урбанизации или дезурбанизация?

Впервые за всю историю последнего столетия в период между переписями 1989 и 2002 гг. сократилась численность городского населения России — на 1530 тыс. человек, или на 1,4% (рис. 1.8). Сельское население, напротив, убывало давно, сократилось оно и между двумя последними переписями, но в меньшей степени, чем городское, — на 225 тыс. человек, или на 0,7%. В результате доля городского населения не увеличилась, как происходило раньше, а осталась практически неизменной, уменьшившись на десятую долю процента — до 73,3%.

К началу 2006 г. число жителей городских поселений снизилось до 104 105 тыс., сельских¹¹ — до 38 649 тыс. человек, в результате чего доля горожан опустилась до 72,9%. Хотя это и небольшое снижение, но оно заслуживает внимания. Не признак ли это наметившейся дезурбанизации?

Возможно также и то, что дает о себе знать преимущественно экстенсивный характер советской урбанизации, искусственное преувеличение ее масштабов, когда в городские поселения поспешно зачислялись не вполне готовые к этому пригородные и некоторые другие населенные места. Во всяком случае, вплоть до начала 1990-х гг. городское население страны быстро росло и абсолютно, и относительно, вследствие чего Россия стремительно

¹¹ Городскими поселениями считаются населенные пункты, утвержденные законодательными актами в качестве городов и поселков городского типа (рабочих, курортных, дачных поселков и поселков закрытых административно-территориальных образований). Все остальные населенные пункты считаются сельскими.

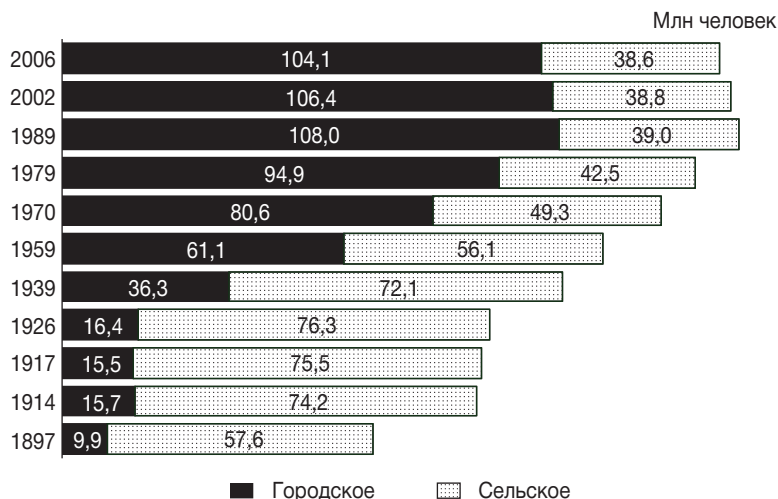

Рис. 1.8. Городское и сельское население России, 1897—2006 гг.*, млн человек

* Численность и размещение населения. М.: ИИЦ «Статистика России», 2004. (Итоги Всероссийской переписи населения. Федеральная служба государственной статистики. Т. 1). С. 7; Численность населения Российской Федерации по городам, поселкам городского типа и районам на 1 января 2006 года: Статистический бюллетень. Росстат. М., 2006. С. 24.

превращалась в страну горожан. Не исключено, что нынешние дезурбанизационные тенденции обусловлены приведением административного статуса части считавшихся городскими населенных мест и соответствующих статистических показателей в большее соответствие с реальностью. Но в любом случае эти тенденции заслуживают серьезного внимания.

По данным первой Всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г., в городских поселениях в современных границах России проживало лишь 15% ее населения. К концу 1930-х гг. в городских поселениях проживала уже треть россиян, к концу 1950-х — половина, а с конца 1980-х по настоящее время — почти три четверти.

До начала 1990-х гг. рост городского населения России происходил за счет трех составляющих: естественного и миграционного прироста и административно-территориальных преобразований¹².

¹² При преобразовании сельских поселений в городские или включении их в черту разраставшихся городских поселений их жители, никуда не выезжая, становились горожанами.

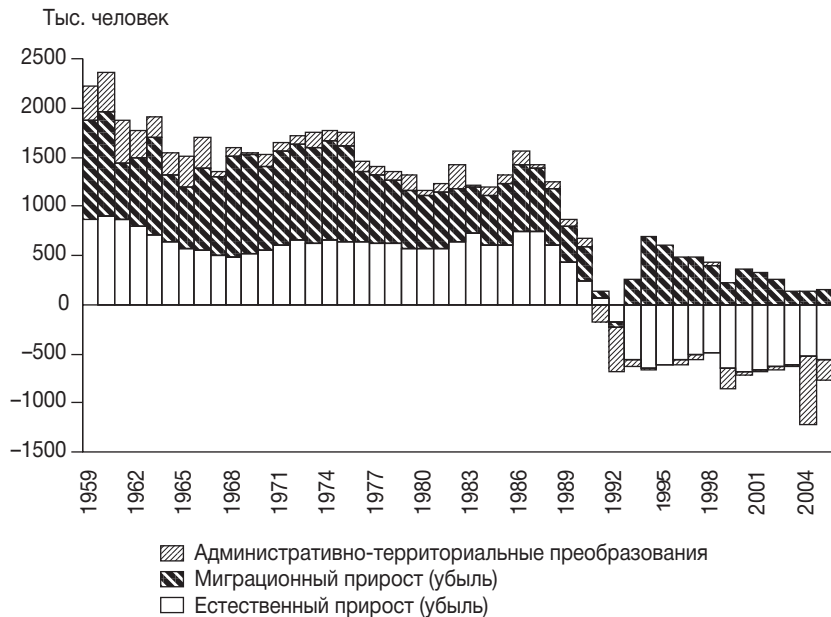

Рис. 1.9. Компоненты прироста (убыли) городского населения России, 1959—2005 гг., тыс. человек

Начавшаяся в 1992 г. естественная убыль населения стала основным долговременным фактором уменьшения числа горожан, однако к ней добавился зафиксированный данными текущего учета в 1992 г. миграционный отток из городских поселений, что дополнительно повлияло на сокращение их численности. Но более существенную роль сыграло такое новое по сравнению с практикой предшествующих десятилетий явление, как преобразование городских поселений — главным образом поселков городского типа — в сельские населенные пункты (рис. 1.9). В отдельные годы — 1991—1992 и 2004 — оно принимало массовый характер, хотя одновременно с этим продолжались и обратные преобразования сельских поселений в городские.

Потери городского населения за счет естественной убыли составили в 2003 г. 607 тыс. человек ($-5,7\%$), в 2004 г. — 533 тыс. человек ($-5,1\%$), в 2005 г. — 559 тыс. человек ($-5,4\%$). В итоге административно-территориальных преобразований число горожан сократилось соответственно на 24, 694 и 204 тыс. человек (или на $-0,2\%$, $-6,6\%$, $-2,0\%$). Чистая миграция, напротив, увеличивала число горожан, но в незначительной степени —

в 2003 и 2004 гг. на 128 тыс. человек (на 1,2‰) и в 2005 г. на 148 тыс. человек (на 1,4‰).

Уменьшение численности горожан в результате административно-территориальных преобразований означало соответствующее увеличение числа сельских жителей в абсолютном выражении (рис. 1.10), хотя в относительном выражении оно более значимо — соответственно на 0,6‰, 18,0 и 5,3‰. Но основным долгосрочным фактором динамики сельского населения является все же его естественная убыль. В 2003 г. она составила 282 тыс. человек (или $-7,3‰$), в 2004 г. — 293 тыс. человек ($-6,8‰$), в 2005 г. — 260 тыс. человек ($-7,4‰$), что несколько превышает интенсивность естественной убыли городского населения. Миграционные потоки из села в город, еще недавно весьма многолюдные, стали играть менее заметную роль, хотя с 2000 г. они вновь уменьшают численность сельского населения (в 1991—1999 гг. сельское население увеличивалось за счет миграционного обмена с другими территориями). В результате численность

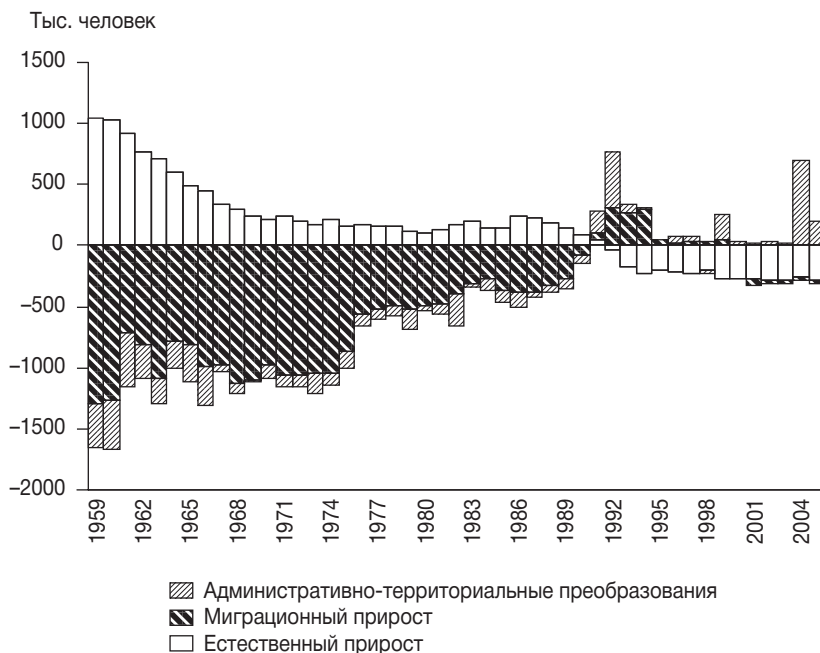

Рис. 1.10. Компоненты прироста (убыли) сельского населения России, 1959—2005 гг., тыс. человек

сельского населения возростала в 1991—1994 и 2004 гг., а в остальные годы продолжала уменьшаться.

Что касается региональной динамики городского и сельского населения, то за период между переписями 1989 и 2002 гг. численность городского населения сократилась по всем федеральным округам, кроме Южного и Центрального, а численность сельского населения — по всем округам, кроме Южного, в котором оно выросло весьма существенно — на 17,8% (табл. 1.5). За период после переписи 2002 г. сократилось городское население всех федеральных округов, а сельское — только в Центральном, Северо-Западном, Приволжском и Сибирском федеральных округах. Наиболее интенсивной была убыль городского населения Дальневосточного федерального округа и сельского населения Центрального федерального округа.

В результате доля Центрального федерального округа в сельском населении России упала с 26,0% в 1970 г. до 19,0% в 2006 г., а доля Южного округа, напротив, возросла — с 17,3% до 25,3%.

Доли федеральных округов в городском населении более стабильны: около 28,8% сконцентрировано в Центральном, 20,6% — в Приволжском, 10,8% — в Северо-Западном. Доля Южного федерального округа в городском населении России увеличилась с 11,4% в 1970 г. до 12,5% на начало 2006 г.

Согласно данным переписей населения 1970, 1979, 1989 и 2002 гг. сокращение городского населения регионов — субъектов Российской Федерации стало устойчивой тенденцией только в 1990-х гг. (исключение составляет лишь Усть-Ордынский Бурятский автономный округ, число городских жителей в котором немного сократилось и в 1970—1979 гг.). В период между переписями 1989 и 2002 гг. число горожан сократилось в 57 регионах, в 2002—2005 гг. — в 71. Рост городского населения продолжается в ряде северокавказских и сибирских республик (Дагестане, Ингушетии, Кабардино-Балкарии, Чечне, Тыве, Саха-Якутии) и автономных округов (Агинском Бурятском, Корякском, Ханты-Мансийском и Ямало-Ненецком), а также в Республике Татарстан, Ненецком автономном округе, Белгородской, Московской и Тюменской областях.

Снижение численности сельского населения было характерно для большинства российских регионов уже в 70-е гг., но в 80—90-е гг. группа регионов, теряющих сельское население, сократилась. Если между переписями 1970 и 1979 гг. число сельских жителей уменьшилось в 68 регионах, то между переписями 1979 и 1989 гг. — в 55, 1989 и 2002 гг. — в 56 регионах, а после переписи 2002 г. — в 60 регионах. Значительным приростом сельского населения в последний период отличались Сахалинская (на 60%) и Свердловская (на 38%) области, а также Республика Башкортостан, Приморский край и Кемеровская область (по 11%).

Таблица 1.5. Прирост (убыль) численности городского и сельского населения федеральных округов Российской Федерации, 1989—2005 гг., %

	Городское население		Сельское население	
	между переписями 1989 и 2002 гг.	за 2002—2005 гг.*	между переписями 1989 и 2002 гг.	за 2002—2005 гг.*
Российская Федерация	–1,4	–2,2	–0,8	–0,2
Федеральные округа:				
Центральный	3,5	–1,2	–9,1	–3,6
Северо-Западный	–3,7	–2,7	–9,5	–1,6
Южный	7,3	–1,3	17,8	0,5
Приволжский	–1,8	–2,8	–2,3	–0,2
Уральский	–0,5	–2,8	–4,0	6,2
Сибирский	–5,7	–2,5	–2,4	–0,5
Дальневосточный	–15,7	–4,5	–16,2	5,1
Европейская часть	–0,5	–2,2	–0,6	–0,3
Азиатская часть	–0,5	–2,2	–0,5	0,2

* Численность населения на 1 января 2006 г. к численности населения на дату переписи 2002 г. — 9 октября.

Региональная динамика городского и сельского населения обусловлена главным образом устойчивой тенденцией естественной убыли населения, сложившейся в большинстве регионов и не компенсируемой миграционным приростом. Миграционный потенциал села, в предыдущие десятилетия отдававшего свое избыточное население в города, уже исчерпан. С другой стороны, далеко не все городские поселения и регионы привлекательны для мигрантов, более того, сформировались зоны устойчивого оттока населения.

Важным фактором снижения численности городского населения и соответствующего увеличения сельского стали многочисленные преобразования городских поселений в сельские, которые, возможно, и отражают неполное соответствие этих поселений приобретенному ими ранее городскому статусу. Это подтверждают и данные за 2005 г. (рис. 1.11, 1.12). Только в Калужской области [6] городское население увеличилось за счет административно-территориальных преобразований — включения в черту г. Калуги сельского

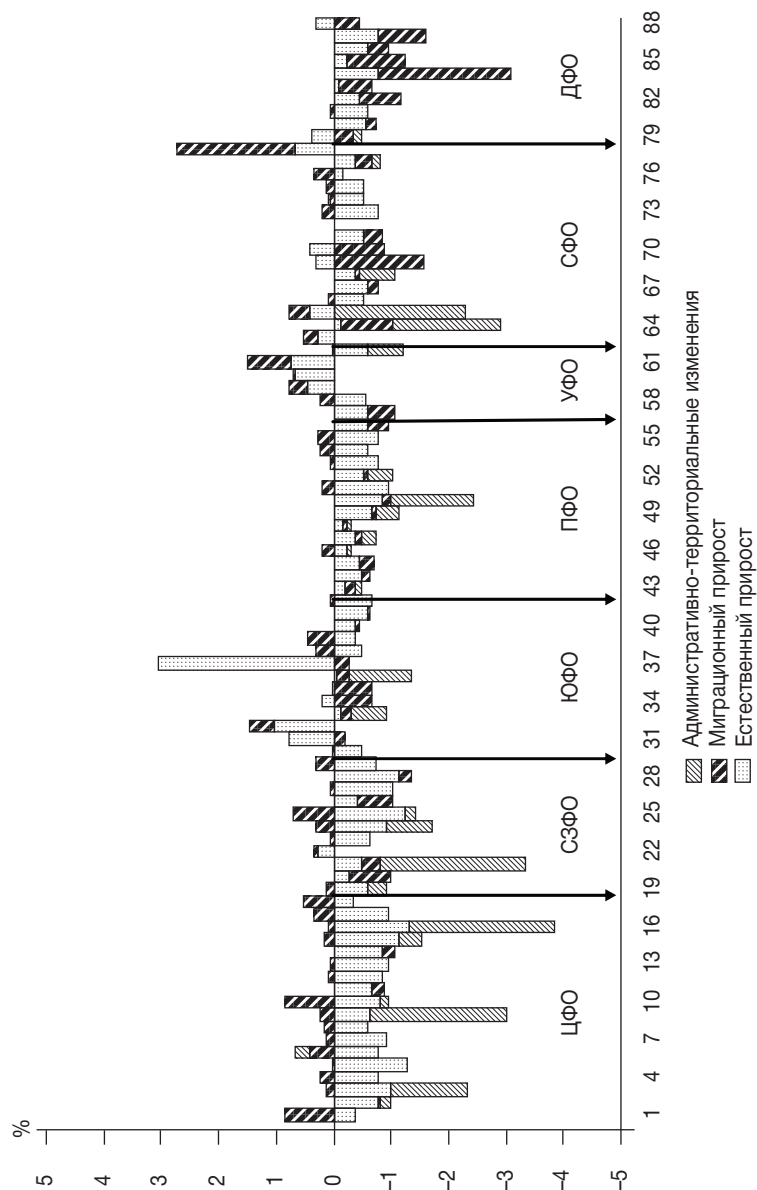

Рис. 1.11. Компоненты прироста (убыли) численности городского населения России, 2005 г., %

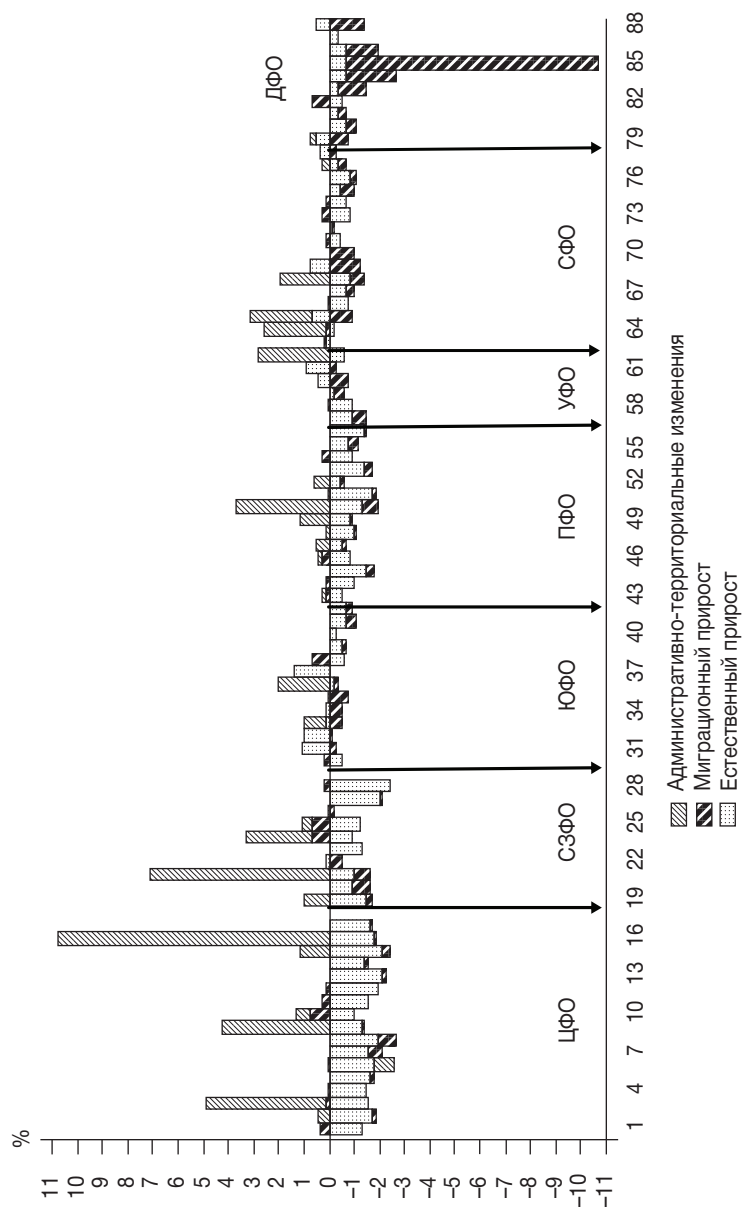

Рис. 1.12. Компоненты прироста (убыли) численности сельского населения России, 2005 г., %

населенного пункта Резвань¹³. А городское население Архангельской [21], Липецкой [9] и Тульской [16] областей, республик Бурятия [64] и Тывы [65], напротив, заметно сократилось за счет преобразования ряда поселков городского типа в сельские поселения (одновременно с этим многие другие были включены в черту близлежащих городов, что, естественно, никак не сказалось на общей численности городского населения).

В результате разнонаправленной региональной динамики доля городского населения в округах и регионах России изменялась в широком диапазоне.

Наиболее значительно она сократилась в Южном федеральном округе, в котором и до этого была самой низкой (с 59,7 в 1989 г. до 57,0% в 2006 г.). Снижение доли горожан произошло также в Дальневосточном (с 75,8 до 74,2%), Сибирском (с 71,8 до 70,7%), Уральском (с 80,2 до 79,4%) и Приволжском (с 70,6 до 70,2%) федеральных округах, а также в азиатской части страны в целом (с 73,2 до 72,4%). В Центральном федеральном округе она, напротив, выросла с 77,9 до 80,3%, а в Северо-Западном практически не изменилась, оставшись на уровне 82,1%.

Для регионов — субъектов Российской Федерации характерны еще большие различия в уровне и тенденциях урбанизации. Если в Магаданской и Мурманской областях и Ханты-Мансийском автономном округе — Югре доля горожан превышает 90%, то в Агинском Бурятском, Корякском и Эвенкийском автономных округах, республиках Алтай и Чечня она составляет от 26 до 36% от общей численности населения. А в Усть-Ордынском Бурятском автономном округе городского населения вообще нет после преобразования его административного центра в сельский населенный пункт.

За период между переписями 1989 и 2002 гг. доля городского населения сократилась в 36 регионах. Особенно значительно она снизилась в Усть-Ордынском Бурятском (на 18,4 процентного пункта) и Корякском (на 11,5 пункта) автономных округах, в Оренбургской области (на 7 пунктов), Республике Карелии (на 6,4 пункта) и Чукотском автономном округе (на 6,1 пункта). Вместе с тем в других регионах удельный вес горожан повысился: в Магаданской области — на 8,7 пункта, в Калужской области — на 6,2 пункта, в Ямало-Ненецком автономном округе и Республике Тыва — на 5 процентных пунктов и более.

После переписи 2002 г. доля городского населения снизилась в 42 регионах, наиболее существенно — в Сахалинской (на 8,9 процентного пункта) и

¹³ Сельские населенные пункты включались и в черту других городов, но они еще раньше были переданы в подчинение администрации города или одновременно происходило и преобразование городских поселений в сельские, поэтому в результате всех административно-территориальных преобразований в регионе городское население уменьшалось, а сельское — увеличивалось.

Свердловской (на 4,8) областях, республиках Башкортостан (на 4,4) и Бурятии (на 3,9 процентного пункта). В остальных регионах — субъектах Федерации удельный вес горожан увеличился, причем более всего в Корякском (на 2,7 пункта) и Агинском Бурятском (на 2,3) автономных округах, Кабардино-Балкарии и Магаданской области (на 2,0 пункта).

1.5. Число крупных городов уменьшается, но они берут свое

Изменение удельного веса городского населения — важная, но далеко не исчерпывающая характеристика процесса урбанизации. Не меньшее значение имеют тенденции расселения по поселениям разного типа и размера.

В дореволюционной России с ее низкой долей городского населения преобладали малые города, число жителей которых не превышало 50 тыс. По данным переписи 1897 г. по численности населения выделялись обе исторические столицы — Санкт-Петербург (1265 тыс. человек) и Москва (1039 тыс.). К разряду больших городов, в которых проживало более 100 тыс. человек, относились также Саратов, Казань, Ростов-на-Дону, Тула и Астрахань, но ни в одном из них число жителей не достигало 150 тыс. Население еще 17 городов составляло от 50 до 90 тыс. человек. Всего в России насчитывалось 430 городов и 37 посадов.

Быстрая урбанизация советского периода привела к росту числа городских поселений всех размеров, в том числе и самых крупных, с населением свыше 1 млн человек. В то же время характерным плодом этой урбанизации были «полугорода», официально называвшиеся поселками городского типа (пгт), как правило, не только имевшие более низкий уровень благоустройства, но и по многим параметрам не дотягивавшие до настоящих городов.

На протяжении последних четырех десятилетий наблюдается тенденция сокращения доли горожан, проживающих в поселках городского типа. Если согласно данным переписей 1926, 1939 и 1959 гг. в таких населенных пунктах проживало около 15% городского населения, то впоследствии их доля стала снижаться, составив в 1970 г. 13,6%, в 1979 г. — 12,6, в 1989 г. — 12,5, в 2002 г. — 9,9, а на начало 2006 г. — 8,0%.

За 1989—2002 гг. численность населения, проживающего в городах, увеличилась на 1466 тыс. человек, или на 1,6%, а численность проживающих в поселках городского типа, напротив, уменьшилась на 2996 тыс. человек, или на 22,2%.

Но после переписи 2002 г. уменьшилось и население городов (на 98 тыс. человек, или на 0,1%), хотя и в меньшей степени, чем население поселков городского типа (на 2216 тыс. человек, или на 21,1%). Таким образом, сни-

жение численности городского населения произошло в основном за счет сокращения числа жителей поселков городского типа (табл. 1.6).

Таблица 1.6. Изменение численности и доли населения городов и поселков городского типа. По данным переписей и текущего учета¹⁴

	1926	1939	1959	1970	1979	1989	2002	2006
Городское население, тыс. человек	16 455	36 296	61 611	80 981	94 942	10 7959	10 6429	10 4115
В том числе:								
население городов	13 928	31 012	52 164	69 998	82 948	94 450	95 916	95 818
население поселков городского типа	2527	5284	9447	10 983	11 994	13 509	10 513	8297
Доля населения городов, %	84,6	85,4	84,7	86,4	87,4	87,5	90,1	92,0

В период между переписями 1989 и 2002 гг. впервые уменьшилось и число городских поселений — с 3230 до 2940. При этом число городов увеличилось на 61, или на 5,9%, а число поселков городского типа сократилось на 351 населенный пункт, или на 16,0% (табл. 1.7, 1.8).

Но это лишь общий итог более многочисленных административно-территориальных преобразований:

- 71 населенный пункт получил статус города (42 поселка городского типа, 20 закрытых административно-территориальных образований¹⁵, получившие географические названия, и 9 сельских или вновь зарегистрированных населенных пунктов);

¹⁴ Таблицы 1.6 — 1.10 составлены по: Российский статистический ежегодник, 2004. М.: Федеральная служба государственной статистики, 2004. С. 99; Численность населения Российской Федерации по городам, поселкам городского типа и районам на 1 января 2006 года: Статистический бюллетень. Росстат. М., 2006. С. 50—67.

¹⁵ В середине 1990-х гг. большинство закрытых административно-территориальных образований получило «открытые названия» и данные о численности населения в них стали учитываться непосредственно как численность населения отдельных городов или поселков городского типа, а не распределяться по другим территориям страны. См.: Тихонов В. Закрытые города в открытом обществе. М.: ИНП РАН, Лаборатория миграции, 1996; Ланно Г.М., Полян П.М. Закрытые города России // Население и общество: Информационный бюллетень Центра демографии и экологии человека ИНП РАН. 1997. № 15.

- 10 городов утратили свой статус (девять включены в состав более крупных городов¹⁶, а один преобразован в сельское поселение¹⁷);
- утратили свой статус 432 поселка городского типа (329 преобразованы в сельские населенные пункты, 42 — в города, 46 — включены в черту других городских поселений или объединены, 15 — упразднены или ликвидированы);
- образован 81 поселок городского типа (в том числе 21 закрытое административно-территориальное образование, которым были присвоены географические названия).

После переписи населения 2002 г. число городских поселений по-прежнему сокращалось. На начало 2006 г. оно составило 2454, или на 486 населенных пунктов меньше, чем на дату последней переписи. Продолжалось преобразование поселков городского типа в сельские населенные пункты и включение их в городскую черту более крупных городских поселений, хотя одновременно с этим происходило образование новых поселков городского типа и преобразование поселков городского типа в города. Если в 2003 г. число российских городов уменьшилось за счет преобразования г. Зеленограда в Зеленоградский административный район г. Москвы¹⁸, то в 2004 г. оно увеличилось на 2: были преобразованы в города районного подчинения п. Московский в Московской области, пгт. Лаишево в Республике Татарстан и пгт. Тарко-Сале в Ямало-Ненецком автономном округе, а г. Чехов Сахалинской области, напротив, был преобразован в сельский населенный пункт. В 2005 г. число городов сократилось в результате включения в черту г. Норильска Красноярского края городов Кайеркан и Талнах, г. Северо-Задонска — в черту г. Донской Тульской области и преобразования в поселок городского типа г. Приморска Калининградской области.

Основная масса российских городов по-прежнему представлена малыми городами с числом жителей, не превышающим 50 тыс. человек. Среди них есть и города-«карлики» — 11 городов с населением до 3 тыс. человек и 22 города с населением от 3 до 5 тыс. человек. В этой наиболее многочисленной группе городов растет число городов с населением до 20 тыс. человек и понемногу уменьшается число городов с населением от 20 до 50 тыс. человек.

¹⁶ В 1989 г. город Нововятск был включен в черту г. Кирова; в 1998 г. города Зеленогорск, Колпино, Кронштадт, Ломоносов, Павловск, Петродворец, Пушкин и Сестрорецк — в черту Санкт-Петербурга.

¹⁷ В 1993 г. город Лесогорск Сахалинской области.

¹⁸ Зеленоград, население которого насчитывает около 216 тыс. человек, с самого начала подчинялся администрации г. Москвы (ранее — Московскому городскому совету), но теперь он утратил статус отдельного города.

Таблица 1.7. Группировка городов России по числу жителей.
По данным переписей и текущего учета

	1926	1939	1959	1970	1979	1989	2002	2006
Всего городов	461	574	877	969	999	1037	1098	1095
В том числе с числом жителей, тыс.:								
до 20	334	284	399	389	361	349	410	415
20—49,9	70	180	289	342	348	360	358	356
50—99,9	37	58	97	114	138	163	163	156
100—499,9	18	48	78	107	126	131	134	134
500—999,9	—	2	12	11	18	22	20	23
1 млн и более	2	2	2	6	8	12	13	11

Рост числа средних и больших городов после переписи 1989 г. затормозился, а по отдельным группам и снизился (см. приложение 2).

За период между переписями 1989 и 2002 гг. группа городов с населением 1 млн человек и более пополнилась за счет Волгограда, который, однако, вскоре покинул ее вместе с Пермью из-за уменьшения численности постоянного населения: на начало 2006 г. она составила в Перми 993 тыс. человек, в Волгограде — 992 тыс. человек.

Среди российских да и европейских¹⁹ городов своим размером выделяется Москва, число жителей которой превысило 10,4 млн человек, а также Санкт-Петербург с 4,6 млн жителей. Численность постоянного населения других российских городов-«миллионеров» — Новосибирска, Нижнего Новгорода, Екатеринбурга, Самары, Омска, Казани, Челябинска, Ростова-на-Дону и Уфы — не превышает 1,4 млн человек.

Группа городов с численностью населения от 500 до 1000 тыс. человек уменьшилась в 1989—2002 гг. за счет Волгограда, на время пополнившего число городов-«миллионеров», а также Тулы, Томска и Кемеровы, перешедших в группу городов меньшего размера — до 500 тыс. человек. Вместе с тем

¹⁹ Население других крупнейших агломераций Европы по состоянию на середину 2005 г. не достигало 10 млн человек: в Париже оно составляло 9,8 млн человек, Лондоне — 8,5, Мадриде — 5,6, Барселоне — 4,8, Берлине, Риме и Афинах — примерно по 3,3 млн человек, в остальных городских агломерациях — менее 3 млн человек. В 2005 г. Москва «замыкала» двадцатку мегагородов мира — с числом жителей от 10 млн и выше. См.: World Urbanization Prospects: The 2005 Revision. United Nations, Department of Economic and Social Affairs, Population Division. N.Y., 2006. P. 20, 130—142.

население двух городов — Тюмени и Липецка — превысило рубеж в 500 тыс. человек. В итоге число городов в этой группе сократилось на два. После переписи 2002 г. она вновь пополнилась за счет Волгограда, Перми, Кемеровы и Тулы. Астрахань же, напротив, перешла в группу городов с населением до 500 тыс. человек.

Группу городов с населением от 100 до 500 тыс. человек в период между переписями 1989 и 2002 гг. покинули Магадан, Колпино, Воркута, Анжеро-Судженск, Мичуринск, Усолье-Сибирское, Кинешма, Воткинск, но в то же время она пополнилась за счет Батайска, Дербента, Назрани, Нефтеюганска, Железнодорожного, Зеленодольска, Кызыла и Элисты, а также перешедших из разряда более крупных городов Тулы, Томска и Кемеровы. В результате общее число городов с населением от 100 до 500 тыс. человек увеличилось на три — со 131 до 134. За период после переписи 2002 г. число городов в этой группе не изменилось, но состав ее немного изменился. Она пополнилась за счет уже упоминавшейся Астрахани, а также семи городов, численность населения которых превысила 100 тыс. человек: Артема, Копейска, Магадана, Нового Уренгоя, Ноябрьска, Тобольска и Хасавюрта. В то же время группу покинули восемь городов: Зеленоград, ставший административным районом г. Москвы, Кемерово и Тула, повысившие свой ранг по числу жителей, а также Сарапул, Соликамск, Усть-Илимск, Серов и Зеленодольск, число жителей которых, напротив, опустилось ниже 100 тыс. человек.

Среди поселков городского типа наиболее существенное относительное сокращение за период между переписями 1989 и 2002 гг. произошло в группе крупных поселений (см. табл. 1.8). Число же самых малых поселений, в которых проживает до 3 тыс. человек, оставалось стабильным, но резко снизилось к началу 2006 г. Таким образом, произошло существенное снижение числа поселков городского типа всех размеров.

Несмотря на сокращение общей численности городского населения и даже числа крупнейших городов, сохраняется давняя тенденция концентрации городского населения в группе крупных городов и снижения удельного веса населения небольших городских поселений, что еще больше усиливает неравномерность расселения.

Доля горожан, сконцентрированных в городах-«миллионерах», увеличилась за 1989—2002 гг. с 23,3 до 25,8% (табл. 1.9). К началу 2006 г. она снизилась до 24,6% из-за того, что Пермь и Волгоград перешли в группу городов с населением от 500 тыс. до 1 млн человек, но все-таки в нынешних 11 городах-«миллионерах» она несколько выше, чем была в 1989 г., когда таких городов было 12. Одновременно увеличилась доля городского населения, сосредоточенного в городах с числом жителей от 500 тыс. до 1 млн. Однако при этом продолжалось снижение удельного веса насе-

Таблица 1.8. Группировка поселков городского типа по числу жителей.
По данным переписей и текущего учета

	1926	1939	1959	1970	1979	1989	2002	2006
Всего поселков городского типа	702	743	1495	1869	2046	2193	1842	1359
В том числе с числом жителей, тыс.:								
до 3	413	127	302	451	530	595	595	357
3—4,9	141	174	410	507	568	524	393	296
5—9,9	113	269	540	669	655	713	582	488
10—19,9	30	156	221	216	262	321	247	200
20—49,9	5	17	22	26	31	38	25	18
50 и более	—	—	—	—	—	2	—	—

Таблица 1.9. Распределение городского населения России по поселениям разного размера.
По данным переписей населения и текущего учета, %*

	1970	1979	1989	2002	2006
Все городское население	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
В том числе проживает в городских поселениях с числом жителей:					
менее 500 тыс.	71,3	66,7	63,7	62,6	61,1
от 500 тыс. до 1 млн	10,3	13,3	13,0	11,7	14,3
1 млн и более	18,3	19,9	23,3	25,8	24,6
в том числе:					
от 1 до 5 млн	9,6	11,6	15,3	16,3	14,5
от 5 до 10 млн	8,7	8,4	8,0	—	—
10 млн и более	—	—	—	9,5	10,0

* Из-за округления сумма не всегда равна 100.

ления городских поселений меньшего размера, что вполне соответствует мировым тенденциям (см. приложение 3). Правда, в целом по миру доля городского населения, сконцентрированного в городах с числом жителей менее 500 тыс. человек, лишь немного превышает $\frac{1}{2}$, а в Северной Америке, Австралии и Новой Зеландии — $\frac{1}{3}$. Однако для Европы, напротив, характерно умеренное повышение удельного веса жителей этой группы городов: в 2005 г. она была немного меньше $\frac{3}{4}$ в Западной Европе, составляла примерно $\frac{2}{3}$ в Северной Европе, и только в Южной Европе этот показатель был ниже, чем в России.

Что касается населения городов, то в период между переписями 1989 и 2002 гг. выросла доля горожан, живущих в самых крупных и самых малых городах, а после переписи 2002 г. — с числом жителей от 500 тыс. до 1 млн. Доля населения, живущего во всех остальных категориях городов, понизилась (табл. 1.10).

Таблица 1.10. Распределение населения городов России по городам разного размера. По данным переписей населения и текущего учета, %

	1926	1939	1959	1970	1979	1989	2002	2006
Все население городов	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
В том числе в городах с числом жителей, тыс.:								
до 20	20,7	9,6	8,7	6,7	5,2	4,6	5,2	5,2
20—49,9	14,6	18,0	17,6	15,5	13,2	12,3	12,1	12,1
50—99,9	18,4	13,2	12,9	11,3	11,2	11,8	11,6	11,2
100—499,9	20,2	32,5	29,6	33,3	32,3	29,8	29,6	29,2
500—999,9	—	3,7	15,9	12,0	15,3	14,9	12,9	15,6
1 млн и более	26,1	23,0	15,2	21,2	22,8	26,6	28,6	26,7

Таким образом, изменение распределения населения городов по городам разного размера подтверждает тенденцию концентрации населения в крупнейших городах, хотя в самые последние годы регистрировались и некоторые отклонения от нее по группе наиболее крупных и малых городов. В частности, доля населения самых больших городов после последней переписи несколько уменьшилась. Однако надо учитывать, что данные текущего статистического учета скорее всего недооценивают население крупнейших

городов из-за несовершенства методов регистрации мигрантов, число которых в этих городах особенно велико.

Население поселков городского типа все в большей мере сосредоточивается в поселениях сравнительно крупного размера — с числом жителей от 5 до 20 тыс. (табл. 1.11). Доля проживающих в поселках городского типа более крупного размера немного снизилась в связи с отнесением некоторых из них к категории городов. Но главное, продолжалась концентрация населения в городах, являющихся более полноценными городскими поселениями в сравнении с поселками городского типа, о чем уже говорилось выше.

Таблица 1.11. Распределение населения поселков городского типа по поселениям разного размера. По данным переписей населения и текущего учета, %

	1926	1939	1959	1970	1979	1989	2002	2006
Все население поселков городского типа	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
В том числе в городах с числом жителей, тыс.:								
до 3	25,6	5,0	6,3	7,8	8,2	7,9	9,4	7,2
3—4,9	21,5	13,2	17,3	18,4	18,8	15,3	14,8	14,1
5—9,9	31,3	35,7	40,3	42,1	38,1	37,4	39,1	41,6
10—19,9	16,6	38,6	30,4	25,5	28,0	31,5	30,7	31,6
20—49,9	5,0	7,6	5,7	6,2	7,0	6,9	6,0	5,5
50 и более	—	—	—	—	—	0,9	—	—

В целом тенденции динамики городского и сельского населения последнего времени можно охарактеризовать как довольно неопределенные. Говорить о дезурбанизации или даже о прекращении процесса урбанизации в России, видимо, все же нет оснований. Но этот процесс явно находится в фазе стагнации, обусловленной не в последнюю очередь ограниченностью демографических ресурсов в стране с очень большой территорией.

2. Брачность и рождаемость

2.1. Рост числа регистрируемых браков продолжается

В течение почти двух десятилетий — с конца 1970-х и вплоть до середины 1990-х гг. — интенсивность заключения брачных союзов в России снижалась. Особенно быстро падала брачность в 1989—1995 гг., после чего наступило пятилетие стабилизации. Наименьшие показатели брачности были зафиксированы в 1998 г., когда было заключено 848,69 тыс. браков (табл. 2.1), а общий коэффициент брачности составил 5,8 на 1000 населения, что, видимо, близко к историческому минимуму для России (рис. 2.1).

Однако за 2001—2005 гг. показатели регистрируемой брачности существенно увеличились. Число браков в 2001—2003 и в 2005 гг. превышало 1 млн, что более чем на 200 тыс., или на 26%, выше, чем в 1998 г. Соответственно возрос и общий коэффициент брачности, вернувшись к уровню начала 1990-х гг. — 7,5 на 1000 населения в 2005 г. Увеличивалось ежегодное число и первых, и повторных браков, но первые росли быстрее — за 1998—2005 гг. их прирост составил 29,5% среди мужчин и 30,2% среди женщин. Прирост повторных браков выглядит скромнее — 15,8% и 13,4% за тот же период. В результате опережающего роста числа первых браков доля их в общем числе браков слегка увеличилась, а доля повторных соответственно снизилась (см. табл. 2.1). В то же время компенсация разводов и овдовения повторными браками в последнее десятилетие существенно выше, чем в конце 1970-х — начале 1980-х гг.: доля повторных браков, составляющая сейчас 24—28% от общего числа браков, на 10 процентных пунктов выше, чем двадцатилетием ранее. Снижению доли повторных браков способствовало отсутствие в последние годы тенденции к росту числа зарегистрированных разводов, о чем речь пойдет в следующем разделе, а также повышение распространенности неформальных союзов, которые все чаще замещают повторные зарегистрированные браки.

Увеличению общего числа браков способствует в целом благоприятная возрастная структура населения. Численность мужчин и женщин в основных бракоспособных возрастах до 35 лет увеличивалась за счет относительно многочисленных поколений, родившихся в 80-е гг. Так, в возрастах максимальной брачности — от 20 до 30 лет — суммарная численность населения выросла по сравнению с первой половиной 1990-х гг. более чем на 2 млн (рис. 2.2). Соотношение чисел потенциальных женихов и невест в возрастах, наиболее привлекательных для заключения брака,

также не выглядит сколько-нибудь проблемным. Если исходить из широко распространенной нормы, что жених старше невесты на 2—3 года, то сейчас на одну потенциальную невесту в возрасте 20—29 лет приходится примерно один потенциальный жених (рис. 2.3). Сегодняшняя ситуация на «брачном рынке» для невест не столь выигрышна, как во второй половине 1980-х — первой половине 1990-х гг., когда женихов подходящих возрастов было на 10—15% больше, чем невест, но, с другой стороны, она более сбалансирована для женихов. В ближайшие годы выбор для женихов основных бракоспособных возрастов, правда, на короткий период, еще несколько расширится — более многочисленным мужским когортам, рожденным в середине 1980-х гг., будут противостоять малочисленные женские поколения, появившиеся в период спада рождаемости в конце 1980-х — начале 1990-х гг.

Таблица 2.1. Число зарегистрированных браков и доля повторных браков в их общем числе, Россия, 1979—2005 гг.

Год	Все браки, тыс.	Первые браки, тыс.		Повторные браки, тыс.		Доля повторных браков в общем числе браков, %	
		Мужчины	Женщины	Мужчины	Женщины	Мужчины	Женщины
1979	1535,49	1264,06	1277,74	271,43	257,75	17,7	16,8
1980	1464,58	1187,96	1202,36	276,62	262,22	18,9	17,9
1981	1472,75	1191,23	1191,39	281,52	281,36	19,1	19,1
1982	1460,20	1165,70	1163,36	294,50	296,84	20,2	20,3
1983	1479,13	1166,10	1158,93	313,03	320,20	21,2	21,6
1984	1367,83	1060,17	1055,63	307,66	312,20	22,5	22,8
1985	1389,43	1058,71	1048,75	330,72	340,68	23,8	24,5
1986	1417,54	1047,36	1035,55	370,18	382,00	26,1	26,9
1987	1442,62	1019,71	1041,98	392,92	400,64	27,2	27,8
1988	1397,45	1009,90	1008,41	387,54	389,04	27,7	27,8
1989	1384,31	1014,41	1019,30	369,90	365,01	26,7	26,4

Окончание табл. 2.1

Год	Все браки, тыс.	Первые браки, тыс.		Повторные браки, тыс.		Доля повторных браков в общем числе браков, %	
		Мужчины	Женщины	Мужчины	Женщины	Мужчины	Женщины
1990	1319,93	985,26	994,35	334,67	325,58	25,4	24,7
1991	1277,23	948,60	954,54	328,63	322,69	25,7	25,3
1992	1053,72	773,15	782,98	280,57	270,73	26,6	25,7
1993	1106,72	817,45	825,60	289,27	281,13	26,1	25,4
1994	1080,60	789,19	793,17	291,41	287,43	27,0	26,6
1995	1075,22	775,95	780,12	299,27	295,10	27,8	27,5
1996	866,65	620,59	626,16	246,07	240,49	28,4	27,8
1997	928,41	663,70	671,97	264,72	256,45	28,5	27,6
1998	848,69	610,97	620,59	237,73	228,10	28,0	26,8
1999	911,16	660,80	671,51	250,36	239,66	27,5	26,3
2000	897,33	650,20	661,20	247,10	236,10	27,5	26,3
2001	1001,59	726,40	734,00	275,10	267,60	27,5	26,7
2002	1019,76	744,80	754,96	274,00	264,80	27,0	26,0
2003	1091,78	807,95	820,25	283,83	271,52	26,0	24,9
2004	979,67	720,36	733,91	259,31	245,75	26,5	25,1
2005	1066,37	791,04	807,79	275,32	258,57	25,8	24,2
2005/1998	1,256	1,295	1,302	1,158	1,134	—	—
2005/2004	1,088	1,098	1,101	1,062	1,052	—	—

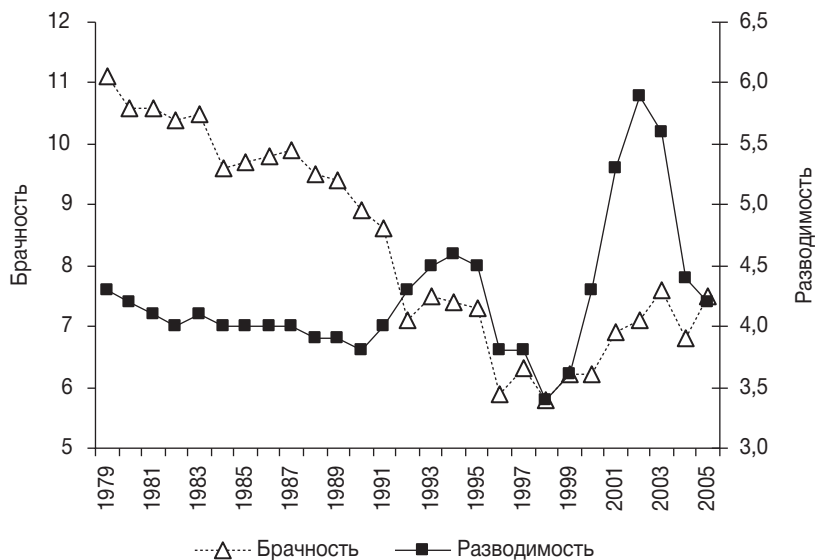

Рис. 2.1. Общие коэффициенты брачности и разводимости на 1000 населения, Россия, 1979—2005 гг.

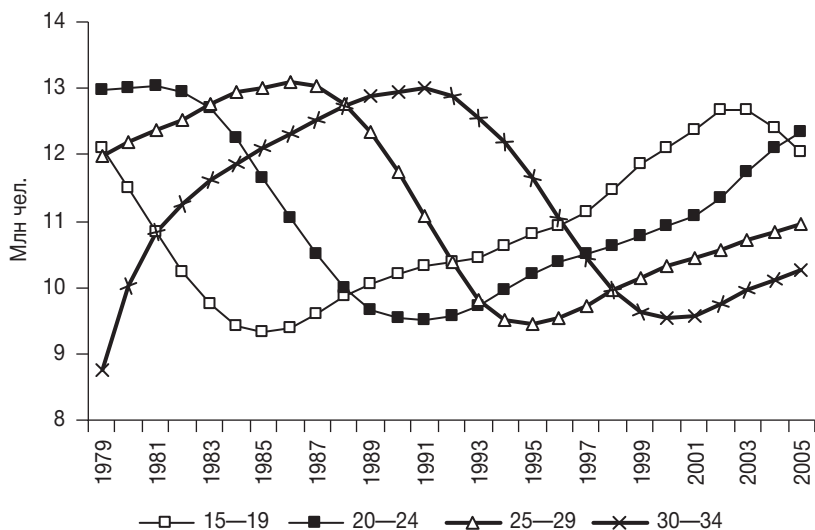

Рис. 2.2. Среднегодовая численность населения обоих полов в соответствующих возрастах, Россия, 1979—2005 гг., млн человек

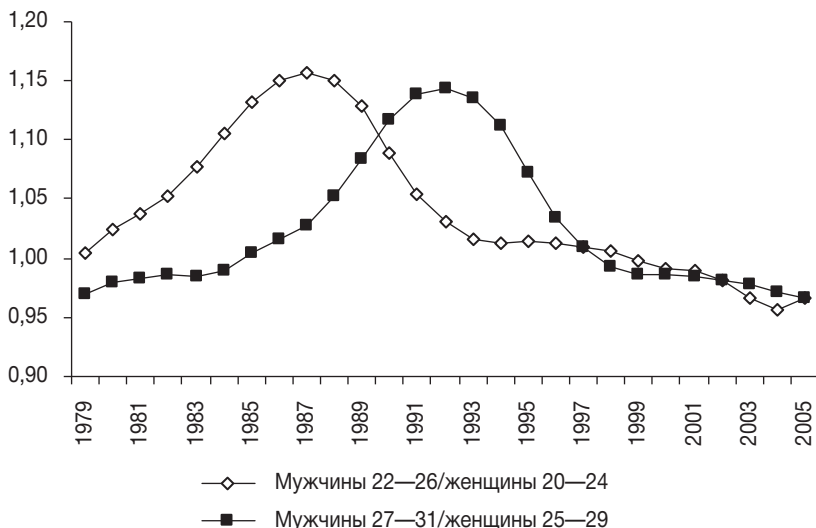

Рис. 2.3. Соотношение потенциальных женихов и невест в возрастах максимальной брачности. Число мужчин в возрасте 22—26 лет и 27—31 года на одну женщину в возрасте 20—24 и 25—29 лет, Россия, 1979—2005 гг.

2.2. Повышение возраста вступления в брак приостановилось?

Рост брачности, зафиксированный в последние годы, был обеспечен главным образом социально зрелыми людьми — устойчиво росла интенсивность брачности у мужчин и женщин в возрастах 25 лет и старше (табл. 2.2, рис. 2.4). Этот рост — относительно новое явление, довольно долго брачность в России скорее «молодела». Новая тенденция явственно обозначилась примерно с середины 90-х гг. В 2004—2005 гг. показатели брачности для возрастной группы 25—34 года превышали уровень 25-летней давности, а для лиц 35 лет и старше вплотную приблизились к уровню тех лет. Интенсивность заключения брака у мужчин в возрастной группе 25—34 года за последние годы существенно сблизилась с показателем брачности в более молодой группе 18—24-летних. В то же время частота заключения браков мужчин и женщин в возрастной группе 18—24 года на протяжении десятилетия имела в целом тенденцию к снижению, и составляет в последние годы 50% от максимального уровня показателя за последнюю четверть века. Следует также отметить более чем трехкратное падение интенсивности заключения брака

в возрастах до 18 лет. Браки среди несовершеннолетних перестали быть в России статистически значимым явлением.

Таблица 2.2. Возрастные коэффициенты брачности мужчин и женщин (число заключенных браков на 1000 населения соответствующего пола и возраста) в 1979—2005 гг.

Год	Мужчины				Женщины			
	До 18	18—24	25—34	35 и более	До 18	18—24	25—34	35 и более
1979	2,12	103,62	35,17	8,48	14,43	120,77	25,72	5,39
1980	2,27	97,53	32,98	8,22	14,84	113,63	24,71	5,23
1981	2,39	98,48	32,91	8,09	15,63	114,79	24,92	5,13
1982	2,47	98,90	32,52	7,99	16,49	114,62	25,09	5,12
1983	2,95	101,69	33,10	8,25	18,35	117,16	26,09	5,34
1984	3,04	95,63	30,78	8,01	18,37	109,39	24,68	5,31
1985	3,12	97,91	32,14	8,60	19,60	111,90	26,14	5,77
1986	3,59	97,38	34,91	9,46	20,81	113,25	28,28	6,45
1987	3,97	99,33	36,04	9,99	23,29	116,98	28,84	6,93
1988	4,63	96,66	35,05	9,78	24,46	116,15	27,30	6,90
1989	5,90	99,81	34,02	9,14	30,89	119,73	25,36	6,53
1990	6,54	99,90	31,23	8,24	35,72	117,78	22,37	5,94
1991	6,46	96,77	30,20	8,08	39,68	112,38	21,24	5,87
1992	4,99	80,61	24,63	6,85	35,11	92,42	17,13	4,99
1993	4,58	85,86	26,24	6,86	36,38	98,13	18,08	5,00
1994	4,08	79,98	26,86	6,90	32,89	92,37	18,58	5,04
1995	3,66	75,50	28,53	7,08	29,88	88,52	19,65	5,15
1996	2,76	57,87	24,49	5,94	21,96	69,18	16,70	4,29
1997	2,60	60,67	27,47	6,29	19,88	73,72	18,91	4,45
1998	2,08	53,49	26,34	5,79	16,38	66,28	18,09	4,00
1999	1,54	55,13	29,83	6,19	13,95	70,13	20,60	4,16
2000	1,45	51,40	30,37	6,28	12,17	66,42	21,55	4,11
2001	1,40	53,75	35,23	7,16	11,53	71,15	25,14	4,64

Окончание табл. 2.2

Год	Мужчины				Женщины			
	До 18	18—24	25—34	35 и более	До 18	18—24	25—34	35 и более
2002	1,30	50,69	36,80	7,52	10,43	68,89	26,41	4,77
2003	1,32	51,30	40,37	8,01	10,53	71,58	28,76	4,93
2004	1,09	43,36	36,51	7,52	9,45	61,30	26,33	4,60
2005	1,01	45,84	40,73	7,91	8,95	65,74	29,59	4,71

Примечание. Показатели, приведенные в данной и последующих таблицах, начиная с 1990 г. незначительно отличаются от опубликованных ранее (см.: Население России 2003—2004: Одиннадцатый—двенадцатый ежегодный демографический доклад. М., 2006) в связи с очередным пересчетом официальной численности населения по полу и возрасту, осуществленным Росстатом. Исправлены также замеченные ошибки в опубликованных ранее данных за некоторые годы.

В результате всех этих изменений средний возраст жениха и невесты в России в 1992—2004 гг. увеличивался. Если во второй половине 1990-х гг. увеличение среднего возраста вступления в брак происходило за счет опережающего снижения интенсивности заключения браков в младших бракоспособных возрастах, то начиная с 1999 г., когда брачность начала увеличиваться, оно продолжилось за счет опережающего роста брачности в старших возрастах.

Официальная разработка данных о зарегистрированных браках по возрасту жениха и невесты с 1997 г. ограничивается лишь распределением бра-

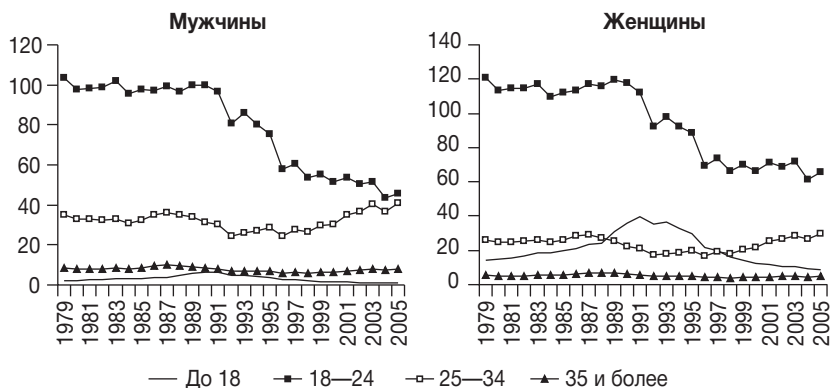

Рис. 2.4. Возрастные коэффициенты брачности мужчин и женщин в 1979—2005 гг.

ков по укрупненным возрастным группам (указанным в табл. 2.2) отдельно для мужчин и женщин, без указания на то, первый это брак или повторный. Поэтому методологически выверенная оценка среднего возраста вступления в брак, тем более в первый, сейчас невозможна, равно как невозможен и детальный анализ по официальным данным соотношения возрастов жениха и невесты при вступлении в брак. Поэтому приходится ограничиваться косвенными оценками обобщенных показателей и тенденций их изменения, полученными с использованием элементов моделирования¹ (табл. 2.3, рис. 2.5).

По сравнению с минимальными значениями, достигнутыми в 1993 г., средний возраст заключения брака, по нашей оценке, для мужчин увеличился на 2,5 года и составил в 2004—2005 гг. 28,7 года, в том числе для вступающих в первый брак — на 2,2 года (26,1 года). Для женщин повышение возраста было меньшим, чем для мужчин, но также существенным — на 1,9 года для всех браков и на 1,6 года для первых браков (в 2004—2005 гг. средний возраст невесты — 26,1 года, а для тех, кто вступал в первый брак, — 23,3 года). Средний возраст вступления в брак не только повысился в сравнении с минимальными показателями, зафиксированными в начале 1990-х гг., но и существенно превысил планку, на которой он устойчиво удерживался два десятилетия назад.

Таблица 2.3. Средний возраст мужчины и женщины при регистрации брака (для женихов и невест, заключивших брак в возрасте до 50 лет)

Год	Все браки			Первые браки		
	Мужчины	Женщины	Разница	Мужчины	Женщины	Разница
1979	26,1	24,2	1,9	24,2	22,4	1,8
1980	26,3	24,3	2,0	24,3	22,4	1,8
1981	26,4	24,4	2,0	24,4	22,4	2,0
1982	26,4	24,4	2,0	24,3	22,4	2,0
1983	26,4	24,4	2,0	24,3	22,3	2,0

¹ Впервые оценки среднего возраста при регистрации брака для России после 1996 г. опубликованы С.В. Захаровым в: Население России 2001: Девятый ежегодный демографический доклад. М., 2002. С. 29. Метод расчетов описан там же. См. также: Население России 2003—2004: Одиннадцатый—двенадцатый ежегодный демографический доклад. М., 2006. С. 209—211.

Окончание табл. 2.3

Год	Все браки			Первые браки		
	Мужчины	Женщины	Разница	Мужчины	Женщины	Разница
1984	26,4	24,4	2,0	24,1	22,2	1,9
1985	26,5	24,5	2,0	24,2	22,2	1,9
1986	26,9	24,8	2,1	24,3	22,3	2,0
1987	27,0	24,9	2,1	24,4	22,3	2,1
1988	26,9	24,8	2,1	24,3	22,2	2,1
1989	26,5	24,5	2,0	24,1	22,0	2,1
1990	26,2	24,1	2,1	24,0	21,9	2,1
1991	26,2	24,2	2,0	24,0	21,8	2,2
1992	26,3	24,2	2,1	23,9	21,7	2,2
1993	26,2	24,1	2,1	23,9	21,7	2,1
1994	26,4	24,4	2,0	24,0	21,8	2,2
1995	26,6	24,6	2,0	24,2	22,0	2,2
1996	26,9	24,8	2,1	24,4	22,2	2,3
1997	27,0	24,9	2,1	24,5	22,3	2,3
1998	27,1	25,0	2,1	24,7	22,3	2,3
1999	27,3	25,1	2,2	24,9	22,5	2,4
2000	27,6	25,4	2,2	25,1	22,6	2,5
2001	27,9	25,6	2,3	25,4	22,8	2,5
2002	28,2	25,8	2,4	25,7	23,0	2,6
2003	28,4	25,8	2,4	25,8	23,1	2,7
2004	28,7	26,1	2,6	26,1	23,3	2,8
2005	28,7	26,1	2,6	26,1	23,3	2,8

Источник: Расчетные оценки С.В.Захарова: для 1979—1996 гг. получены общепринятым способом на основе коэффициентов брачности для детальных возрастных групп; с 1997 г. — грубые косвенные оценки, базирующиеся на расчете коэффициентов общей брачности для укрупненных возрастных групп, приведенных в табл. 2.2.

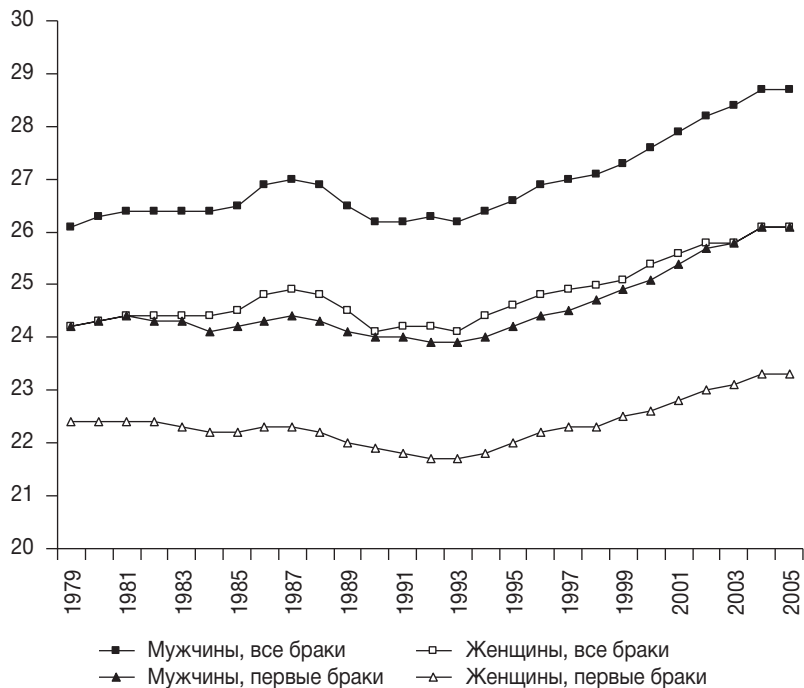

Рис. 2.5. Средний возраст мужчины и женщины при регистрации брака (для женихов и невест, заключивших брак в возрасте до 50 лет)

По нашей оценке, текущий возраст вступления в брак для женщины в России сейчас самый поздний с 1970 г. Но в 2005 г., впервые после 1992 г., статистически значимого увеличения возраста вступления в брак по сравнению с предыдущим годом не произошло ни у мужчин, ни у женщин. Последующие годы покажут, в какой мере это можно интерпретировать либо как временную приостановку долговременной тенденции, либо как ее перелом.

Более быстрое «постарение» брачности у мужчин вызвало увеличение средней разницы в возрасте жениха и невесты. Если до 1990-х гг. она устойчиво поддерживалась на уровне 2 лет как для первых, так и для всех браков, то с середины 1990-х гг. происходит постепенный отход от этой социальной нормы. Для первых браков, заключенных в возрасте до 50 лет, разница в возрасте жениха и невесты, по нашей оценке, достигла 2,8 года.

Судя по всему, меняется социальное поведение обоих потенциальных партнеров. Юноши не спешат заключать брак, тем более что, по-видимо-

му, ранние браки, стимулированные добрачной беременностью, отходят в прошлое (на это одновременно указывает то, что в раннем возрасте одновременно происходит и падение интенсивности деторождения, и рост ее внебрачной составляющей). Девушки же при вступлении в брак все более стремятся выбирать потенциальных женихов с устойчивым социальным и экономическим статусом. Кроме того, в какой-то незначительной мере на повышение разницы возрастов влияет изменение ситуации на брачном рынке в связи с меняющимся не в пользу невест соотношением возрастных когорт мужчин и женщин — потенциальных женихов и невест, о чем говорилось выше. Расширение выбора потенциальных женихов происходит за счет представителей старших возрастных групп.

Новейшие тенденции трансформации российской возрастной модели брачности не выглядят исключением на фоне других стран. В западных странах первые признаки повышения возраста вступления в брак обнаружались во второй половине 1970-х гг., а в 1980-х эта тенденция стала преобладающей практически во всех европейских и неевропейских развитых странах, за исключением стран Центральной и Восточной Европы. Возраст заключения брака повышается не только в развитых странах, но и в динамично развивающихся странах Юго-Восточной Азии, странах Латинской Америки. К сегодняшнему дню в Швеции, например, средний возраст невесты, вступающей в первый брак, уже превысил 30 лет, в большинстве стран запада и юга Европы достиг 27—28 лет. В России средний возраст «первобрачующейся» невесты — едва превышающий 23 года — еще очень низок даже по сравнению со странами Восточной и Центральной Европы, где с конца 1980-х гг. также активно меняется возрастная модель брачности параллельно с глобальными социально-экономическими и политическими реформами. Так, в Латвии, Эстонии, Венгрии, Хорватии, Чехии возраст заключения первого брака превысил 25 или достиг 26 лет, в Словении — более 27 лет. Заметим, что еще 30 и даже 20 лет назад — в 1970—1980-х гг. — различия в возрасте вступления в брак между Россией и большинством других развитых стран были минимальными (табл. 2.4, рис. 2.6). Ослабление тенденции к «постарению» брачности пока не наблюдается ни в одной из стран, включая и те, в которых этот процесс зашел очень далеко. За «постарением» брачности стоит, по-видимому, продолжающееся повышение общего образовательного уровня населения, в первую очередь женщин, увеличение длительности получения профессионального образования, а также быстрое распространение неформальных союзов, которые в последние два десятилетия серьезно потеснили традиционный брак в качестве единственной формы начала семейной жизни.

Таблица 2.4. Средний возраст невесты при регистрации первого брака (для женщин, заключивших брак в возрасте до 50 лет), Россия и 24 страны Европы

Страна*	1970	1980	1990	1995	2000	2003	2004
Швеция	23,9	26,0	27,5	28,7	30,2	30,5	30,7
Норвегия	22,8	23,5	26,2	27,5	28,3	29,0	...
Финляндия	23,3	24,3	26,0	27,0	28,0	28,8	29,0
Испания	...	23,4	25,3	26,8	27,8	28,6	...
Швейцария	24,2	25,0	26,8	27,3	27,9	28,4	28,6
Нидерланды	22,9	23,2	25,9	27,1	27,8	28,4	28,7
Франция	22,6	23,0	25,6	26,9	27,9	28,3	...
Германия	22,5	22,9	25,2	26,4	27,4	28,1	28,4
Италия	23,9	23,8	25,5	26,6	27,4	...	...
Австрия	22,9	23,2	24,9	26,1	27,2	27,7	27,9
Великобритания	22,4	23,0	25,0	26,3	27,2	...	...
Словения	23,1	22,5	23,7	25,1	26,7	27,5	27,8
Греция	23,5	23,3	24,6	25,6	26,9	27,5	...
Бельгия	22,4	22,2	24,2	25,4	26,3	27,1	...
Португалия	24,2	23,2	23,9	24,7	25,3	26,1	26,3
Венгрия	21,5	21,2	21,9	22,9	24,6	25,8	26,2
Эстония	23,5	22,6	22,5	23,5	24,8	25,7	...
Чехия	21,6	21,5	21,6	22,7	24,5	25,6	26,0
Хорватия	21,4	22,1	23,1	24,1	25,3	25,6	...
Словакия	22,0	21,9	21,9	22,6	24,0	25,0	...
Болгария	21,4	21,3	21,4	22,6	24,1	24,9	25,2
Латвия	23,6	22,8	22,3	22,9	24,1	24,8	25,1
Польша	22,8	22,7	22,6	23,1	23,9	24,7	24,9
Румыния	21,9	21,5	22,0	22,7	23,4	24,1	...
Россия	23,2	22,4	21,9	22,0	22,6**	23,1**	23,3**

* Страны указаны в порядке убывания показателя в 2003 г.

** Оценка С.В. Захарова.

Источник: Recent Demographic Development in Europe. 2005. Council of Europe. Strasbourg, 2006.

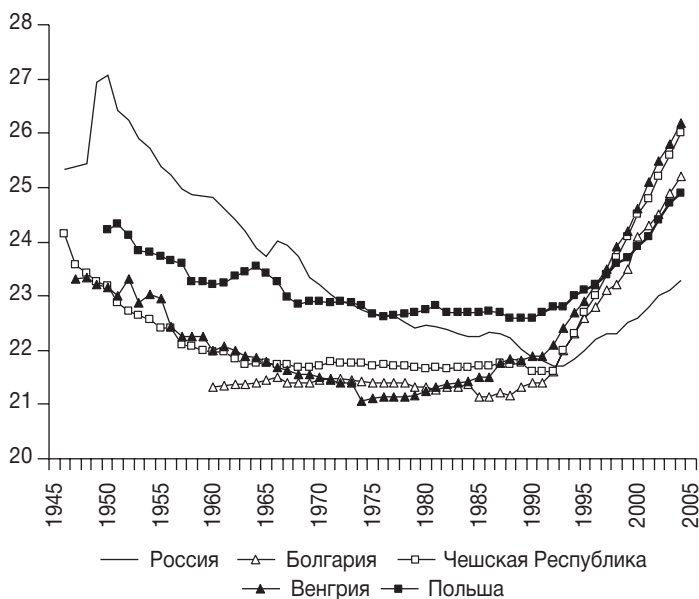
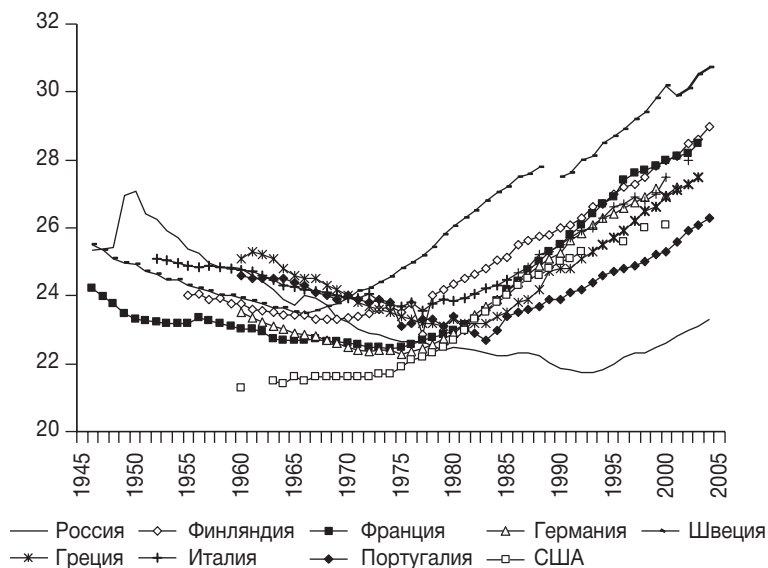

Рис. 2.6. Средний возраст невесты при вступлении в первый брак в России и в некоторых странах Западной и Восточной Европы

2.3. Неформальных брачных союзов становится все больше

Тенденция к откладыванию брака, обнаружившая себя в России с середины 1990-х гг., ведет к тому, что число женщин и мужчин молодого возраста, не связанных узами брака, быстро увеличивается. Перепись населения 2002 г. не только со всей очевидностью зафиксировала этот факт, но и показала, насколько принципиальные изменения произошли за десять лет в соотношении зарегистрированных и незарегистрированных партнерских союзов (табл. 2.5).

По сравнению с микропереписью 1994 г., вдвое меньше 18—19-летних женщин заявили, что они состоят в брачном союзе (формальном и неформальном) — 123 на 1000 в 2002 г. против 237 на 1000 в 1994 г. В возрасте 20—24 лет показатель снизился с 565 до 423, в 25—29 лет — с 751 до 654. Одновременно в возрастах до 30 лет в три раза выросла доля тех женщин, для которых этот союз был официально не зарегистрирован. В самой молодой группе 18—19-летних доля состоящих в незарегистрированных союзах среди всех состоящих в браке по данным переписи 2002 составила 32,6% против 11,4% в 1994 г., в возрасте 22—24 года — 19% против 6,7%, в возрасте 25—29 лет — 14,2% против 5,9%. Незарегистрированные союзы получили широкое распространение и в более поздних репродуктивных возрастах, косвенно свидетельствуя о том, что не только первые партнерские союзы, но и повторные союзы (после развода и овдовения) все чаще не имеют официального статуса.

Таблица 2.5. Число женщин, состоящих в зарегистрированных и незарегистрированных союзах, на 1000 женщин соответствующего возраста.
По данным российских обследований

	18—19	20—24	25—29	30—34	35—39	40—44	45—49
Микроперепись, 1994							
Состоят в браке	237	565	751	799	797	771	738
В том числе:							
зарегистрированном	210	527	707	753	748	722	689
незарегистрированном	27	38	44	46	49	49	49
Доля состоящих в незарегистрированных браках к общему числу состоящих в браке, %	11,4	6,7	5,9	5,8	6,1	6,4	6,6

Окончание табл. 2.5

	18—19	20—24	25—29	30—34	35—39	40—44	45—49
Перепись, 2002							
Состоят в браке	123	423	654	706	724	721	698
В том числе:							
зарегистрированном	83	343	561	623	657	663	644
незарегистрированном	40	80	93	83	67	58	54
Доля состоящих в незарегистрированных браках к общему числу состоящих в браке, %	32,6	19,0	14,2	11,8	9,3	8,0	7,7
Обследование РИДМИЖ/RusGGS-2004							
Проживают совместно с партнером	201	477	757	776	766	755	735
В том числе:							
брак зарегистрирован	77	334	614	622	638	664	634
брак не зарегистрирован	124	144	144	154	128	92	101
Доля проживающих в незарегистрированном браке к общему числу проживающих совместно с партнером, %	61,5	30,1	19,0	19,9	16,7	12,1	13,7

Источники: Микроперепись, 1994: рассчитано по: Состояние в браке и рождаемость в России (по данным микропереписи населения 1994 г.). Госкомстат России. М., 1995. С. 8—9; Перепись, 2002: рассчитано по: Возрастно-половой состав и состояние в браке (Итоги Всероссийской переписи населения 2002 г. Т. 2). Федеральная служба гос. статистики РФ. М., 2004. С. 302—303; Обследование РИДМИЖ/RusGGS-2004: рассчитано по данным репрезентативного обследования «Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе» (см. комментарий ниже).

Существенно глубже взглянуть на картину происходящих изменений в сфере брачно-семейных отношений позволило проведенное впервые за много лет репрезентативное на национальном уровне обследование российских семей РИДМИЖ/RusGGS-2004².

² Российское обследование «Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе» в рамках международной программы Европейской экономической комиссии ООН «Generations and Gender Programme»/Программа «Поколения и гендер» было проведено

Напомним, что в последней российской переписи населения 2002 г. и микропереписи 1994 г. выделялись следующие категории брачного состояния: никогда не состоявшие в браке, состоящие в браке, в том числе в незарегистрированном, разведенные/разошедшиеся и овдовевшие.

Категория «незарегистрированный брак», которую использует российская переписная статистика, призвана охватить состояния, при которых люди, имеющие фактические устойчивые отношения с кем-либо, не регистрировали их в соответствии с законодательством. При этом никакие дополнительные критерии для самоопределения человека, считающим себя состоящим в таком «браке», не используются. Так, во время опроса в рамках переписи не спрашивается о длительности такого союза, а информация о совместном проживании супругов не разрабатывается в разрезе брачных состояний.

Специалисты за рубежом, как правило, избегают словосочетание «незарегистрированный брак» по отношению к тем союзам, о которых идет речь. Во-первых, брак практически во всех развитых странах трактуется однозначно как зарегистрированные отношения в соответствии с законодательством. Практика регистрации браков различается по странам, но и к гражданским бракам, и к бракам, совершенным в соответствии с религиозными канонами предъявляются одни и те же требования — браком считается только тот союз, который прошел государственную регистрацию. Соответственно словосочетание «незарегистрированный брак» выглядит внутренне противоречиво. Во-вторых, для определения всех прочих, кроме брака, добровольных союзов, в зарубежной статистике, научной литературе и даже в юриспруденции, широко используются такие понятия как *cohabitation* (что с английского на русский переводится как «сожительство») или консенсуальный союз («союз по согласию»). Для того чтобы объединить все формы устойчивых семейных отношений между людьми, в современной литературе используется категория «партнерство», кото-

Независимым институтом социальной политики (Москва) при финансовой поддержке Пенсионного фонда Российской Федерации и Научного общества Макса Планка (Германия). Оригинальный вопросник на английском языке был разработан экспертами консорциума ведущих европейских исследовательских центров и является базовым для всех стран — участниц проекта. Концепция и инструментарий обследования были адаптированы к российским условиям Независимым институтом социальной политики (Москва) с участием Независимой группы «Демоскоп» и Института демографических исследований им. Макса Планка (Росток, Германия). Опрос проведен в июне—августе 2004 г. в 32 регионах России, объем случайной нестратифицированной выборки — 11 261 мужчин и женщин в возрасте 18—79 лет. Метод опроса — формализованное интервью. Дополнительную информацию о проекте, английский и российский варианты опросника см.: <http://www.unecsc.org/ead/pau/ggp/Welcome.html>; http://www.socpol.ru/research_projects/proj12.shtml; <http://www.mpidr.de> (Laboratory of Contemporary European Fertility and Family Dynamics).

рая и включает в себя два основных состояния — формальный брак и неформальный союз³.

В обследовании РИДМИЖ категория партнерства впервые была использована и в российской практике. Во-первых, партнерство, как более мягкая категория отношений, позволяет расширить наши представления о реально складывающемся многообразии форм отношений между людьми, в том числе и на различных этапах жизненного цикла, во-вторых, позволяет более точно статистически оценить совокупности пар, находящиеся под разным риском наступления беременности и рождения детей, и, в-третьих, обеспечивает лучшую международную сопоставимость результатов.

Распределение мужчин и женщин в каждой возрастной группе по наличию партнера в соответствии с данными обследования РИДМИЖ представлено в табл. 2.6 и 2.7. Устойчивые партнерские отношения приобретаются с возрастом, и не удивительно, что у женщин раньше, чем у мужчин: к 20 годам имеют партнера 32% мужчин и 48% женщин, к 25 годам соответственно 61% и 71%, к 30 годам — 76% и 88%. Однако в средних и старших возрастах тенденции для мужчин и женщин расходятся — доля женщин, имеющих партнера, сначала медленно, а затем ускоренно снижается, в то время как для мужчин характерно продолжение увеличения доли состоящих в партнерстве вплоть до 50 лет, когда она достигает 94%. Затем эти высокие показатели поддерживаются примерно на одном и том же уровне, и только в возрастах старше 60 лет медленно возрастает доля мужчин, не имеющих партнера. Вопреки расхожему мнению, среди мужчин гораздо реже можно встретить одиноких, чем среди женщин. Так, среди 35—50-летних одинокий мужчина — достаточно редкий феномен, таковых менее 10%. Среди женщин эта пропорция, как минимум, в два раза выше. К 50 годам каждая четвертая женщина не имеет спутника жизни, а к 60 годам доля одиноких женщин достигает катастрофических 50%.

Если до 20-летнего возраста характерно территориально разделенное партнерство, то в более поздних возрастах совместное проживание с партнером становится преобладающей нормой и для мужчин, и для женщин. В то же время важно отметить, что в возрастном интервале 20—24 года, где до недавнего времени заключалось большинство браков, сегодня почти каждый третий мужчина и почти каждая четвертая женщина проживают со своим партнером раздельно, да и среди 25—35-летних доля подобных союзов составляет весомые 10%. Среди партнеров 25—49 лет, проживающих отде-

³ В последнее время, с легкой руки журналистов, неформальные союзы в России стали почему-то называть «гражданскими браками». Между тем первоначальное значение этого понятия — именно супружеский союз, прошедший гражданскую регистрацию, но не освященный церковным обрядом.

Таблица 2.6. Наличие партнера у респондента-мужчины и проживает ли партнер в домохозяйстве респондента, %

Возраст	Все респонденты	Не имеют партнера	Имеют партнера	В том числе партнер проживает	
				с респондентом	отдельно
18—19	100,0	67,7	32,2	4,7	27,6
20—24	100,0	38,7	61,3	30,9	30,4
25—29	100,0	24,2	75,8	63,7	12,1
30—34	100,0	11,2	88,8	79,9	8,9
35—39	100,0	9,1	90,9	83,3	7,6
40—44	100,0	8,4	91,6	85,1	6,5
45—49	100,0	6,4	93,6	88,5	5,1
50—54	100,0	8,9	91,1	87,4	3,6
55—59	100,0	6,6	93,4	91,1	2,3
60—64	100,0	12,1	87,9	85,5	2,4
65—69	100,0	13,3	86,7	85,5	1,2
70—74	100,0	18,0	82,0	81,4	0,6
75—79	100,0	23,8	76,2	74,8	1,4
18—79	100,0	17,5	82,5	73,0	9,5

Источник: Рассчитано на основе данных обследования РиДМиЖ/RusGGS-2004.

Таблица 2.7. Наличие партнера у респондента-женщины и проживает ли партнер в домохозяйстве респондента, %

Возраст	Все респонденты	Не имеют партнера	Имеют партнера	В том числе партнер проживает	
				с респондентом	отдельно
18—19	100,0	51,7	48,3	20,1	28,2
20—24	100,0	28,9	71,1	47,7	23,4
25—29	100,0	11,6	88,4	75,7	12,7
30—34	100,0	13,7	86,3	77,6	8,7
35—39	100,0	16,7	83,3	76,6	6,7
40—44	100,0	17,9	82,1	75,5	6,6

Окончание табл. 2.7

Возраст	Все респонденты	Не имеют партнера	Имеют партнера	В том числе партнер проживает	
				с респондентом	отдельно
45—49	100,0	20,3	79,7	73,5	6,2
50—54	100,0	27,7	72,3	66,9	5,4
55—59	100,0	35,9	64,1	60,5	3,6
60—64	100,0	48,1	51,9	50,1	1,8
65—69	100,0	53,6	46,4	45,1	1,3
70—74	100,0	66,1	33,9	33,6	0,3
75—79	100,0	79,1	20,9	20,9	0,0
18—79	100,0	30,8	69,2	61,3	7,9

Источник: Рассчитано на основе данных обследования РИДМиЖ/RusGGS-2004.

льно друг от друга, когда либо регистрировали брак между собой 11% женщин и 21% мужчин (включая официально не разведенных, которых, правда, меньшинство).

Интересным также представляется, что распространенность раздельного проживания партнеров в возрастах старше 25 лет согласованно декларируется и мужчинами, и женщинами, что может свидетельствовать о том, что совершенно новые для массовых опросов в России категории «партнер», «партнер, проживающий отдельно», были восприняты одинаково респондентами обоих полов. Партнерские отношения такого типа — совершенно неизученный объект в отечественной социологии и демографии. Ввиду отсутствия сопоставимых данных других исследований в России, мы не имеем возможности сравнить данные нашего обследования о распространенности таких союзов в прошлом и настоящем. В то же время выскажем предположение, что, поскольку интенсивность заключения браков в 1990-х гг. сильно снижалась, число союзов с партнерами, проживающими раздельно, должно было в последнее время увеличиться.

Обследование еще раз подтвердило, что союзы проживающих совместно партнеров далеко не всегда подкреплены официальным статусом брака. Более того, в молодом возрасте формальные союзы утратили прежнее доминирование. В возрастах до 25 лет среди тех, кто проживает совместно с партнером, половина мужчин и женщин состоят в неформальных союзах. Чем старше респондент, тем ниже этот показатель, и среди 60-летних мужчин, проживающих совместно с партнершей, он составляет 9—10%,

а среди женщин того же возраста — 7%. Но в активных детородных возрастах неформальные союзы уже получили в России широкое распространение: в расчете на всех мужчин от 20 до 40 лет эта доля составляет 13—15%, а в расчете на всех, имеющих партнера в домохозяйстве — от 42% в возрастной группе 20—24 лет до 17—19% у тридцатилетних. Опрошенные женщины декларируют ту же картину. Результаты выборочного обследования о распространенности незарегистрированных союзов лучше результатов переписи согласуются с данными текущей регистрации рождений, согласно которой почти каждый третий новорожденный в России появляется на свет вне официального брака.

Обследование РИДМИЖ показало более высокую распространенность неформальных союзов в репродуктивных возрастах от 18 до 49 лет, чем перепись населения 2002 г. (см. табл. 2.5). С одной стороны, последнюю перепись и обследование разделяют два года, что немало, учитывая высокую скорость изменений. С другой стороны, понятие «брак», используемое в переписном вопроснике, видимо, заставляет опрошенных более «жестко» подходить к определению своего брачного состояния, чем более мягкий вопрос в обследовании о наличии постоянного партнера. Возможность указать в ходе переписи, что данный брак не зарегистрирован, не сильно меняет ситуацию, поскольку он задается после ключевого вопроса переписного листа о состоянии в браке в принципе.

Важно отметить, что данные выборочного обследования и перепись населения 2002 г. не расходятся в оценке распространенности формальных союзов (то есть тех, в котором партнеры брак свой зарегистрировали) в расчете на всех лиц данного пола и возраста (см. табл. 2.5). Последнее не только свидетельствует об отсутствии смещенности выборочной совокупности опрошенных в рамках обследования РИДМИЖ относительно генеральной совокупности — населения России по всеобщей переписи, но и указывает, что, вероятнее всего, перепись населения недооценивает распространенность неформальных союзов за счет того, что не все пары, даже проживающие совместно, готовы определить свой союз как брак, пусть даже с приставкой «незарегистрированный».

Результаты обследования убедительно показывают, что в России в последние два десятилетия произошла «тихая революция» в отношении к браку. Поколения россиян, родившиеся во второй половине 1960-х гг. и позже, все чаще начинают совместную жизнь с партнером не с регистрации брака (рис. 2.7, табл. 2.8).

Нельзя сказать, что сожительства до брака раньше не имели распространения в России. Напротив, в поколениях россиян, родившихся перед войной и формировавших свои семьи соответственно в 1950-х гг., не менее 20%

мужчин и женщин к 30-летнему возрасту свой первый партнерский союз начинали с юридически неоформленных отношений. Более того, тенденция к более раннему началу партнерских отношений, о чем говорилось выше, сопровождалась хотя и медленным, но устойчивым ростом юридически неоформленных союзов среди молодежи.

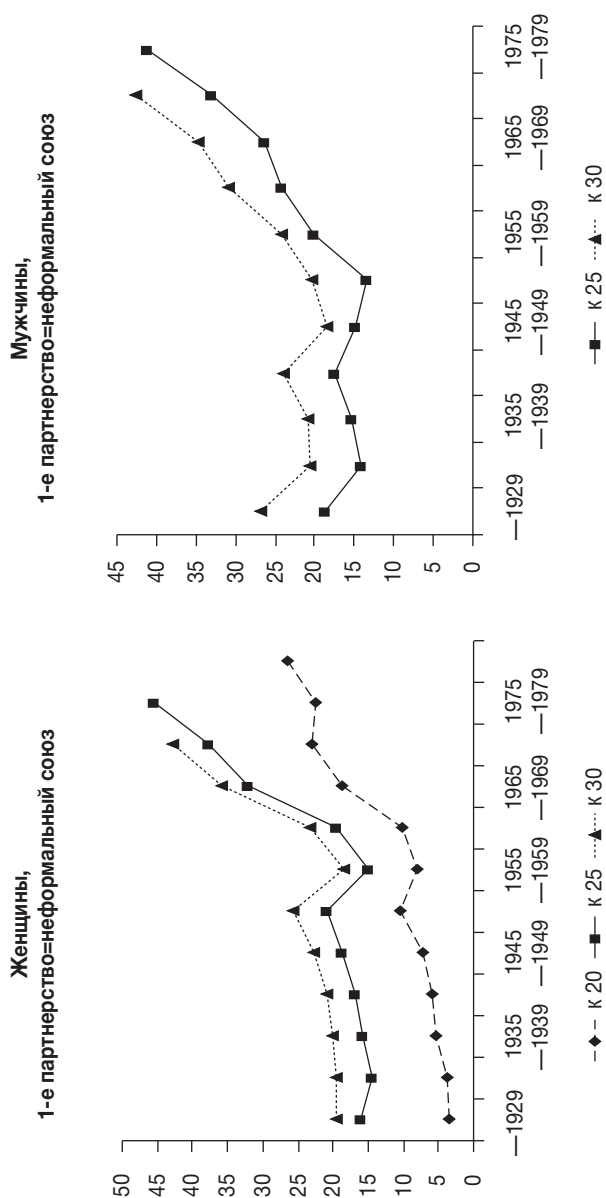
Однако, среди представителей поколений, родившихся после 1960 г., распространение неформальных отношений носит взрывной характер. Сегодня не менее 25% женщин к 20 годам и не менее 45% к 25 годам не регистрировали брак со своим первым партнером. Данные для мужчин подтверждают эти цифры — 40—45% первых союзов — это сегодня неформальные союзы.

Таблица 2.8. Опыт партнерских отношений к 25-летнему возрасту у женщин разных поколений, % от всех опрошенных женщин

Годы рождения	Имели опыт совместного проживания с партнером в союзах любого типа	Первый союз начался как официальный брак	Первый союз начался без юридического оформления	Доля заключивших брак с первым партнером в течение 5 лет проживания в юридически неоформленном союзе
До 1929	63	47	16	62
1930—1934	68	54	14	64
1935—1939	72	56	16	74
1940—1944	72	55	17	68
1945—1949	75	56	19	73
1950—1954	79	58	21	77
1955—1959	81	66	15	73
1960—1964	84	64	20	77
1965—1969	85	53	32	71
1970—1974	83	45	38	64
1975—1979	84	39	45	57

Источник: Рассчитано на основе данных обследования РидМиЖ/RusGGS-2004.

Неформальные отношения в начале совместной жизни для большинства носят характер временного, пробного брака. Спустя какое-то время для многих пар отношения становятся вполне respectable, юридичес-

Источник: Рассчитано по данным обследования РидМилЖ./RusGGS-2004.

Рис. 2.7. Накопленная доля женщин (левая панель) и мужчин (правая панель), для которых первый союз к возрасту 20, 25 и 30 лет с совместно проживающим партнером не был браком, реальные поколения годов рождения, указанных на абсциссе

ки оформленным браком. В то же время данные РидМиЖ показывают, что регистрация брака все чаще не просто откладывается на время до проверки прочности отношений, но и не наступает вовсе (см. табл. 2.8). Если в поколениях 1950-х гг. рождения уже к первому году от начала неформального союза 50% женщин регистрировали брак со своим партнером, то в поколениях второй половины 1970-х гг. — только 30%. Снижается показатель и для тех, кто долго живет вместе. К третьему году еще недавно регистрировали брак до 70% партнеров, начавших совместную жизнь с неформальных отношений, сегодня — 50%. К пятому году семейной жизни снижение показателя составило более 10 процентных пунктов. Заметим, что если оформление отношений не происходит в течение 3—5 лет совместной жизни, шансы на то, что брак в этом партнерском союзе будет когда-нибудь зарегистрирован вообще, минимальны — нет практически никакой разницы в процентах зарегистрировавших брак к пятому и десятому годам от начала отношений.

Итак, в России пока не зафиксировано расширение практики проживания вне партнерских союзов в молодом возрасте: к 25 годам, как и несколькими десятилетиями ранее, более 80% женщин имеют опыт совместного проживания с партнером (см. табл. 2.8). Однако первый союз, даже длительно существующий, все реже начинается с регистрации брака или вообще когда-либо становится официальным браком.

Революция в брачно-партнерских отношениях в развитых странах протекает по-разному. По своим текущим тенденциям Россия скорее напоминает страны западной и северной Европы (Францию, Норвегию), Канаду и США, чем южные страны европейского континента и Японию. Нужно только иметь в виду, что трансформация брачно-семейной модели в западных странах началась, как минимум, на два десятилетия раньше, чем в странах Восточной Европы и России. Так, для российских женщин 1975—1979 гг. рождения к 25 годам характерна такая же вероятность начать семейную жизнь с зарегистрированного брака или с неформального сожительства, как для французов 1960—1965 гг. рождения. Россиянки же 1960—1964 гг. рождения, для которых перемены в брачном поведении лишь едва обозначились, напоминают своими показателями французов 1950—1955 гг. рождения, находившихся к своему 25-летию в той же исторической стадии развития процесса (табл. 2.9, 2.10).

В обширной группе «северо-западных» развитых стран происходит, как и в России, не столько отказ от практики первых партнерских союзов в молодом возрасте, сколько вытеснение формальных союзов неформальными. Напротив, в Испании, Италии, Португалии и Японии молодые женщины все дольше и дольше остаются в родительском доме и/или проживают без партнеров до официальной церемонии бракосочетания (см. табл. 2.9). Со-

Таблица 2.9. Доля женщин 1950—1955 и 1960—1965 гг. рождения, имевших к возрасту 25 лет опыт зарегистрированного и незарегистрированного брачно-партнерского союза в некоторых развитых странах, %

Страна*	Когорта 1950—1955			Когорта 1960—1965		
	Имели опыт партнерского союза любого типа	Первый союз начался с официального брака	Первый союз начался без юридического оформления	Имели опыт партнерского союза любого типа	Первый союз начался с официального брака	Первый союз начался без юридического оформления
Швеция	82	8	74	79	6	74
Норвегия	78	52	26	79	21	58
Австрия	81	43	38	77	22	55
Швейцария	68	35	33	66	15	51
Франция	81	60	21	79	33	46
Нидерланды	83	65	18	76	31	55
Канада	78	58	20	74	32	42
Словения	82	65	17	80	44	36
Латвия	79	55	24	83	54	29
Венгрия	85	78	7	84	66	18
Бельгия (Фландрия)	86	80	6	76	59	17
Португалия	76	66	10	66	55	11
Литва	76	67	9	80	69	11
Испания	69	66	3	58	53	7
Италия	71	68	3	55	50	5

* Страны указаны в порядке уменьшения показателя распространенности незарегистрированных союзов для когорты женщин 1960—1965 гг. рождения.

Источник: Данные международного обследования семьи и рождаемости «Fertility and Family Survey»/ FFS, проведенного в конце 1980-х — начале 1990-х гг. в разных странах по единой программе при координирующей роли Европейской экономической комиссии ООН: Partnership and Reproductive Behaviour in Low-Fertility Countries. United Nations. N.Y., 2003. (ST/ESA/SER.A/221). P. 25.

Таблица 2.10. Доля женщин, заключивших брак с первым партнером в течение 5 лет проживания в юридически неоформленном союзе в некоторых странах, женские когорты по году рождения, %

Страна*	1945—1950	1950—1955	1955—1960	1960—1965	1965—1970
Швеция	59	42	30	28	12
Норвегия	...	63	56	48	...
Австрия	67	60	50	53	40
Швейцария	77	65	67	60	49
Франция	65	64	70	60**	50**
Нидерланды	...	61	54	56	42
Канада	36	40	43	40	29
Словения	...	73	62	60	58
Латвия	79	81	82	78	67
Венгрия	...	74	72	73	55***
Бельгия (Фландрия)	...	53	57	48	...
Литва	81	84	75	86	79
Испания	40	50	45	48	...
Италия	...	51	48	68	48

* Страны указаны в том же порядке, что и в табл. 2.9.

** Оценка автора на основе данных, представленных в: *Toulemon L. Cohabitation is here to stay // Population. An English Selection. Vol. 9. 1997. P. 28.*

*** Оценка автора на основе данных представленных в: *Spéder Z., Pongrácz M. Cohabitation and Marriage: Facts, Opinions, Trends and Transitions. Paper presented at the PAA 2004 Annual Meeting. Boston, 1—3 April 2004.*

Источник: см. табл. 2.9.

жительство в этих странах до сих пор остается статистически малозначимой, маргинальной формой совместной жизни. В результате средний возраст жениха и невесты при регистрации брака повышается повсеместно, но составяющая женихов и невест по опыту пребывания в добрачных партнерских союзах в разных странах различается существенно.

По-видимому, общей тенденцией для развитых стран становится то, что сожительства из временной, переходной и на социальном уровне маргинальной и, нередко, осуждаемой формы совместной жизни постепенно становятся социально приемлемой, конкурентной браку устойчивой формой се-

мы. Притом что, как говорилось выше, совместная жизнь молодых людей все чаще начинается не с регистрации брака, неформальные союзы, даже спустя пять лет своего существования, с возрастающей вероятностью так и остаются союзами, основанными на добровольном согласии без должного юридического оформления в качестве полноправного брака⁴ (см. табл. 2.8, 2.10). Речь идет прежде всего о тех странах, где неформальные союзы получили широкое распространение. Переход к новой брачно-семейной модели, обнаруживший себя в России, странах Центральной и Восточной Европы с 20-летним опозданием, вполне укладывается в русло процессов, происходивших в странах северо-западной Европы, и в частности во Франции, на протяжении последних десятилетий.

2.4. Тенденции динамики разводов не вполне ясны

За последние два десятилетия динамика числа регистрируемых разводов пережила несколько всплесков и спадов. В первой половине 1990-х гг. число разводов росло, затем в течение четырех лет, с 1995 по 1998 г., наблюдалось их значительное снижение. В 1998 г. общий коэффициент разводимости составил 3,4 на 1000 населения, что соответствовало возврату к уровню первой половины 1970-х гг. (см. рис. 2.1). Далее, в 1999—2002 гг. — Россия пережила четырехлетнюю «эпидемию» разводов — за этот период число зарегистрированных разводов увеличилось на 70% — с 501,7 тыс. в 1998 г. до 853,6 тыс. в 2002 г. (см. табл. 2.13). Общий коэффициент достиг 5,9 на 1000 населения, что близко к исторически рекордной величине. Такие темпы роста разводимости за столь короткий период встречались крайне редко в российской и мировой истории. Один из немногих примеров — ситуация, сложившаяся в СССР в 1965—1966 гг. после изменения законодательства в сторону упрощения процедуры разводов. Либерализация законодательства спровоцировала лавину бракоразводных процессов — оформлялось

⁴ В ответ на изменения в практике совместной жизни меняется и брачно-семейное законодательство в развитых странах. В некоторых странах допускается юридическое оформление домохозяйств партнеров (одного или разного пола), не состоящих в формальном браке, что имеет последствия для семейного налогообложения, получения кредитов и различных социальных льгот. Примером может служить закон о PACS («Pacte Civil de Solidarité»), принятый в 1999 г. во Франции и закон о «registered partnership/зарегистрированном партнерстве» в Нидерландах (1998). (См.: *Festy P. The «Civil Solidarity Pact» (PACS) in France: an impossible evaluation // Population et Société. No. 369. June 2001.*) В 2005 г. во Франции было зарегистрировано 274,4 тыс. браков и 60,5 тыс. PACS (France in Facts and Figures: Population/Demographic Balance. Sheet. 2005. INSEE. <http://www.insee.fr/en/ffc/>). Число PACS быстро растет, и гетеросексуальные пары среди них значительно преобладают.

прекращение тех союзов, которые уже давно фактически существовали только на бумаге. Тогда за один 1966 г. число разводов в России увеличилось в два раза.

В 2003—2005 гг. маятник числа разводов вновь качнулся в противоположном направлении — в 2005 г. было зарегистрировано 605 тыс. разводов, или 4,2 на 1000 населения, что означает снижение показателя к уровню начала 1980-х гг. Поскольку трудно вообразить, чтобы настроения людей, состоящих в браке, менялись столь резко всего за несколько лет, остается искать причины колебаний числа разводов либо в изменении законодательства, либо в изменении практики статистического учета.

В конце 1990-х гг. принципиальных изменений в законодательстве, касающемся расторжения брака, не было. В то же время с 1999 г. существенным образом изменилась **статистическая практика регистрации** этого события. Получив на руки решение суда о расторжении брака, бывшие супруги могут теперь обращаться за получением свидетельства о его расторжении в разные загсы, а не только в тот, в котором их брак был когда-то зарегистрирован, как было прежде. Практика пересылки соответствующих документов и сигнальных информационных сообщений между разными загсами также отсутствует. Поэтому статистика разводов стала превращаться в **статистику получения свидетельств о расторжении браков**. Понятно, что при такой системе регистрации расторжения браков двойной счет значительной части разводов практически неизбежен. С целью исправления ситуации в 2003 г. была введена в действие поправка к инструкции Минюста, обязывающая хотя бы в рамках одного и того же загса проводить соответствующий контроль, чтобы не допускать в статистической отчетности двукратной фиксации одного и того же события (в 1999—2002 гг. не делалось даже этого).

В качестве примера нарастающей деградации официальной статистики разводов приведем такой факт. С начала 1990-х гг. в 10 раз увеличилось число разводящихся мужчин и женщин «неизвестного возраста». Если в 1980-х — начале 1990-х гг. не более 2% разведенных в статистической отчетности оставались не распределенными по возрасту, то в 2003 г. таких «неизвестного возраста» мужчин оказалось 114,6 тыс. и женщин — 79,9 тыс., что составило соответственно 14,3 и 10% от общего числа разводов среди мужчин и женщин. В 2005 г. абсолютное число разведенных «неизвестного возраста» стало чуть ниже, видимо, по причине того, что число разводов снизилось, — 113,1 тыс. мужчин и 63,3 тыс. женщин. В то же время в относительном измерении процесс продолжает идти по нарастающей — доля не распределенных по возрасту разводов достигла 18,7% всех разводов у мужчин и 10,5% у женщин. Игнорировать столь значи-

тельную совокупность разведенных при расчете возрастных коэффициентов разводимости уже невозможно. Поэтому приходится распределять переживших развод мужчин и женщин «неизвестного возраста» пропорционально доле разводящихся известного возраста (как это сделано при расчете показателей, представленных в табл. 2.11). Но при столь высокой и год от года растущей доле лиц неизвестного возраста подобная процедура становится все менее адекватной, поскольку мы не знаем, в какой мере зависит от возраста индивида риск попасть в совокупность «разведенных неизвестного возраста».

В период бурного роста показателей разводимости в 1999—2002 гг. они увеличивались в средних и старших возрастных группах, в то время как в возрастах до 25 лет интенсивность расторжения браков имела тенденцию к снижению (табл. 2.11). Такая динамика хорошо согласуется с гипотезой о том, что именно упрощение процедуры получения свидетельств о расторжении брака и недостатки статистического учета этого события вызвали рост числа зарегистрированных разводов, поскольку этот во многом искусственный фактор должен был в первую очередь вызвать двойной счет разводов, оформленных на основе решений судов, и, следовательно, в отношении бывших партнеров, имевших совместных детей и проживших в браке достаточно продолжительное время. Сокращение же показателей в 2003—2005 гг. затронуло все возрастные группы, но сильнее опять же лиц средних и старших возрастов.

Приблизительная оценка среднего возраста мужчин и женщин, регистрирующих развод, представлена в табл. 2.12. Возраст расторжения брака в России за последнее десятилетие, по сравнению с 1970—1980-ми гг. повысился не менее чем на один год у мужчин и на два года у женщин. В результате средняя разница в возрастах разводящихся мужчин и женщин уменьшилась, как минимум, на один год, что привело к сближению средних возрастов расторгающих браки мужчин и женщин. К сожалению, официальная статистика сегодня не располагает действовавшей до 1997 г. отчетной формой, в которой зарегистрированные разводы распределены одновременно по возрасту обоих партнеров, вследствие чего более детально исследовать данный вопрос на уровне официальной статистики не представляется возможным.

С 1996 г. нет также возможности произвести оценку уровня разводимости с учетом продолжительности расторгнутого брака — сбор соответствующих данных государственной статистикой прекращен. Можно лишь предполагать, что вслед за повышением возраста заключения брака повысился не только возраст, в котором браки расторгаются, о чем было сказано выше, но и средняя длительность расторгаемого союза.

Таблица 2.11. Число разводов на 1000 мужчин и женщин в отдельных возрастных группах, Россия, 1970—2005 гг.

Год	Мужчины в возрасте				Женщины в возрасте			
	До 18	18—24	25—39	40 и более	До 18	18—24	25—39	40 и более
1970	0,00	5,39	18,21	6,92	0,02	10,62	16,31	3,63
1975	0,00	7,10	20,67	7,65	0,05	13,09	18,35	4,31
1980	0,00	7,63	23,12	9,09	0,07	14,47	21,08	5,59
1985	0,00	8,18	20,68	7,62	0,08	15,51	19,17	4,79
1990	0,02	8,61	18,44	7,54	0,22	16,36	17,38	5,00
1995	0,03	10,85	23,60	8,06	0,41	20,40	21,57	5,55
1999	0,05	6,66	19,26	7,29	0,23	12,85	17,85	5,21
2000	0,07	6,96	22,98	8,85	0,26	13,67	21,56	6,31
2001	0,06	6,78	27,47	11,81	0,21	13,89	26,19	8,46
2002	0,13	6,58	29,53	14,34	0,22	13,43	28,50	10,33
2003	0,06	5,93	27,39	13,65	0,19	12,31	26,56	9,65
2004	0,07	5,46	22,57	10,12	0,20	11,57	21,41	6,96
2005	0,05	5,04	21,62	9,55	0,16	10,76	20,61	6,45

Таблица 2.12. Средний возраст мужчин и женщин при расторжении брака, Россия, 1970—2005 гг., лет

Год	Мужчины	Женщины	Разница	Год	Мужчины	Женщины	Разница
Данные госстатистики*				Оценка С.В. Захарова**			
1970	37,84	33,57	4,27	2000	37,8	35,2	2,6
1975	37,84	34,03	3,81	2001	38,5	36,0	2,5
1980	38,38	34,61	3,77	2002	39,1	36,7	2,4
1985	38,28	34,60	3,68	2003	39,3	36,7	2,6
1990	38,07	34,63	3,44	2004	38,7	35,9	2,8
1995	36,59	33,65	2,94	2005	38,7	35,9	2,8

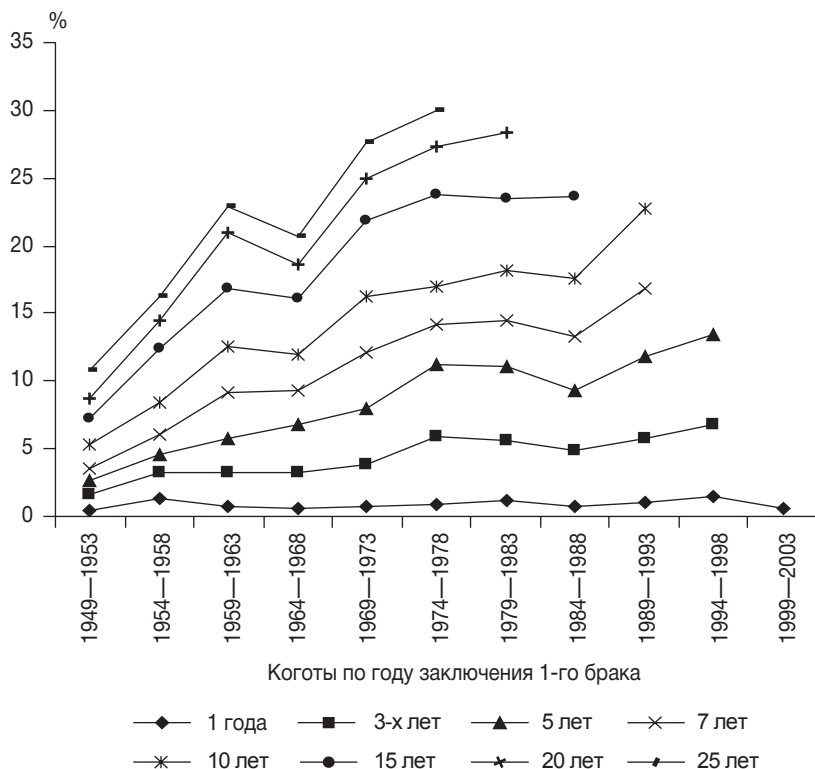
* Грубая оценка, выполненная на основе коэффициентов разводимости для возрастных групп, приведенных в табл. 2.11.

** Расчеты С.В. Захарова, выполненные общепринятым способом на основе коэффициентов разводимости для пятилетних возрастных групп.

В целом приходится признать, что с конца 1990-х гг. мы не знаем действительной картины изменения риска расторжения брачного союза, поскольку прежняя система статистического наблюдения этого процесса оказалась практически разрушенной, а существующая система крайне несовершенна и едва ли вообще способна обеспечивать статистическое изучение феномена разводимости. Остается поэтому рассчитывать только на данные выборочных обследований.

Репрезентативное для населения страны обследование РИДМИЖ, уже упоминавшееся выше, подтверждает наши сомнения в истинности факта кратковременной «эпидемии разводов» на рубеже 1990-х и 2000-х гг., охватившей якобы россиян по свидетельству официальной статистики. С другой стороны, нет оснований и для утверждений, что риск прекращения брака снижается. Напротив, долговременная тенденция снижения стабильности брачных союзов в России сохраняется (рис. 2.8). До «серебряной» свадьбы из-за развода не дожил примерно каждый третий-четвертый брак, заключенный в 1970-х гг., в то время как для брачных когорт 1950-х гг. накопленный риск развода к той же продолжительности брака был вдвое ниже. Правда, такое сравнение не вполне корректно, поскольку партнеры, заключавшие брак в 1950-х гг., значительную часть своей семейной жизни прожили в условиях действия ограничительного законодательства в отношении развода. Но и для союзов, заключавшихся с конца 1960-х гг. после принятия либерального брачно-семейного кодекса, характерна все та же тенденция повышения риска развода. Хотя средняя длительность расторгнутого брака в последнее десятилетие вероятнее всего несколько повысилась за счет снижения вклада расторгнутых браков с низкой продолжительностью (до 3-х лет), в то же время накопленная доля браков, закончившихся разводом к 5-му или 10-му году существования, уверенно увеличивается от старших брачных когорт к младшим. В течение 10 лет разводом закончилось 16% браков, заключенных в 1969—1973 гг., 18% браков 1979—1983 гг. и 23% браков 1989—1993 гг. Приостановку действия данной тенденции продемонстрировали только брачные когорты пятилетия горбачевской «перестройки» (см. рис. 2.8).

Другая важная тенденция — постепенное уменьшение числа детей до 18 лет, затронутых расторжением браков их родителей. Уменьшается доля разводов с совместными детьми, снижается среднее число детей, приходящееся на один развод (табл. 2.13). В 2005 г., по нашей оценке, для территорий, собирающих соответствующие данные, среднее число детей на один развод составило 0,67, что на 26% меньше, чем в 1994 г. Среди распавшихся семей с совместными детьми, среднее число детей также снизилось — 1,19 в 2005 г. против 1,36—1,37 в первой половине 1990-х гг. Итак, количество детей, страдающих от развода родителей, в России в последнее десятиле-

Источник: Рассчитано на основе данных обследования РИДМИЖ/RusGGS-2004.

Рис. 2.8. Доля первых браков, прекратившихся вследствие развода в течение указанного периода существования союза. Россия, когорты, заключившие брак в 1949—2003 гг.

тие снижалось. Отчасти это объясняется снижением рождаемости, однако главная причина, видимо, в том, что несколько возросла стабильность браков с детьми относительно бездетных супружеских пар. Нужно только не забывать, что речь идет о юридических браках, т.е. тех, в которых партнеры соответствующим образом оформили как брачный союз, так и последующее его расторжение. О стабильности и детности фактических, незарегистрированных партнерских союзов текущая статистика никакой информации не дает: где не было зарегистрированного брака, там не может быть и развода. Разработка данных обследования РИДМИЖ — единственного пока обследования, позволяющего оценить риск развода для различных типов союзов,

в том числе с детьми и без детей, продолжается, и мы надеемся в следующем ежегодном докладе детально осветить этот вопрос.

Таблица 2.13. Число разводов и число общих детей в возрасте до 18 лет в расторгаемых браках, Россия, 1988—2005 гг.

Год	Всего разводов, тыс.	Разводов с общими детьми, тыс.	Доля разводов с общими детьми, %	Всего общих детей, тыс.	Среднее число детей на один развод	
					Всего	В семьях с детьми
1988	573,9	350,4	61,1	465,1	0,81	1,33
1989	582,5	358,9	61,6	479,1	0,82	1,33
1990	559,9	345,7	61,7	466,1	0,83	1,35
1991	597,9	382,8	64,0	522,2	0,87	1,36
1992	639,2	415,7	65,0	569,1	0,89	1,37
1993	663,3	433,6	65,4	593,8	0,90	1,37
1994	680,5	449,6	66,1	613,4	0,90	1,36
1995	665,9	434,9	65,3	588,1	0,88	1,35
1996	562,4	347,4	61,8	463,5	0,82	1,33
1997	555,2	353,0	63,6	454,5	0,82	1,29
1998	501,7	308,6	61,5	389,7	0,78	1,26
1999	532,5	...	54,1*	...	0,67*	1,24*
2000	627,7	...	54,9*	...	0,67*	1,21*
2001	763,5	...	60,1*	...	0,73*	1,21*
2002	853,6	...	58,6*	...	0,70*	1,20*
2003	798,8	...	57,1*	...	0,68*	1,19*
2004	635,8	...	56,5*	...	0,68*	1,21*
2005	604,9	...	56,4*	...	0,67*	1,19*

* Расчет по совокупности территорий, представивших в Госкомстат/Росстат соответствующие данные (в 1999 г. 61 субъект Федерации, в которых было зарегистрировано 79% от общего числа разводов в стране, в 2001, 2002 и 2003 гг. — 46 субъектов Федерации, 63% от общего числа разводов в стране, в 2004 и 2005 гг. — 47 субъектов Федерации, 62 и 60,5% разводов).

2.5. После пяти лет повышения рождаемость снова снизилась

В 2000—2004 гг. число рождений в России увеличивалось. По сравнению с минимальным показателем, достигнутым в 1999 г., — 1214,7 тыс. число живорождений в 2004 г. (без учета Чеченской Республики) увеличилось на 259 тыс., или на 21% (см. табл. 2.15). При неизменной численности населения это означало бы рост общего коэффициента рождаемости с 8,3 на 1000

в 1999 г. до 10,1 в 2004 г., но так как численность населения сократилась, то общий коэффициент вырос чуть больше — до 10,3%. Опубликованный коэффициент за 2004 г. еще больше — 10,4%, но он исчислен с учетом числа родившихся в Чеченской Республике.

В 1993—2002 гг. регистрация рождений (как и других демографических событий) в Чечне либо отсутствовала вообще, либо была отрывочной и не полной. Начиная с 2003 г. Росстат вновь включает в свои публикации по России рождения, зарегистрированные на территории Чечни⁵. Разумеется, это влияет на общероссийские показатели (табл. 2.14).

Таблица 2.14. Число родившихся и общий коэффициент рождаемости в России в 2003—2005 гг. с учетом и без учета родившихся в Чеченской Республике

Год	Число родившихся			Общий коэффициент рождаемости	
	Без Чеченской Республики	Чеченская Республика	С Чеченской Республикой	Без Чеченской Республики	С Чеченской Республикой
2003	1 449 527	27 774	1 477 301	10,1	10,2
2004	1 473 981	28 496	1 502 477	10,3	10,4
2005	1 428 724	28 652	1 457 376	10,1	10,2

Как отмечалось выше, увеличению числа рождений и браков способствует благоприятная возрастная структура населения — число женщин основного детородного возраста (до 30 лет) продолжает находиться в фазе роста. Однако расчеты, приведенные в табл. 2.15, свидетельствуют, что положительное влияние фактора структуры начало ослабевать. В ближайшие несколько лет оно сойдет на нет, а затем станет отрицательным. Положительное влияние собственно рождаемости (возрастной интенсивности деторождения) было максимальным в 2002 г., но затем стремительно падало и уже в 2004 г. оказалось статистически едва различимым.

В 2005 г. интенсивность деторождения заметно упала практически во всех возрастных группах, что и предопределило уменьшение общего числа рождений. Если бы на число рождений действовал только один фактор — число

⁵ В 2003 г. общее число рождений в Чеченской Республике не было распределено по возрасту матери, и при расчете более детальных показателей — коэффициентов рождаемости по возрасту матери, коэффициента суммарной рождаемости — данные по Чечне не принимались во внимание (не включались ни в числитель — число рождений, ни в знаменатель — среднегодовая численность населения). Данные о рождаемости в Чечне полноправно присутствуют в официальных демографических расчетах лишь с 2004 г.

женщин в репродуктивных возрастах, то в 2005 г. по сравнению с 2004 г. в России было бы зафиксировано на 17 тыс. рождений больше. Однако снижение возрастных коэффициентов рождаемости привело к тому, что страна условно недосчиталась 62 тыс. рождений. В результате годовой прирост рождений оказался отрицательным — в 2005 г. в стране родилось на 45,1 тыс. детей меньше ($+17,0 - 62,1 = -45,1$).

Таблица 2.15. Число рождений в России и компоненты его изменения, 1993—2005 гг., тыс.

Год	Число рождений*	Изменение за год	В том числе за счет изменения**	
			половозрастной структуры населения	возрастной интенсивности деторождения
1993	1379,0	—	—	—
1994	1408,2	+29,2	+4,7	+24,5
1995	1363,8	−44,4	+12,3	−56,7
1996	1304,6	−59,2	+8,4	−67,6
1997	1259,9	−44,7	+8,5	−53,2
1998	1283,3	+23,4	+9,8	+13,6
1999	1214,7	−68,6	+10,4	−79,0
2000	1266,8	+52,1	+13,9	+38,2
2001	1311,6	+44,8	+17,2	+27,6
2002	1397,0	+85,4	+19,7	+65,7
2003 (без Чечни)	1449,5	+52,6	+20,3	+32,2
2004 (без Чечни)	1474,0	+24,5	+18,4	+6,1
2004 (с Чечней)	1502,5	—	—	—
2005 (с Чечней)	1457,4	−45,1	+17,0	−62,1

*1993—2003 без рождений в Чеченской Республике.

** Индексное разложение годового прироста.

Показатель, не зависящий от половозрастной структуры населения, — коэффициент суммарной рождаемости (итоговое число рождений в расчете на одну женщину условного поколения) — также свидетельствует о том, что в России в 1999—2004 гг. происходило увеличение интенсивности деторождения как в городской, так и в сельской местности, хотя у горожан

рост был заметно большим (табл. 2.16). Если в целом показатель увеличился на 0,18 ребенка на одну женщину, то у городского населения прирост составил 0,21, у сельского — всего 0,13. В результате разрыв в уровне рождаемости городских и сельских жителей уменьшился. В 2005 г. рождаемость снизилась почти одинаково и у горожан, и у сельских жителей, но в сельской местности — чуть сильнее, и тенденция сближения уровня рождаемости в городах и селах сохранилась. В результате, если в начале 1990-х гг. итоговая рождаемость у сельских жителей была выше, чем у городских, примерно на 0,9 детей в расчете на одну женщину, то к 2005 г. разрыв между сельской и городской местностью сократился до 0,39, т.е. более чем в два раза.

Таблица 2.16. Итоговая (суммарная) рождаемость на одну женщину, Россия, 1980, 1990—2005 гг.

Год	Все население	Городское население	Сельское население
1980	1,89	1,70	2,51
1990	1,89	1,70	2,60
1991	1,73	1,53	2,45
1992	1,55	1,36	2,26
1993	1,37	1,20	1,95
1994	1,39	1,24	1,91
1995	1,34	1,19	1,81
1996	1,27	1,14	1,70
1997	1,22	1,10	1,62
1998	1,23	1,11	1,64
1999	1,16	1,04	1,53
2000	1,19	1,09	1,55
2001	1,22	1,12	1,56
2002	1,28	1,19	1,61
2003	1,32	1,22	1,67
2004	1,34	1,25	1,66
2005	1,29	1,20	1,59

Примечание. Рассчитано на основе однолетних возрастных коэффициентов. В 1993—2003 гг. — без Чеченской Республики.

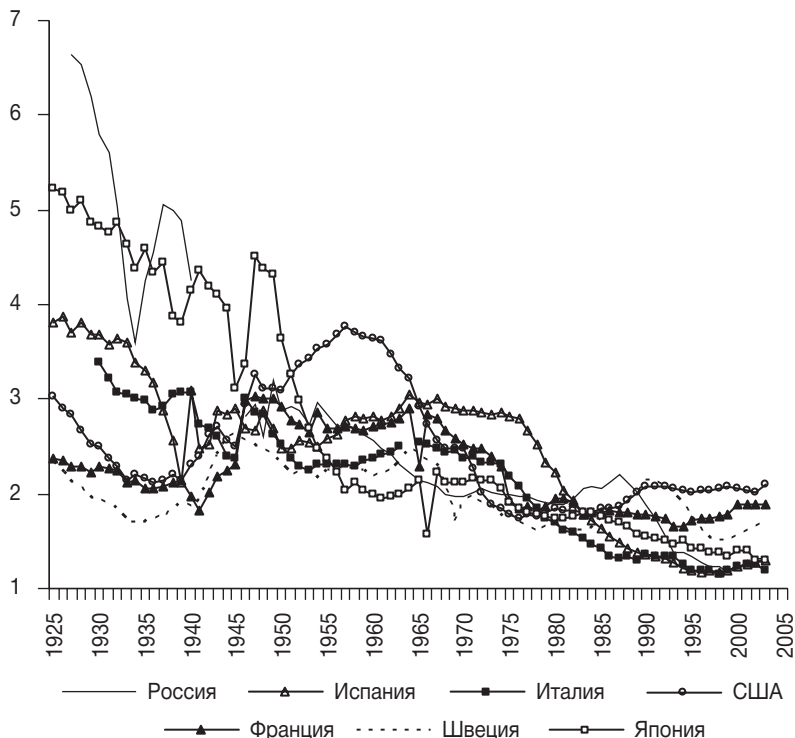

Рис. 2.9. Коэффициент суммарной рождаемости в некоторых развитых странах после 1925 г.

Динамика рождаемости в России давно уже близка к ее динамике в большинстве индустриально развитых стран. Россия перестала выделяться на их фоне уже после Второй мировой войны (рис. 2.9).

В 1960-е гг. Россия не только догнала индустриальные страны по уровню рождаемости, но и оказалась в авангарде движения к ее снижению. К концу этого десятилетия Россия выделялась на общем фоне крайне низкой по тем временам рождаемостью: в 1968 г. среди 40 промышленных стран только Чехия (тогда часть Чехословакии), Латвия и Украина (тогда республики СССР) и Хорватия (одна из республик Югославии) имели рождаемость еще более низкую. К этому списку надо еще добавить Венгрию, в которой в 1962—1965 гг. коэффициент суммарной рождаемости был самый низкий в мире (1,8).

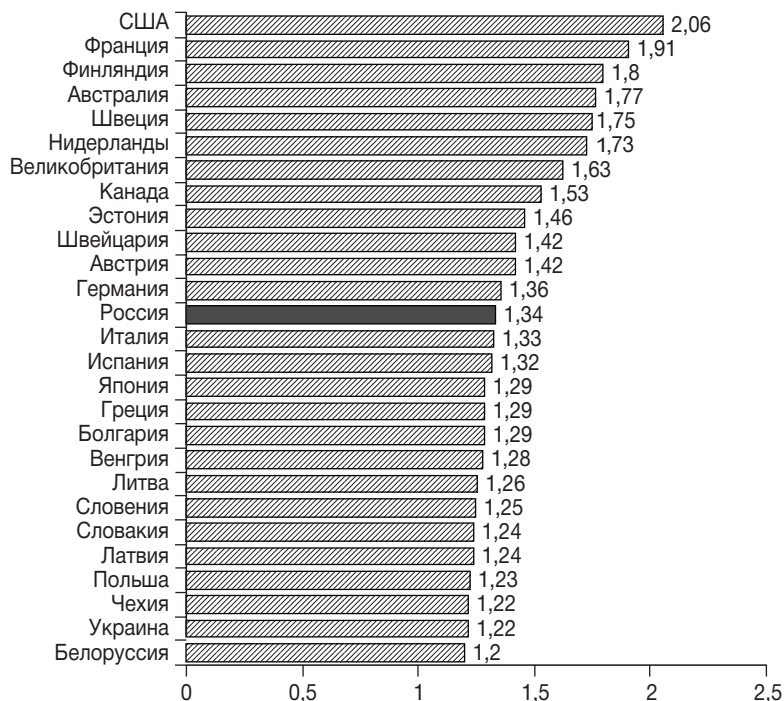

Рис. 2.10. Коэффициент суммарной рождаемости в некоторых странах в 2004 г.

Впоследствии положение несколько изменилось. Снижение рождаемости в России замедлилось, а во многих индустриальных странах продолжалось довольно высокими темпами, показатели рождаемости в них упали очень низко и при этом сблизились. В 1950—1960-е гг. еще были индустриальные или быстро индустриализировавшиеся страны, в которых уровень рождаемости намного превышал российский, но в 1980-е гг. таких стран практически не осталось.

В результате, хотя к 1980 г. коэффициент суммарной рождаемости в России упал до 1,86 (самый низкий уровень за весь период до 1991 г.), в это время было 13 стран (из списка нынешних независимых государств), в которых рождаемость была ниже, чем в России: Дания (1,55), Швейцария (1,55), Германия (1,56: ГДР — 1,94 и ФРГ — 1,45), Нидерланды (1,60), Финляндия (1,63), Италия (1,64), Австрия (1,65), Канада (1,67), Швеция (1,68), Бельгия (1,68), Норвегия (1,72), Япония (1,75), США (1,84).

Затем последовал период кратковременного роста рождаемости в России, обусловленного мерами демографической политики 80-х гг., а возможно и антиалкогольной кампанией, а также социальными ожиданиями первых лет перестройки. Этот рост достиг пика в 1987 г., когда коэффициент суммарной рождаемости повысился до 2,23 и Россия оказалась в ряду развитых стран с самой высокой рождаемостью: среди 40 таких стран более высокий показатель в 1987 г. был зафиксирован только в Эстонии, Македонии, Ирландии, Румынии и Молдавии.

В целом весь период с конца 1960-х до конца 1980-х гг. с точки зрения динамики коэффициента рождаемости условного поколения был в России более благоприятным, чем в большинстве стран Европы, США или Японии. Но высокие уровни рождаемости середины 1980-х гг. продержались в России очень недолго, и уже с конца 1980-х гг. произошло их резкое падение, которое снова привело Россию в группу стран с самой низкой рождаемостью, число которых к этому времени резко выросло (рис. 2.10).

2.6. Вклад вторых и третьих рождений повысился

Коэффициент суммарной рождаемости относится к условным поколениям и не всегда позволяет судить о том, происходит повышение или снижение рождаемости, в особенности когда речь идет о краткосрочных колебаниях.

Для более глубокого понимания наблюдаемых изменений необходимо знать, за счет каких детей по порядку рождения их у матери происходят текущие изменения рождаемости. Низкий уровень рождаемости в России связан с массовым распространением однодетной семьи и соответственно с очень высокой долей первенцев в общем числе родившихся. По этому показателю Россия уже в 1970-е гг. превосходила все европейские страны, а сейчас соревнуется за «первенство» с Украиной, Белоруссией и Болгарией. В США первенцы составляют 40% всех родившихся, в Швеции — 45%, в России их доля приближается к 60% (рис. 2.11).

Если доля первых рождений в России — одна из самых высоких в мире, то доли вторых и третьих рождений, напротив, давно уже одни из самых низких. В 2003 г. в России вторые рождения составляли 31% от всех рождений. Более низкой, чем в России, их доля была только на Украине, в Белоруссии, Польше, Румынии и во Франции. На противоположном полюсе находились такие страны, как Германия, Греция, Чешская Республика и Швейцария — свыше 37%.

Положение с третьими рождениями в России — такое же, как и со вторыми: самый низкий в мире показатель в 1970-е гг. и один из самых низких

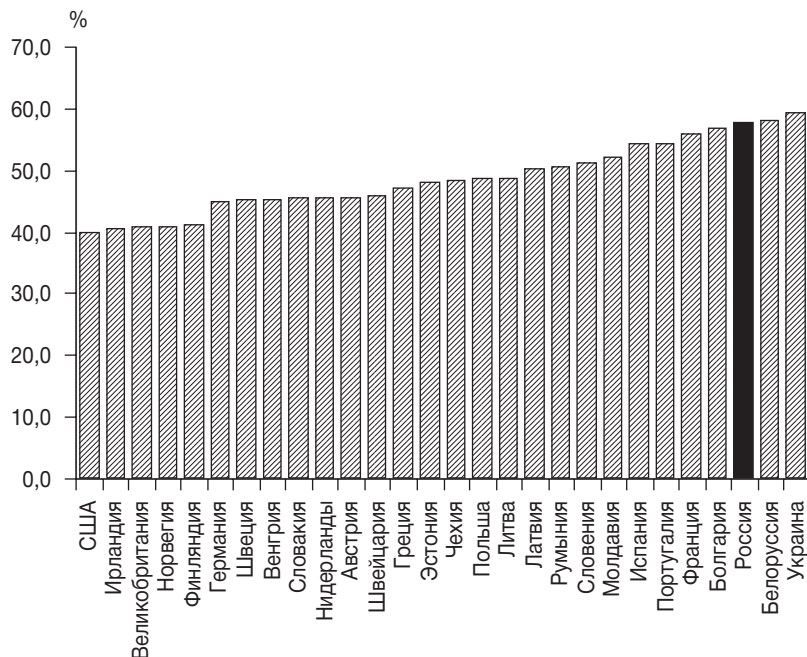

Рис. 2.11. Доля первенцев в общем числе родившихся в 2002 г. в некоторых странах

в начале XXI в. В 2003 г. доля третьих рождений в России — менее 8%, более низкие показатели были только на Украине, в Белоруссии и Болгарии.

При таком соотношении рождений разной очередности нельзя рассчитывать на повышение уровня рождаемости, а само это соотношение служит важным индикатором происходящих с рождаемостью изменений. Когда во второй половине 1980-х гг. произошло кратковременное повышение рождаемости в России, это выразилось именно в снижении доли первенцев и повышении доли вторых и — в меньшей степени — третьих рождений (см. рис. 2.10).

К сожалению, после 1998 г. российские исследователи лишены возможности полноценно использовать этот индикатор. Сейчас центральные статистические органы не ведут всеохватывающей разработки данных по очередности рождения ввиду того, что ныне действующий Закон об актах гражданского состояния (фактически вступил в действие в 1999 г.), в отличие от предыдущей практики, не предусматривает записи о порядковом номере рождения у матери в исходном для статистики документе — акте о рождении. Тем не ме-

нее многие местные статистические органы продолжают (фактически в нарушение действующего законодательства) на добровольной основе собирать соответствующую информацию⁶. Охват российских территорий такой инициативой сохраняется достаточно большим (эти территории расположены во всех географических зонах и дают более 60% всех рождений в стране), что позволяет распространить неполные данные на всю Россию.

В табл. 2.17, 2.18 представлены конечные результаты таких расчетов. Обращает на себя внимание повышение, правда очень небольшое, в последние шесть лет вклада в общую динамику рождаемости вторых и третьих рождений при медленном снижении вклада первенцев. Однако одновременно снижался и вклад четвертых и следующих рождений.

Вклад многорожавших женщин давно уже незначителен: на долю четвертых и последующих детей в России приходится менее 4% родившихся, ниже эта доля только в Белоруссии, Испании и Словении. Да и в целом рождения столь высоких очередностей не играют большой роли в формировании общего уровня рождаемости в развитых странах. Но все же в некоторых из них четвертые и последующие рождения составляют 10—11% от всех рождений (США, Ирландия, Финляндия, Словакия). Если же объединить в одну группу третьи и последующие рождения, то оказывается, что их вклад может быть и не столь уж малым, превышая одну пятую и даже четверть всех рождений. Но в России вклад этой объединенной группы невелик, он составляет 11%, т.е. примерно столько, сколько в США дают только четвертые и последующие рождения.

Снижение доли первых и одновременно четвертых и последующих рождений взаимно компенсировали друг друга, так что средняя очередность рождения (COP) не изменилась, с конца 1990-х гг. она остается на постоянном уровне — 1,6.

В 2005 г. первые рождения обеспечили 57,8% от общей величины итоговой рождаемости, вторые рождения — 31,5%, третьи — 7,8% (см. табл. 2.18).

В 1970-х и 1980-х гг. средняя очередность рождений колебалась в пределах 1,7—1,8, в связи с чем можно предположить, что действительное снижение итоговой рождаемости для реальных поколений за 1990-е гг. составило около 0,2 ребенка в расчете на одну женщину (1,8 минус 1,6), а не 0,7 ребенка, как это показывает оценка, сделанная на основе коэффициента сум-

⁶ В 2005 г. распределения родившихся одновременно по возрасту матери и очередности рождения имеются для всех территорий РФ, кроме перечисленных: г. Москвы, Владимирской, Курской, Липецкой, Рязанской, Тамбовской, Тверской, Ростовской, Пермской, Оренбургской, Курганской, Тюменской, Читинской, Камчатской областей, Краснодарского, Алтайского, Хабаровского краев, республик Кабардино-Балкарской, Северо-Осетинской, Тувы, Якутии (всего 21 регион).

марной рождаемости для условных поколений (1,2 в 1997—2001 гг. против 1,9 в 1990 г., см. табл. 2.17).

Для реальных поколений женщин по году рождения между средней очередностью рождений и итоговым показателем рождаемости расхождений не может быть, это по сути один и тот же показатель — среднее число рожденных детей в расчете на одну женщину к концу детородного периода. Для условных поколений в случае плавных изменений возрастной модели рождаемости расхождения между показателями также минимальны, как это, например, имело место в 1970-х гг.

Однако в случае резких изменений календаря рождений, которому следует среднестатистическая женщина, или, иначе, резких изменений средних темпов формирования окончательного размера потомства в реальных поколениях, расхождения между этими характеристиками уровня рождаемости для условных поколений становятся неизбежными, причем они тем больше, чем значительнее меняются средние темпы формирования семьи. В случае ускорения темпов — дети рождаются у родителей в более молодом возрасте, чем прежде, — коэффициент суммарной рождаемости дает завышенную оценку действительного уровня рождаемости и соответственно превышает СОР. Пример тому ситуация середины 1980-х гг., когда введенные в действие в 1981 г. меры семейной политики вызвали дезорганизацию прежнего календаря рождений среднестатистической женщины — значительное число женщин 1960-х гг. рождения поспешило обзавестись потомством, в первую очередь вторым ребенком, на несколько лет раньше. Коэффициент суммарной рождаемости (КСР) подскочил с 1,89 в 1980 г. до 2,23 в 1987 г., или более чем на 0,3 ребенка в расчете на одну женщину. В действительности демографический эффект от этих мер политики был куда менее значимый, поскольку семьи не столько поменяли свои намерения в отношении окончательного размера своего потомства, сколько пересмотрели «расписание» их появления на свет, на что и указывает слабая реакция показателя СОР (1,74 в 1980 г. и 1,83 в 1987г., разница всего в 0,09 ребенка, очень близкая по величине к оценке положительного влияния политики на величину итоговой рождаемости реальных поколений).

В 1990-х гг. наблюдалась обратная картина — показатель СОР заметно превышал КСР. Следовательно, имеет место существенное замедление темпов формирования семьи — поколения женщин, родившиеся в 1970-х и 1980-х гг., обзаводятся детьми в более позднем возрасте, чем предшествующие поколения. Соответственно КСР, рассчитанный для календарных лет (для условных поколений), дает заниженную оценку итоговой рождаемости, которую следует ожидать от поколений, находящихся в активных прокреативных возрастах и переживающих сегодня процесс трансформации возрастной модели рождаемости в сторону постарения.

В 2005 г. снижение итоговой рождаемости условных поколений произошло за счет снижения интенсивности рождения детей всех порядков рождения, однако для повторных рождений оно было минимальным (см. табл. 2.17). Решающий вклад в уменьшение итогового показателя за год внесло снижение КСР для первых рождений. Несмотря на то что в 2005 г. повышение КСР было прервано, показатель СОР, менее подверженный конъюнктурным колебаниям календаря рождений и соответственно более точно отражающий изменения рождаемости в реальных поколениях, по-прежнему свидетельствует о возможности повышения КСР до уровня 1,6 (см. табл. 2.18), если будет сохраняться наблюдаемое соотношение частоты первых и повторных рождений, а также останется на том же низком уровне доля ни разу не рожавших женщин.

Таблица 2.17. Итоговая (суммарная) рождаемость для каждой очередности рождения*, на одну женщину, Россия, 1980—2005 гг.

Год	Дети по очередности рождения					Итоговая рождаемость (дети всех очередностей)
	Первые	Вторые	Третьи	Четвертые	Пятые и следующие	
1980	0,967	0,643	0,147	0,048	0,061	1,866
1981	0,946	0,675	0,155	0,049	0,059	1,885
1982	0,944	0,726	0,177	0,053	0,058	1,959
1983	0,956	0,814	0,204	0,058	0,058	2,090
1984	0,967	0,768	0,206	0,057	0,055	2,052
1985	0,964	0,758	0,214	0,060	0,055	2,051
1986	0,978	0,826	0,247	0,066	0,059	2,177
1987	1,002	0,843	0,257	0,068	0,058	2,228
1988	1,009	0,779	0,233	0,064	0,055	2,140
1989	1,005	0,702	0,202	0,057	0,050	2,016
1990	0,995	0,624	0,178	0,052	0,045	1,893
1991	0,952	0,540	0,154	0,046	0,040	1,732
1992	0,890	0,458	0,126	0,040	0,033	1,547
1993	0,819	0,395	0,101	0,030	0,024	1,369
1994	0,841	0,400	0,100	0,030	0,023	1,394
1995	0,802	0,387	0,098	0,029	0,021	1,337
1996	0,755	0,372	0,094	0,028	0,021	1,270
1997	0,709	0,366	0,094	0,028	0,021	1,218

Окончание табл. 2.17

Год	Дети по очередности рождения					Итоговая рождаемость (дети всех очередностей)
	Первые	Вторые	Третьи	Четвертые	Пятые и следующие	
1998	0,718	0,371	0,094	0,028	0,020	1,232
1999**	0,677	0,345	0,089	0,027	0,019	1,157
2000**	0,702	0,358	0,092	0,026	0,018	1,195
2001**	0,720	0,368	0,090	0,027	0,018	1,223
2002**	0,742	0,394	0,099	0,028	0,019	1,281
2003**	0,758	0,411	0,103	0,028	0,018	1,319
2004**	0,769	0,420	0,105	0,029	0,018	1,340
2005**	0,737	0,405	0,100	0,028	0,017	1,287

* Среднее число детей каждой очередности, которое предстоит родить одной женщине к возрасту 50 лет при условии неизменности текущей возрастной интенсивности деторождения и структуры рождений по очередности. Сумма показателей для всех очередностей дает традиционный показатель итоговой (суммарной) рождаемости условного поколения (тот же, что в табл. 2.16).

**Оценки, базирующиеся на использовании неполных данных, — только для тех территорий, которые сохранили разработку данных о рождениях одновременно по возрасту и очередности рождения. В 2005 г. распределенные рождения по возрасту и очередности составили 68,8% всех рождений в России. На основе неполных данных были получены оценочные распределения всех зарегистрированных родившихся в России по возрасту матери и очередности рождения, которые и использовались в этой в таблице.

Источник: Расчеты С.В. Захарова с использованием коэффициентов рождаемости для однолетних возрастных групп. При расчете показателей были исключены: в 1993—1994 гг. — Чечня и Ингушетия, в 1995—2003 гг. — Чечня.

Таблица 2.18. Вклад каждой очередности рождения в итоговую (суммарную) рождаемость, % и средняя очередность рождения, Россия, 1980—2005 гг.

Год	Дети по очередности рождения					Итого	Средняя очередность рождения**
	Первые	Вторые	Третьи	Четвертые	Пятые и следующие		
1980	51,8	34,5	7,9	2,5	3,3	100,0	1,74
1981	50,2	35,9	8,2	2,6	3,1	100,0	1,76

Окончание табл. 2.18

Год	Дети по очередности рождения					Итого	Средняя очередность рождения**
	Первые	Вторые	Третьи	Четвертые	Пятые и следующие		
1982	48,2	37,1	9,0	2,7	3,0	100,0	1,78
1983	45,7	38,9	9,8	2,8	2,8	100,0	1,81
1984	47,1	37,4	10,0	2,8	2,7	100,0	1,79
1985	47,0	36,9	10,5	2,9	2,7	100,0	1,80
1986	44,9	37,9	11,4	3,1	2,7	100,0	1,83
1987	45,0	37,8	11,5	3,1	2,6	100,0	1,83
1988	47,2	36,3	10,9	3,0	2,6	100,0	1,80
1989	49,8	34,8	10,1	2,8	2,5	100,0	1,76
1990	52,5	33,0	9,4	2,7	2,4	100,0	1,72
1991	55,0	31,2	8,9	2,7	2,3	100,1	1,68
1992	57,5	29,6	8,2	2,6	2,1	100,0	1,64
1993	59,8	28,8	7,3	2,3	1,8	100,0	1,59
1994	60,3	28,7	7,2	2,1	1,7	100,0	1,58
1995	60,0	28,9	7,3	2,2	1,6	100,0	1,58
1996	59,4	29,3	7,5	2,2	1,6	100,0	1,59
1997	58,3	30,0	7,7	2,3	1,7	100,0	1,61
1998	58,2	30,1	7,7	2,3	1,7	100,0	1,61
1999*	58,5	29,8	7,7	2,3	1,7	100,0	1,60
2000*	58,7	29,9	7,7	2,2	1,5	100,0	1,59
2001*	58,9	30,1	7,4	2,2	1,4	100,0	1,59
2002*	57,9	30,8	7,7	2,2	1,4	100,0	1,60
2003*	57,5	31,2	7,8	2,1	1,4	100,0	1,60
2004*	57,4	31,3	7,8	2,1	1,4	100,0	1,60
2005*	57,3	31,5	7,8	2,1	1,3	100,0	1,60

* См. примечание к табл. 2.17.

** Показатель рассчитан как средняя арифметическая взвешенная, где в качестве весов взята суммарная рождаемость для каждой очередности.

Источник: См. табл. 2.17.

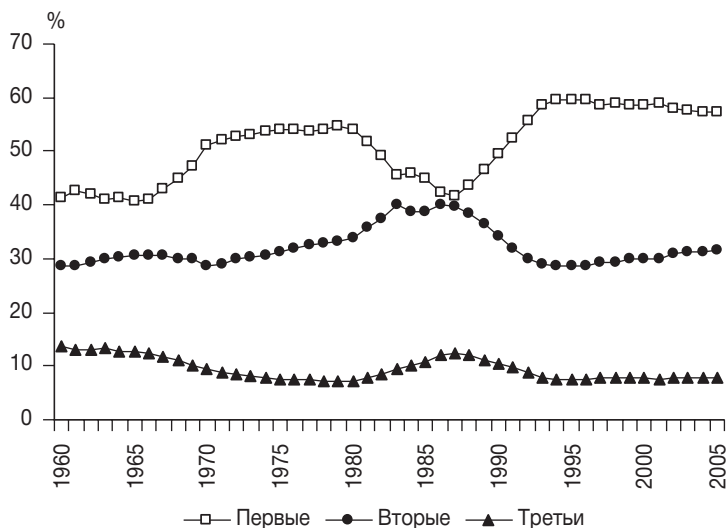

Рис. 2.12. Доля рождений первой, второй и третьей очередности в общем числе рождений в России, 1960—2005 гг.

2.7. Материнство продолжает стареть

Изменения в уровне рождаемости, происходящие в России в последнее десятилетие, идут рука об руку со значительной трансформацией возрастной модели массового репродуктивного поведения. Как уже говорилось выше, молодые люди сегодня вступают в брак позже, чем два десятилетия назад. Позже они начинают и процесс деторождения.

Эти сдвиги идут в русле общих тенденций, характерных для большинства развитых стран. Перестройка возрастной кривой рождаемости происходила повсеместно на протяжении всего послевоенного периода, причем бросается в глаза сходство изменений, наблюдавшихся в самых разных странах. До 1970-х гг. рождаемость повсеместно сдвигалась к молодым возрастам, затем началось движение в противоположную сторону (рис. 2.13).

Это общее стихийное движение указывает на то, что на изменения в условиях жизни, получения образования, труда, быта, здоровья и т.п. люди в разных странах откликаются поисками того участка их жизненного пути, который в новых условиях наиболее удобен для рождения и воспитания детей. Вначале отказ от рождения детей более высоких очередностей естественным образом вел к омоложению рождаемости, но затем, когда малодет-

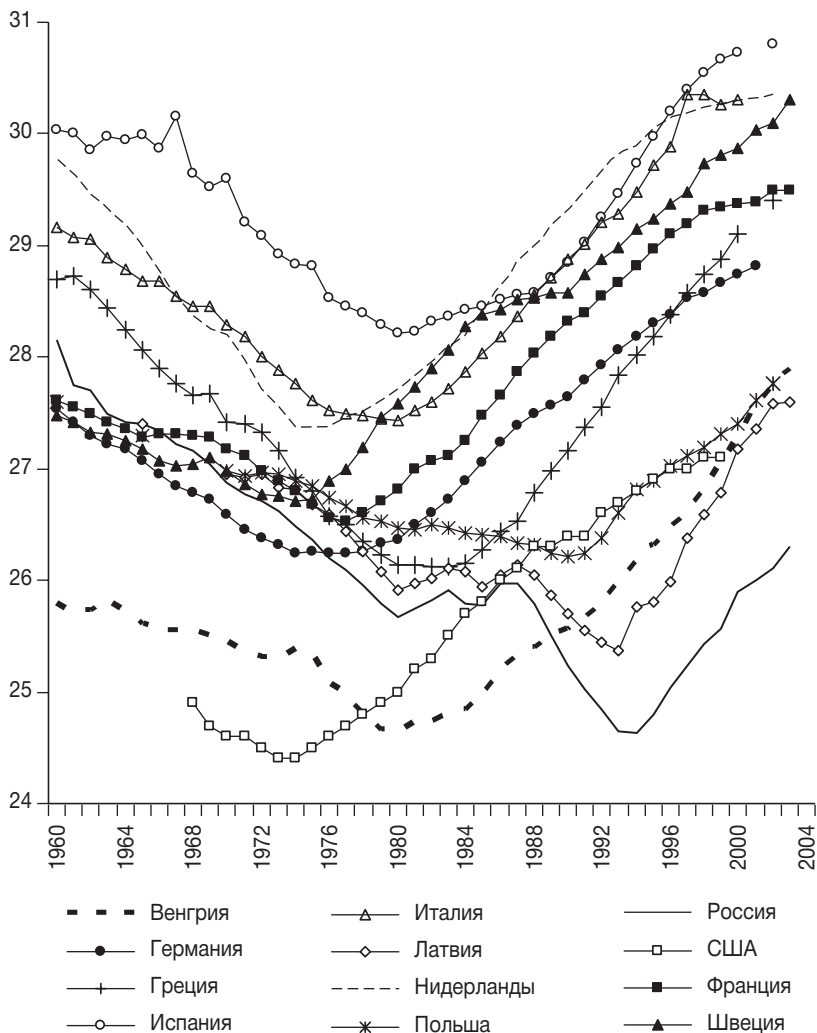

Рис. 2.13. Средний возраст матери при рождении ребенка в некоторых странах, 1960—2004 гг.

ность получила всеобщее распространение, родители, по-видимому, стали осознавать, что для того, чтобы родить и вырастить одного, двоих или троих детей, уже нет необходимости начинать рожать детей в молодом возрасте, как это было принято прежде.

На первом этапе, когда рождаемость омолаживалась, Россия шла вместе со всеми странами. В начале 1980-х гг. наметился такой же, как и в других странах, поворот в противоположную сторону. Но, по-видимому, он был прерван мерами проводившейся тогда демографической политики, которая способствовала более раннему рождению детей, и возобновился только после 1994 г. К этому времени более низкий средний возраст матери был лишь на Украине и в Болгарии.

Сейчас средний возраст матери при рождении ребенка в России уже выше, чем был в 1986—1987 гг., накануне последовавшего затем его снижения. Но Россия все еще принадлежит к числу стран с наиболее «молодой» рождаемостью, уступая только Украине, Белоруссии, Молдавии, Болгарии и Румынии.

До 2000 г. изменение возрастного профиля рождаемости в России происходило на фоне снижения общего уровня рождаемости: снижение коэффициентов рождаемости у молодых женщин до 25 лет существенно опережало сокращение интенсивности деторождения у женщин старше 25 лет (табл. 2.19). Затем рождаемость в возрастных группах молодых матерей стабилизировалась, а рождаемость в возрастных группах старше 25 лет начала увеличиваться. Сегодня рождаемость 30-летних женщин вплотную приблизилась к уровню, который наблюдался 25 лет назад (рис. 2.14). Общее увеличение рождаемости в стране начиная с 2000 г. произошло именно благодаря увеличению рождаемости в средних и старших материнских возрастах. В результате разнонаправленного изменения вклада различных возрастных групп матерей в суммарную рождаемость возрастная модель российской рождаемости за 10 лет сильно изменилась.

Таблица 2.19. Возрастные коэффициенты рождаемости, Россия, 1980, 1990—2005 гг., на 1000 женщин соответствующего возраста

Годы	Возрастные группы						
	15—19*	20—24	25—29	30—34	35—39	40—44	45—49**
1980	43,8	157,8	100,8	52,1	17,4	4,9	0,4
1990	55,0	156,5	93,1	48,2	19,4	4,2	0,2
1991	54,2	145,9	82,7	41,5	16,5	3,7	0,2
1992	50,7	132,9	72,3	34,9	13,9	3,2	0,2
1993	47,3	119,1	63,7	28,8	11,0	2,5	0,2
1994	49,1	119,4	66,8	29,4	10,6	2,3	0,1
1995	44,8	112,7	66,5	29,5	10,6	2,2	0,1

Окончание табл. 2.19

Годы	Возрастные группы						
	15—19*	20—24	25—29	30—34	35—39	40—44	45—49**
1996	38,9	105,5	65,5	30,1	10,8	2,3	0,1
1997	35,8	98,0	64,8	31,2	10,8	2,2	0,1
1998	33,5	98,1	66,6	33,1	11,5	2,3	0,1
1999	28,9	91,8	63,7	32,2	11,1	2,2	0,1
2000	27,4	93,6	67,3	35,2	11,8	2,4	0,1
2001	27,3	93,1	70,2	38,0	12,9	2,4	0,1
2002	27,4	95,8	75,1	41,8	14,7	2,6	0,1
2003	27,6	95,1	78,3	44,1	16,0	2,7	0,1
2004	28,2	93,4	80,2	45,9	17,6	2,9	0,1
2005	27,5	86,8	77,9	45,5	17,8	3,0	0,2
2005/1999	0,95	0,95	1,22	1,41	1,60	1,35	1,35
2005/2004	0,97	0,93	0,97	0,99	1,01	1,02	1,17

* Включая родившихся у матерей моложе 15 лет.

** Включая родившихся у матерей старше 49 лет.

Таблица 2.20. Вклад возрастных групп матерей в итоговую (суммарную) рождаемость, Россия, 1980, 1990—2005 гг., %

Год	Возраст матери, лет					
	До 20	20—24	25—29	30—34	35 и старше	Итого
1980	11,6	41,9	26,7	13,8	6,0	100,0
1990	14,6	41,6	24,7	12,8	6,3	100,0
1991	15,7	42,3	24,1	12,0	5,9	100,0
1992	16,4	43,1	23,6	11,3	5,6	100,0
1993	17,4	43,7	23,4	10,6	4,9	100,0
1994	17,7	43,0	24,0	10,6	4,7	100,0
1995	16,8	42,3	24,9	11,1	4,9	100,0
1996	15,4	41,7	25,8	11,9	5,2	100,0
1997	14,7	40,4	26,7	12,8	5,4	100,0

Окончание табл. 2.20

Год	Возраст матери, лет					
	До 20	20—24	25—29	30—34	35 и старше	Итого
1998	13,7	40,0	27,2	13,5	5,6	100,0
1999	12,5	39,9	27,7	14,0	5,9	100,0
2000	11,5	39,3	28,3	14,8	6,1	100,0
2001	11,2	38,2	28,7	15,6	6,3	100,0
2002	10,7	37,2	29,2	16,2	6,7	100,0
2003	10,5	36,0	29,7	16,7	7,1	100,0
2004	10,5	34,8	29,9	17,1	7,7	100,0
2005	10,6	33,6	30,1	17,6	8,1	100,0

В конце 1970-х — начале 1980-х гг. относительный вклад матерей в возрасте до 25 лет в итоговую (суммарную) рождаемость колебался на уровне 52—54%. К середине 1990-х гг., когда «омоложение» рождаемости достигло своего апогея, вклад матерей до 20 лет в итоговую (суммарную) рождаемость приблизился к 18%, а всего матери до 25 лет обеспечивали 61% общей величины рождаемости в стране. В последующие 10 лет картина стала быстро меняться: к 2005 г. вклад самых молодых матерей (до 20 лет) уменьшился до 10,5%, а всех матерей не старше 25 лет — до 44,2% (табл. 2.20).

В итоге теперь уже не самые молодые женщины, как это было и 10, и 25 лет назад, а более зрелые в социальном отношении женщины — старше 25 лет — обеспечивают более чем наполовину имеющийся уровень рождаемости.

В обобщенном виде тенденция изменения возрастной модели рождаемости в России хорошо прослеживается в динамике среднего возраста матери, в том числе при рождении детей каждой очередности (табл. 2.21). Средний возраст материнства в 2005 г., по нашей оценке, составил 26,6 года, в том числе при рождении первого ребенка — 24,1, второго — 28,9, третьего ребенка — 31,6 года. Эти показатели не только выше, по сравнению с минимальными, зафиксированными в середине 1990-х гг. (в среднем на 1,5 года), но и превышают значения, наблюдавшиеся на рубеже 1970-х и 1980-х гг. Более всего увеличился возраст матерей при рождении второго и третьего ребенка — по сравнению с минимальными значениями соответственно на 2,3 и 1,9 года. Повышение возраста появления на свет первенца за тот же период составило 1,6 года. Повышение возраста матери наблюдается и при рождении четвертого и следующих по порядку детей.

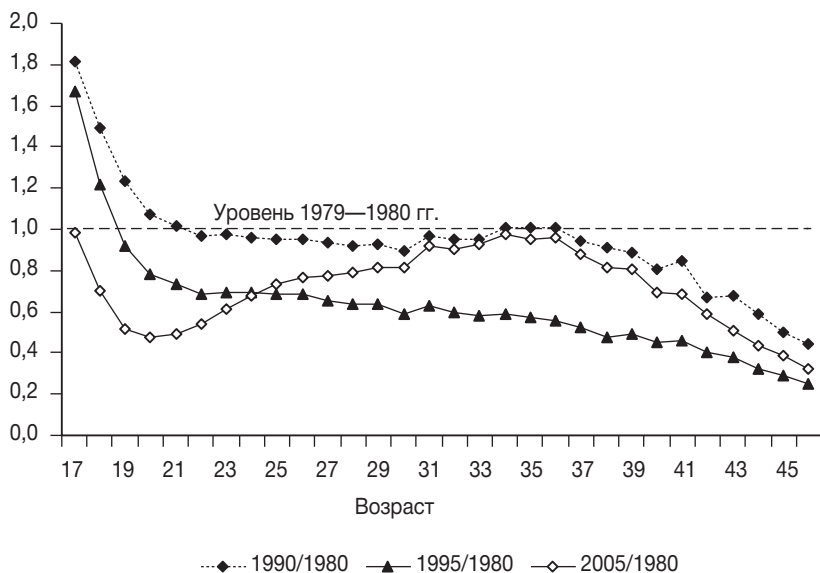

Рис. 2.14. Отношение возрастных коэффициентов рождаемости в 1990, 1995 и 2005 гг. к коэффициентам рождаемости в 1979—1980 гг.

Таблица 2.21. Средний возраст матери при рождении детей каждой очередности, Россия, 1980, 1990—2005 гг.

Год	Все рождения	В том числе по очередности				
		Первые	Вторые	Третьи	Четвертые	Пятые и следующие
1980	25,67	22,99	27,33	30,07	31,81	35,49
1990	25,24	22,65	26,86	29,95	31,64	34,38
1991	25,04	22,60	26,72	29,82	31,53	34,35
1992	24,86	22,60	26,64	29,75	31,52	34,48
1993	24,66	22,56	26,62	29,68	31,49	34,34
1994	24,63	22,53	26,74	29,70	31,52	34,22
1995	24,79	22,67	26,91	29,85	31,55	34,29
1996	25,04	22,88	27,10	30,11	31,78	34,35
1997	25,23	22,97	27,29	30,27	31,91	34,32
1998	25,41	23,12	27,53	30,47	32,13	34,44

Окончание табл. 2.21

Год	Все рождения	В том числе по очередности				
		Первые	Вторые	Третьи	Четвертые	Пятые и следующие
1999*	25,57	23,29	27,70	30,68	32,30	34,53
2000*	25,76	23,54	27,88	30,88	32,48	34,57
2001*	25,93	23,66	28,21	31,13	32,60	34,53
2002*	26,12	23,75	28,41	31,26	32,75	34,74
2003*	26,27	23,85	28,61	31,41	32,77	34,78
2004*	26,41	23,97	28,79	31,52	32,99	34,85
2005*	26,56	24,12	28,94	31,62	33,01	34,96

*Оценки базируются на использовании неполных данных (см. примечание к табл. 2.17).

Источник: Расчеты С.В. Захарова с использованием коэффициентов рождаемости для однолетних возрастных групп.

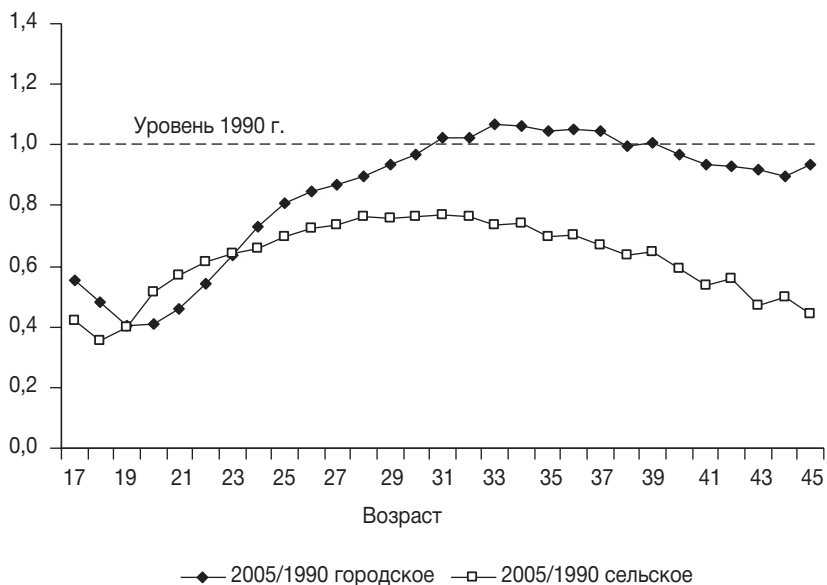

Рис. 2.15. Отношение возрастных коэффициентов рождаемости в городской и сельской местности в 2005 г. к коэффициентам рождаемости в 1990 г.

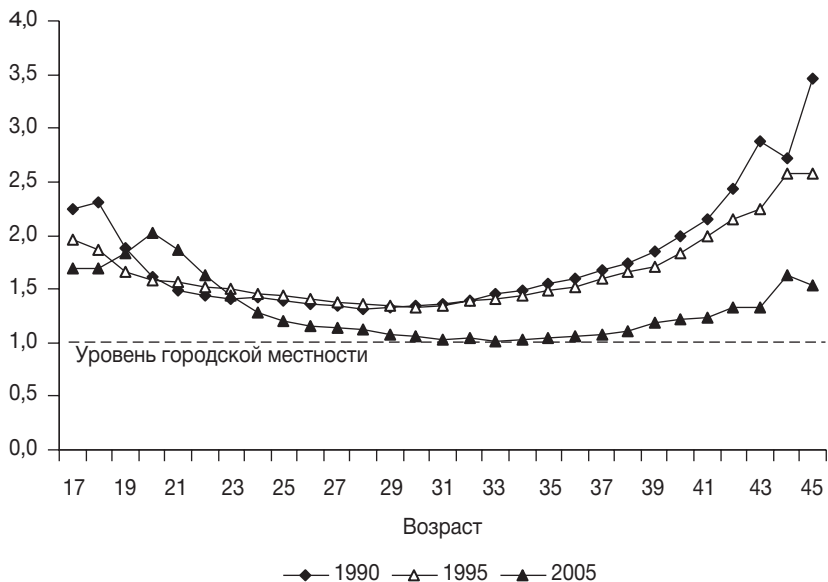

Рис. 2.16. Отношение возрастных коэффициентов рождаемости в сельской местности к коэффициентам рождаемости в городской местности в 1990, 1995 и 2005 гг.

Трансформация возрастного профиля рождаемости происходит и у городского, и у сельского населения, но в городах значительно интенсивнее, чем на селе. Рождаемость у городских 30-летних женщин повысилась настолько существенно, что сегодня уже превышает уровень начала 1990-х гг. и практически достигла уровня начала 1980-х. В сельской местности изменения не столь заметны (рис. 2.15). Различные темпы изменения возрастных коэффициентов рождаемости в городских и сельских типах поселений привели к тому, что к 2005 г. рождаемость городских женщин в средних и старших возрастах практически не отличается от рождаемости сельских женщин в тех же возрастах. Показатель итоговой рождаемости сельского населения продолжает оставаться выше городского лишь за счет более высоких коэффициентов рождаемости в возрастах до 25 лет (рис. 2.16).

2.8. Рождаемость реальных поколений может стабилизироваться на уровне 160 детей на 100 женщин

Выше было показано, что конъюнктурные оценки итоговой (суммарной) рождаемости для условных поколений в России повышались в течение пяти лет — с 2000 по 2004 г., а в 2005 г., хотя и было отмечено общее снижение, оно затронуло не все возрастные группы. Интересно посмотреть, как наблюдающиеся подвижки сказываются на оценках уровня рождаемости для реальных женских поколений (по году рождения женщин). Это тем более важно, что достоверно судить о долговременной эволюции рождаемости и строить долгосрочные демографические прогнозы можно, только опираясь на оценки рождаемости для реальных поколений.

К настоящему моменту мы располагаем полными знаниями о числе фактически рожденных детей для поколений, родившихся в 1950-х гг. и ранее. Вполне надежны и оценки ожидаемой итоговой рождаемости для поколений, родившихся в 1960-х гг. Но для поколений, находящихся в активных возрастах деторождения, т.е. для женщин, родившихся в 1970 г. и позднее, речь может идти только о предварительных оценках.

Для когорт, не завершивших свою репродуктивную деятельность, наиболее распространенной методикой получения таких оценок, принятой на международном уровне, является суммирование фактически рожденного к моменту наблюдения числа детей для каждого поколения женщин и числа детей, которое можно ожидать, если в последующих возрастах средняя женщина из данного поколения будет иметь такую же рождаемость, какую продемонстрировали в год наблюдения женщины, достигшие этих возрастов. Понятно, что при таком подходе для поколения женщин, которым в год наблюдения исполнилось 15 лет, оценка итоговой рождаемости — более чем условная величина, полностью базирующаяся на «ожидаемой» компоненте и численно совпадающая с обычным коэффициентом суммарной рождаемости для условных поколений. По мере перехода к старшим поколениям значение «ожидаемой» компоненты уменьшается и в оценке итоговой рождаемости все большую роль играет уже реализованная, фактическая рождаемость.

Ввиду того что год от года возрастные коэффициенты рождаемости меняются, ежегодно может меняться и оценка как «фактической», так и «ожидаемой» компоненты итоговой рождаемости для одного и того же поколения, а следовательно, и их суммарного значения. В условиях современной России, когда происходит увеличение рождаемости у женщин старше 25 и даже старше 35 лет, до тех пор, пока наблюдается это увеличение, оценки

итоговой рождаемости могут ежегодно пересматриваться в сторону повышения не только для самых молодых поколений, но и для представительниц старших когорт.

Посмотрим, какие можно было бы сделать оценки итоговой рождаемости для послевоенных поколений (табл. 2.22), опираясь на ретроспективные данные, ограниченные 1999 г. (год минимального уровня текущей рождаемости), и сравним их с оценками, полученными для тех же поколений шесть лет спустя (последние имеющиеся данные — за 2005 г.). Очевидно, что итоговая рождаемость для женских когорт 1950-х гг. рождения (1,88 ребенка на одну женщину) практически не изменилась — эти поколения уже шесть лет назад были близки к выходу из детородного возраста, а к сегодняшнему дню уже из него вышли. Показатели для поколений, родившихся в первой половине 1960-х гг., изменились в сторону увеличения едва заметно — 1,76 против 1,75, а вот для когорт второй половины 1960-х гг. рост рождаемости последних лет уже не прошел бесследно — оценка величины их итоговой рождаемости твердо перешагнула отметку 1,6 ребенка (1,63 против 1,58). Еще более значимо следует пересмотреть ожидаемые показатели рождаемости для поколений, родившихся в 1970-е гг.: по сравнению с оценками, опиравшимися на данные, накопленные к 2000 г., более поздние оценки дают прирост 0,1—0,2 ребенка в расчете на одну женщину. Легко подсчитать, что если тенденция к увеличению рождаемости в возрастах старше 30 лет сохранится, то поколения женщин, родившиеся после 1970 г., будут иметь в итоге в среднем около 1,6 ребенка. Снижение итоговой рождаемости затормозится и, возможно, стабилизируется. Заметим, что данная оценка полностью соответствует текущей оценке средней очередности рождения для условных поколений, приводившейся выше. С такими характеристиками Россия будет не сильно отличаться от прогнозных значений рождаемости для условных и реальных поколений в среднем для Европы.

Если же возрастная интенсивность деторождения в возрастах старше 25 лет останется на уровне 2004—2005 гг. и, тем более, пойдет вниз, то тенденция к снижению рождаемости от поколения к поколению сохранится, и поколения первой половины 1980-х гг., перешагивающие сегодня порог своего 25-летия, к 2035 г. произведут на свет в среднем 1,3—1,4 ребенка.

Оценим, как отразились на показателях итоговой рождаемости для реальных поколений изменения возрастных коэффициентов рождаемости (снижение рождаемости у женщин до 35 лет и увеличение у женщин старше этого возраста) в 2005 г. по сравнению с 2004 г. Женщины 1965—1969 гг. рождения добавили к ожидаемому по итогам 2004 г. (т.е. без учета данных 2005 г.) показателю рождаемости 0,01 рождения в расчете на одну женщину

к возрасту 50 лет, соответствующий ожидаемый показатель для поколений 1970—1974 гг. едва заметно уменьшился и остался фактически тем же в пределах приводимой точности. Поколения 1975—1979 гг. потеряли 0,01 рождения, а самые молодые женщины — 1980—1984 гг. рождения — 0,04.

Таблица 2.22. Фактическая и перспективная рождаемость реальных поколений в России, женщины 1950—1984 гг. рождения

Годы рождения женщин	Итоговое число рождений		Оценка на основе данных 2005 г.			Разница между оценками 1999 и 2005 гг.
	Оценка на основе данных 1999 г.	Оценка на основе данных 2004 г.	Фактически рождено к 2006 г., детей на одну женщину	Ожидается рождений дополнительно к уже рожденным	Итоговое число рождений	
1950—1954	1,88	1,88	1,88	0,00	1,88	0,00
1955—1959	1,88	1,88	1,88	0,00	1,88	0,00
1960—1964	1,75	1,76	1,76	0,01	1,76	0,01
1965—1969	1,58	1,62	1,59	0,04	1,63	0,05
1970—1974	1,40	1,52	1,35	0,21	1,52	0,12
1975—1979	1,23	1,43	0,98	0,44	1,42	0,19
1980—1984	1,16	1,36	0,46	0,86	1,32	0,16

Источник: Население России 2003—2004. М.: Наука, 2006. С. 254. Расчеты С.В. Захарова, основанные на данных переписей населения 1979, 1989 гг. и возрастных коэффициентах рождаемости для однолетних возрастных групп.

2.9. Доля внебрачных рождений достигла 30%

В 2005 г. доля внебрачных рождений в общем числе рождений в очередной раз повысилась и достигла «психологического барьера» 30%. При этом Россия не представляет собой исключения на общем европейском фоне, а скорее находится в русле тенденций, общих для всех развитых стран.

Россия выделялась среди этих стран относительно высоким уровнем внебрачной рождаемости в послевоенный период, и тогда это объяснялось вынужденной послевоенной «безотцовщиной». В 1960 г. этот уровень был выше только в Эстонии.

Однако к концу 1960-х гг. в Европе дало о себе знать новое явление: массовое добровольное рождение детей вне зарегистрированного брака. Примерно до середины 1980-х гг. это явление не затрагивало Россию, однако затем доля детей, рожденных вне брака, стала быстро нарастать и здесь (рис. 2.17).

Как и в России, рождаемость вне зарегистрированного брака в развитых странах все шире захватывает различные возрастные группы и социальные слои. Сейчас, имея 30% внебрачных детей, Россия занимает по этому показателю среднее положение среди развитых стран (в 2001 г. — 17-е место среди 32 стран, по которым были данные). Есть такие страны, как Швеция и Эстония, где доля внебрачных детей превышает 55%, тогда как в Японии и Греции не достигает и 5%.

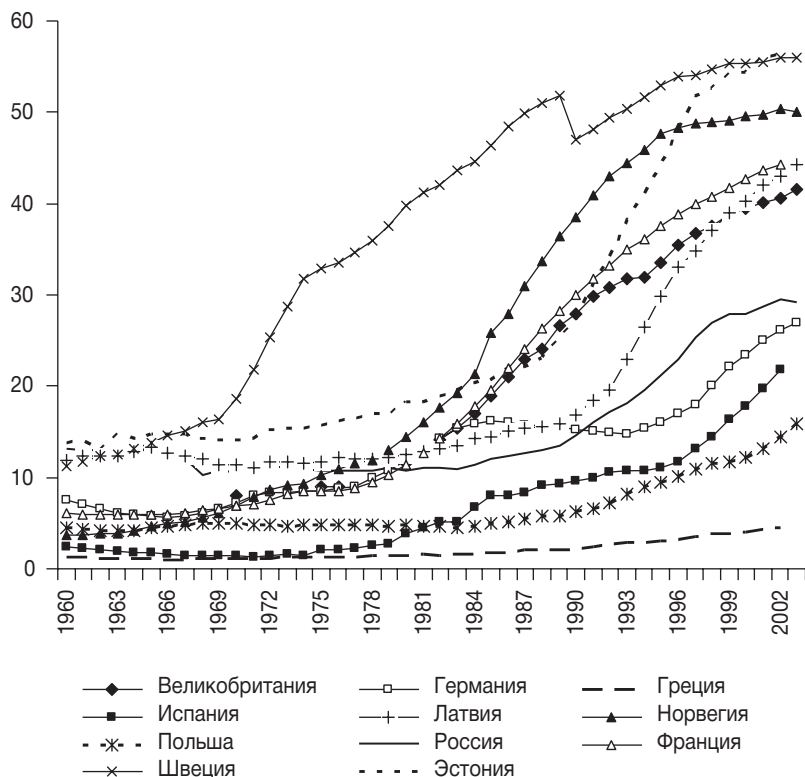

Рис. 2.17. Число детей, родившихся вне зарегистрированного брака, на 100 родившихся в некоторых промышленно развитых странах в 1960—2003 гг.

В 2000—2004 гг. в России происходило увеличение всех категорий родившихся: и тех, кого регистрировали на основании свидетельства о браке между родителями, и тех, кого регистрировали на основании совместного заявления родителей, не имеющих свидетельства о браке, и тех, кого регистрировали на основании заявления одной матери (табл. 2.23).

Ежегодное число рождений в браке за 2000—2004 гг. повысилось по сравнению с минимумом, достигнутым в 1999 г., на 20,6%, число рождений вне зарегистрированного брака — на 31,8%, сохраняя тренд изменений, существующий с 1994 г. В результате доля внебрачных рождений с середины 1990-х гг. выросла на 10 процентных пунктов. В 2005 г. число рождений в зарегистрированном браке сократилось чуть в большей степени, чем вне брака, и доля внебрачных рождений, еще больше повысившись, достигла 30%. У городского населения доля внебрачных рождений составила в том же году 28,4%, у сельского — 34,0%. Единственной категорией рождений, сохранившей тенденцию к росту в 2005 г., оказались рождения, зарегистрированные по заявлению одной матери, причем исключительно в сельской местности.

Однозначно интерпретировать абсолютный и относительный рост внебрачных рождений как рост рождаемости исключительно у одиноких матерей мешает одно важное обстоятельство: число рождений, зарегистрированных на основании заявления от обоих родителей, увеличилось за 1999—2004 гг. на 41% (см. табл. 2.23). Более того, темпы увеличения рождений, зарегистрированных на основании заявления одной матери, в последнее десятилетие, как правило, отставали от темпов роста рождений, зарегистрированных на основе совместного заявления родителей. Доля внебрачных новорожденных, признанных отцами своими (что на практике чаще всего происходит с полного согласия матери ребенка), достигла в 2003 г. почти половины от общего числа родившихся вне официального брака — 48,4%, правда потом несколько снизилась. В городском населении доля рождений, зарегистрированных на основании совместного заявления родителей, в общем числе внебрачных рождений увеличивалась непрерывно, по крайней мере с конца 1980-х гг. и вплоть до 2004 г. В 1980 г. эта доля составляла 36,6%, а в 2003 г. впервые превысила половину всех внебрачных рождений — 50,5%. Не есть ли это свидетельство достаточно прочных отношений, связывающих между собой родителей, по каким-либо причинам не регистрирующих эти отношения как брачные? Рост внебрачной рождаемости в России резко ускорился в 1990-е гг., в период болезненных социально-экономических преобразований. Если признавать вслед за многими комментаторами, что «внебрачная рождаемость» и «одинокое материнство» — синонимы, то трудно понять мотивацию одинокой женщины, заведомо обрекающей себя на психологические и материальные трудности в связи с рождением ребенка и, по-ви-

Таблица 2.23. Число родившихся в браке и вне брака, Россия, 1988—2005 гг., тыс.

Годы	Всего	В том числе родившиеся		Доля рождений вне зарегистрированного брака, %	Внебрачные рождения, зарегистрированные на основании		Доля зарегистрированных по совместному заявлению, %
		в зарегистрированном браке	вне зарегистрированного брака		совместного заявления матери и отца	заявления одной матери	
1988	2348,5	2044,1	304,4	13,0	127,1	177,3	41,8
1989	2160,6	1868,8	291,7	13,5	123,6	168,1	42,4
1990	1988,9	1698,3	290,6	14,6	124,2	166,4	42,8
1991	1794,6	1506,7	287,9	16,0	118,5	169,4	41,2
1992	1587,6	1315,4	272,3	17,1	112,7	159,6	41,4
1993	1379,0	1128,3	250,7	18,2	108,5	142,2	43,3
1994	1408,2	1132,4	275,8	19,6	119,3	156,4	43,3
1995	1363,8	1075,5	288,3	21,1	124,2	164,1	43,1
1996	1304,6	1004,8	299,9	23,0	130,1	169,8	43,4
1997	1259,9	940,8	319,2	25,3	136,8	182,3	42,9
1998	1283,3	937,4	345,9	27,0	149,7	196,2	43,3
1999	1214,7	875,4	339,3	27,9	152,0	187,3	44,8
2000	1266,8	912,5	354,3	28,0	167,3	187,0	47,2

Окончание табл. 2.23

Годы	Всего	В том числе родившиеся		Доля рождений вне зарегистрированного брака, %	Внебрачные рождения, зарегистрированные на основании			Доля зарегистрированных по совместному заявлению, %
		в зарегистрированном браке	вне зарегистрированного брака		совместного заявления матери и отца	заявления одной матери		
2001	1311,6	934,3	377,5	28,8	179,5	197,8	47,6	
2002	1397,0	985,5	411,5	29,5	195,4	216,1	47,5	
2003	1449,5	1018,9	430,7	29,7	208,4	222,3	48,4	
2004	1502,5	1055,4	447,1	29,8	214,7	232,4	48,0	
2005	1457,4	1020,3	437,1	30,0	200,4	236,6	45,9	
2004/1999	1,237	1,206	1,318	—	1,413	1,241	—	
2005/2004	0,970	0,967	0,978	—	0,933	1,018	—	

димому, сталкивающейся сегодня с гораздо большими трудностями, чем ее сверстницы 20 лет назад.

В 2005 г. произошел слом тенденции предшествующего десятилетия: число внебрачных рождений, зарегистрированных на основании совместного заявления родителей, снизилось очень существенно — на 6,7%, что в два раза превышает темпы сокращения числа брачных рождений за этот же год (3%). Можно высказать предположение, что по каким-то причинам все семьи посчитали этот год неблагоприятным для рождения детей, но те супруги, отношения между которыми базируются на неформальном союзе, на изменение условий отреагировали сильнее. Станет ли эта тенденция устойчивой, покажет будущее.

К сожалению, сейчас мало известно о взаимоотношениях между партнерами как в период, предшествующий беременности и родам, так и в момент появления на свет ребенка, определяемого системой регистрации как «внебрачного». Уже только фиксация факта совместного проживания родителей или наличия фактических брачных отношений в момент регистрации этого ребенка могла бы приоткрыть завесу сколь масштабных, столь и загадочных процессов. Однако регулярная демографическая статистика такого рода сведениями не располагает, а социологические исследования данного феномена редки и до недавнего времени не были репрезентативными для страны. В 2004 г. было проведено первое репрезентативное для России и сопоставимое на международном уровне обследование «Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе» (РиДМиЖ/RusGGS-2004), которое предоставило полезную информацию по данному вопросу.

В частности, подтвердились высказываемые ранее предположения, что среди детей, рожденных вне зарегистрированного брака, подавляющее большинство появляется на свет в неоформленных юридически, но существующих фактически партнерских союзах. Дети, рожденные матерями-одиночками, живущими без супругов и соответственно без отцов данных детей, — мало-распространенное явление. По данным обследования, в 2000—2004 гг. только 7% детей от общего числа новорожденных были рождены матерями, которые не декларировали, что они в момент рождения ребенка проживали совместно с партнером. В то же время процент всех внебрачных детей (рожденных как одинокими женщинами, так женщинами, состоящих в незарегистрированных союзах), по данным обследования, очень близок к тому, что дает текущая статистика регистрации рождений: РиДМиЖ — 32%, Росстат — 29%. Более того, кривая изменения этого показателя во времени, по данным выборочного обследования, в целом соответствует кривой, полученной на основе официальных данных. Правда, практически за все годы обследование дает на 1—3 процентного пункта большую долю внебрачных рождений, чем официальная статистика.

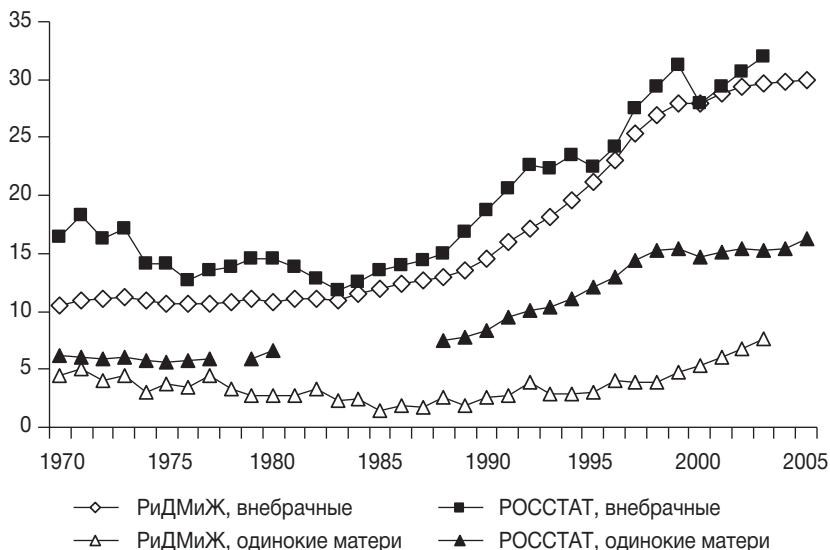

Рис. 2.18. Доля детей, рожденных вне зарегистрированного брака (по данным РиДМиЖ и Росстата), родившихся у матерей, не проживавших совместно с партнером в момент рождения ребенка (по данным РиДМиЖ) и зарегистрированных на основании заявления одной матери (по данным Росстата) в общем числе ежегодных рождений, %

Сравнение данных обследования с данными Росстата, приведенные на рис. 2.18 и в табл. 2.24, позволяет сформулировать еще ряд важных выводов. Во-первых, не все матери и отцы, проживающие сегодня в неоформленных союзах, склонны регистрировать рожденных детей на основании совместного заявления. Об этом свидетельствует вдвое больший процент рождений, регистрируемых на основании заявления одной матери (по данным Росстата — 15%), по сравнению с процентом детей, рожденных женщинами, не заявившими о совместном проживании с каким-либо партнером в момент рождения ребенка (по данным РиДМиЖ — 7%). Во-вторых, это рассогласование дало о себе знать не так уж давно. Для 1970-х гг. нет существенных расхождений между официальными данными и данными обследования. В те годы, как правило, матери-одиночки регистрировали детей на основе только своего заявления, а супружеские пары, состоящие в незарегистрированных брачных союзах, — на основе совместного заявления. В-третьих, минимальный уровень внебрачной рождаемости был достигнут в начале 1980-х гг. после долгого ее снижения с высокого уровня, наблюдавшегося в первое пос-

Таблица 2.24. Доля родившихся в браке и вне брака в общем числе рождений, Россия, 1950—2004 гг., %

Годы	Данные обследования РидМиЖ				Данные Росстата			
	В браке	Вне брака	из них		В браке	Вне брака	из них зарегистрированы на основании	
			В партнерском союзе	Вне партнерского союза			совместного заявления матери и отца	заявления только одной матери
1950—1954	77	23	16	7	...	...	—	—
1955—1959	82	18	10	8	85	15	—	—
1960—1964	82	18	12	6	87	13	—	—
1965—1969	80	20	14	6	86	12	—	—
1970—1974	83	17	12	5	89	11	5	6
1975—1979	86	14	10	3	89	11	5	6
1980—1984	87	13	10	3	89	11	—	—
1985—1989	85	15	13	2	87	13	—	—
1990—1994	79	21	19	2	83	17	7	10
1995—1999	73	27	13	4	75	25	11	14
2000—2004	68	32	25	7	71	29	14	15

Источник: расчеты С.В. Захарова по данным обследования РидМиЖ и данным Росстата.

левоое десятилетие. В 1950-х гг. каждый пятый ребенок был рожден вне зарегистрированного брака, и 7—8% от общего числа новорожденных (как и сегодня) — матерями-одиночками.

2.10. Распределение женщин по брачному состоянию влияет на уровень итоговой рождаемости

Статистика последних лет заставляет задуматься над еще одним важным вопросом: почему столь интенсивно растет внебрачная рождаемость в возрастах с максимальной вероятностью вступления в брак. Напротив, у женщин

старше 30-летнего возраста уровень внебрачной рождаемости стабилизировался. Двадцать лет назад рождение внебрачного ребенка было характерно для очень молодых матерей (до 20 лет) и для матерей старше 35 лет. Именно эти крайние возрастные группы обеспечивали увеличение внебрачной рождаемости в 1980-х гг. В возрастах максимальной брачности (20—29 лет) рождение ребенка вне брака было достаточно редким событием. В случае наступления незапланированной добрачной и внебрачной беременности «позор» прикрывался скоропалительным браком. Сегодня же можно утверждать, что внебрачная рождаемость характерна для всех возрастов в равной степени — доля рождений вне зарегистрированного брака интенсивнее всего растет в первую очередь в возрастах максимальной брачности, достигая в возрастах от 20 до 35 лет 26—29%, что существенно выше, чем у женщин старше 35 лет двадцать лет назад (табл. 2.25). Внебрачная рождаемость становится все более массовым феноменом, охватывает все возраста и, видимо, самые широкие социальные слои, достаточно равномерно представлена во всех порядках рождения (внебрачный ребенок — далеко не всегда единственный ребенок)⁷.

Удвоение доли внебрачных рождений у самых молодых (до 20 лет) матерей с 20,2% в 1990 г. до 48,4% в 2005 г. не сопровождается ростом числа аборт (см. следующий раздел). Напротив, интенсивность искусственных абортов в этой возрастной группе упала более чем в два раза. Косвенно это свидетельствует о том, что число незапланированных, добрачных беременностей от случайных связей существенным образом не увеличилось, хотя имеются социологические данные, показывающие, что сексуальная активность у подростков за последнее десятилетие выросла. Более чем двукратный рост доли внебрачных рождений в возрастной группе до 20 лет прежде всего говорит о снижении распространенности браков «вдогонку», стимулированных незапланированной беременностью.

Таблица 2.25. Доля внебрачных рождений по возрасту матери, Россия, 1980—2005 гг.

Годы	Из 100 родившихся в каждой возрастной группе родилось вне зарегистрированного брака у матерей в возрасте							Возраст не указан***
	15—19*	20—24	25—29	30—34	35—39	40—44	45—49**	
1980	18,7	7,9	9,4	13,5	21,5	23,8	23,1	75,2
1990	20,2	11,0	11,8	17,3	25,5	34,8	36,5	85,5
1995	27,0	17,6	18,9	22,9	30,2	36,5	35,8	93,8

⁷ См.: Население России 1999. М., 2000. С. 68—69.

Окончание табл. 2.25

Годы	Из 100 родившихся в каждой возрастной группе родилось вне зарегистрированного брака у матерей в возрасте							Возраст не указан***
	15—19*	20—24	25—29	30—34	35—39	40—44	45—49**	
1996	29,6	19,5	20,7	24,4	31,5	38,9	36,7	95,6
1997	36,1	21,9	22,0	25,0	31,5	36,4	34,8	97,1
1998	39,6	24,0	22,9	25,7	31,6	35,9	35,7	98,1
1999	41,0	25,1	24,2	26,7	31,9	37,1	33,9	95,4
2000	41,0	25,6	24,7	26,4	31,2	34,9	36,8	93,7
2001	43,1	26,7	25,1	26,7	30,5	34,9	34,0	95,8
2002	44,7	27,9	25,7	26,7	30,2	34,1	32,2	93,9
2003	46,4	28,3	25,8	26,5	30,2	34,2	33,1	94,5
2004	47,3	28,4	25,6	26,6	30,3	33,7	33,0	95,2
2005	48,4	28,9	25,5	26,9	30,5	34,0	33,2	96,5

* Включая родившихся у матерей моложе 15 лет.

** Включая родившихся у матерей старше 49 лет.

*** В 2005 г. общее число детей, рожденных у матерей неизвестного возраста, составило 2070, из них зарегистрировано на формальном основании «заявление матери» — 1997. Это, как правило, «дети-отказники», оставленные в роддомах, их отнесение к категории «внебрачных» — большая условность, поскольку в загсе они регистрируются уже по представлению государственных учреждений, а не физических лиц. В то же время мать, отказавшаяся от ребенка в роддоме, может и состоять в браке.

Данные микропереписи 1994 г. и всеобщей переписи населения 2002 г. впервые в истории отечественной статистики позволяют прямо оценить возрастную интенсивность брачной и внебрачной рождаемости на репрезентативном материале. Поставленный в этих обследованиях вопрос, зарегистрирован ли текущий брак, позволил наиболее корректным образом соотнести число рождений в зарегистрированных браках по данным текущего учета с числом женщин, состоящих на момент переписи в зарегистрированных союзах, и соответственно число рождений у матерей, не состоящих в зарегистрированных браках, с числом женщин всех других брачных состояний.

Как видно из рис. 2.19 и 2.20, возрастные коэффициенты брачной рождаемости в отличие от коэффициентов для всех женщин без учета брачного состояния монотонно снижаются от самых молодых женщин к более зрелым. В возрастах до 23 лет пребывание в браке тесно ассоциируется с рождением ребенка — 20—30% женщин состоящих в браке в этом возрасте ежегодно про-

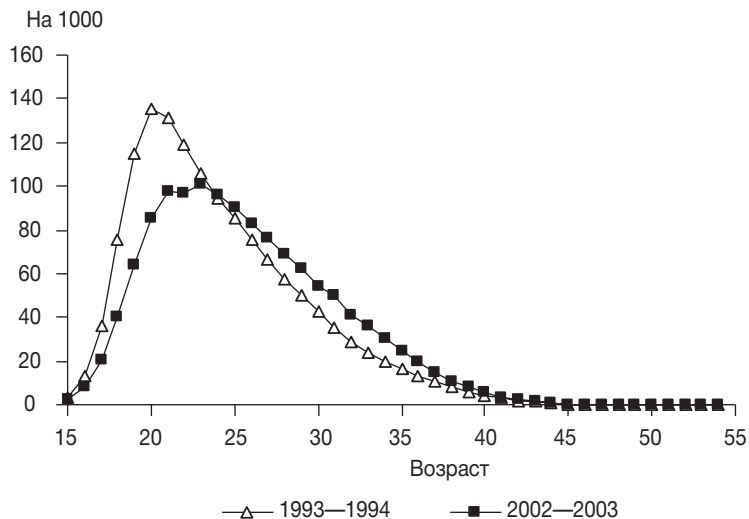

Рис. 2.19. Возрастные коэффициенты общей рождаемости (без учета брачного состояния), Россия, 1993—1994 и 2002—2003 гг., на 1000 женщин

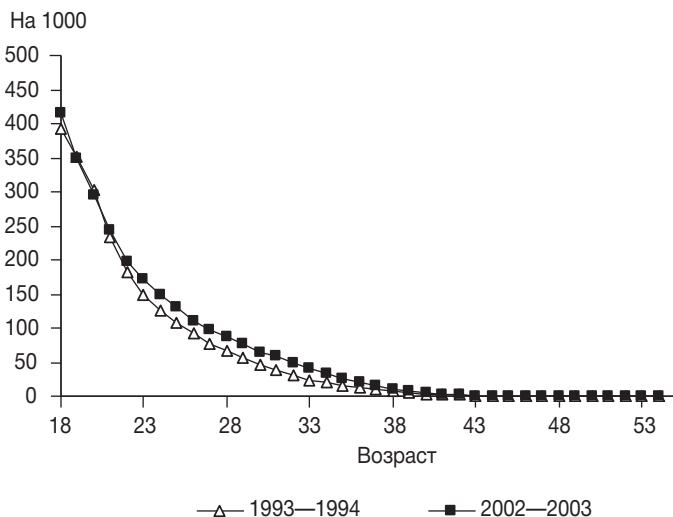

Рис. 2.20. Возрастные коэффициенты рождаемости для состоящих в зарегистрированном браке, Россия, 1993—1994 и 2002—2003 гг., на 1000 женщин

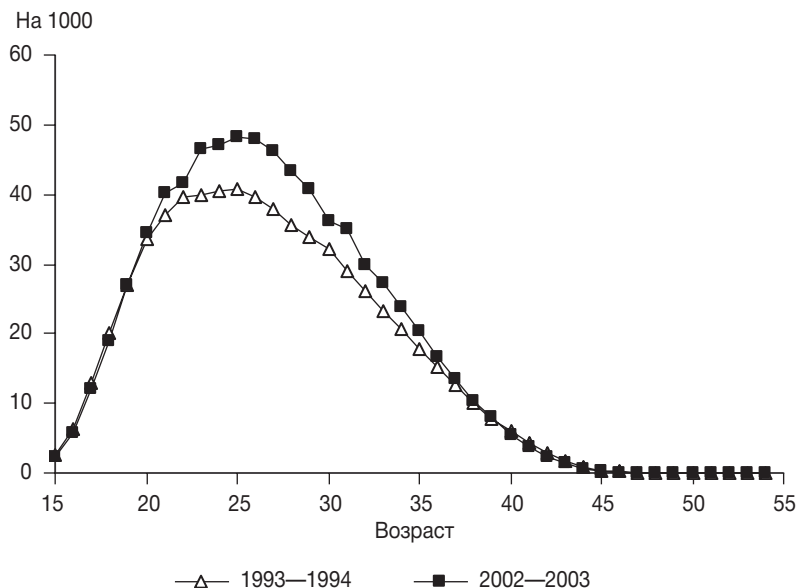

Рис. 2.21. Возрастные коэффициенты рождаемости для не состоящих в зарегистрированном браке, Россия, 1993–1994 и 2002–2003 гг., на 1000 женщин

изводят на свет потомство. В 2002–2003 гг. возрастная интенсивность брачной рождаемости стала существенно выше, чем в 1993–1994 гг., на всем протяжении возрастного интервала от 21 до 50 лет, что лишь подтверждает отмеченный факт повышения рождаемости в браке в этот период. Максимальный относительный прирост в 60–70% продемонстрировали 30-летние женщины.

Возрастной профиль внебрачной рождаемости выглядит иначе (рис. 2.21). Коэффициенты рождаемости имеют четко выраженную куполообразную форму, похожую на возрастную кривую рождаемости для всех женщин, но на более низком уровне и с максимумом, приходящимся на более поздний возраст – 25–26 лет. Максимум прироста коэффициентов рождаемости вне зарегистрированного брака⁸ – 20–22% за период после 1993–1994 гг. – пришелся на 25–29-летних матерей, еще более повысив выраженный эксцесс (островершинность) возрастного профиля внебрачной рождаемости, тем бо-

⁸ Коэффициенты рассчитаны как отношение родившихся у матерей вне зарегистрированного брака к суммарной численности женщин, состоящих в незарегистрированных браках, вдовых, разведенных (разошедшихся) и никогда не состоявших в браке.

лее что в возрастах до 20 лет и старше 40 лет фиксируется даже некоторое снижение интенсивности внебрачных рождений.

Итак, за рассмотренный десятилетний период мы имеем увеличение интенсивности и брачной, и внебрачной рождаемости. В этих условиях парадоксальным может казаться тот факт, что коэффициент суммарной рождаемости для всех женщин без учета брачного состояния (т.е. обычный показатель итоговой рождаемости для женщин условного поколения к концу репродуктивного периода) в 2002—2003 гг. оставался ниже, чем в 1993—1994 гг. (1,29 против 1,38 в расчете на одну женщину).

Чтобы разобраться в этом, нужно иметь в виду, что изменение показателей общей рождаемости зависит не только от изменения интенсивности деторождения женщин, пребывающих в том или ином брачном состоянии, но и от изменения распределения женщин по типам брачного состояния. Если резко изменяется брачная структура населения, например, в направлении увеличения доли женщин, не состоящих в браке, то повышение интенсивных коэффициентов брачной рождаемости (даже подкрепленное увеличением интенсивности внебрачных рождений) может и не компенсировать уменьшение доли замужних женщин. В результате показатели общей рождаемости могут снижаться только под влиянием структурного фактора, что и произошло в нашем случае. Как уже было показано выше, в последнее десятилетие в России происходят большие изменения в брачно-партнерских отношениях: в молодом возрасте браки откладываются, получают все большее распространение незарегистрированные союзы, разводы и раннее овдовение также приводят к тому, что число женщин (и мужчин), пребывающих в зарегистрированном браке, сокращается. В результате уменьшается суммарное время (общая длительность) пребывания в «традиционном» браке с его более высокой рождаемостью, вследствие чего и наблюдается общий результат — коэффициент суммарной рождаемости для всех женщин в 2002—2003 гг. оказывается ниже, чем десятилетием ранее.

2.11. За 15 лет число абортс снизилось более чем вдвое, но все еще остается высоким

Низкая рождаемость в России, как и везде, означает, что подавляющее число женщин и супружеских пар регулируют деторождение. Вопрос заключается в том, какие методы они при этом используют: методы планирования семьи, позволяющие предотвратить нежелательное зачатие, или прерывание незапланированной беременности (аборт). В России долгие годы был широко распространен второй вариант. С конца 1980-х гг. в стране происходит устойчивое снижение числа искусственных абортов.

За период с 1990 по 2005 г. абсолютное число абортов сократилось в 2,4 раза, а коэффициент абортов на 1000 женщин репродуктивного возраста — в 2,6 раза (табл. 2.26).

Всего в 2005 г., по данным Росстата, было зарегистрировано 1732,3 тыс. абортов, или 44,1 на 1000 женщин репродуктивного возраста, а без учета самопроизвольных абортов — 39,8 на 1000.

Ситуация улучшается по всем возрастным группам (табл. 2.27, рис. 2.22). После 1994 г. коэффициент абортов особенно быстрыми темпами снижается среди самых молодых женщин. Тем не менее в 2005 г. около 3% женщин в возрасте от 15 до 19 лет и 7,5% в возрасте от 20 до 34 лет прервали беременность.

Несмотря на положительную динамику, среди исходов беременностей в России аборты по-прежнему более многочисленны, чем рождения. На 100 рождений в 2005 г. приходился 121 аборт; иными словами, более половины всех беременностей были прерваны абортом. Российские женщины при низком желаемом числе детей и не всегда эффективной контрацепции характеризуются высокой степенью готовности прервать нежелательную беременность. Проблема искусственного аборта остается в ряду наиболее острых проблем общественного здоровья в России.

Суммарный коэффициент абортов — интегральный показатель, не зависящий от возрастного состава женщин, — составил в 2005 г. 1,55 аборта в среднем на одну женщину репродуктивного возраста (расчет на основе данных Росстата). Столько одна российская женщина сделает в среднем за свою жизнь абортов при сохранении существующей повозрастной интенсивности производства абортов. Для сравнения: в 1991 г. на одну женщину приходилось в среднем 3,39 аборта.

Средний возраст женщины, производившей аборт в учреждениях системы Минздравсоцразвития в 2005 г., составил 28,7 года. В течение последних девяти лет (за которые статистика позволяет рассчитать этот показатель) наблюдалась тенденция повышения среднего возраста аборта (табл. 2.28). Максимум учтенных абортов (половина общего числа) приходится на возрастной интервал от 20 до 30 лет, более 20% — на возраст 30—34 года, еще около 20% — старше 35 лет и оставшиеся 9% — на самый молодой возраст до 20 лет (табл. 2.29). Вклад женщин моложе 30 лет в общее число абортов на протяжении последнего десятилетия уменьшался, а вклад женщин от 30 до 44 лет — возрастал. Аборты у беременных впервые, по данным Минздравсоцразвития, составляют в последние годы 11% от общего числа абортов. То есть аборт в России служит главным образом средством либо отложить на время рождение следующего ребенка, либо прекратить дальнейшие рождения у женщин, имеющих детей.

Таблица 2.26. Основные показатели распространенности аборт, Россия

Годы	По данным Росстата				Число абортов по данным МЗСР РФ, тыс.
	Число абортов			Доля абортов среди беременностей*	
	тыс.	на 1000 женщин 15—49 лет	на 100 живорождений		
1990	4103,4	113,9	206,3	67,4	3920,3
1991	3608,4	100,1	201,1	66,8	3442,4
1992	3436,7	94,7	216,5	68,4	3265,7
1993	3244,0	88,8	235,2	70,2	2977,9
1994	3060,2	82,1	217,3	68,5	2808,1
1995	2766,4	72,8	202,8	67,0	2574,8
1996	2652,0	68,9	203,3	67,0	2469,2
1997	2498,7	64,4	198,3	66,5	2320,9
1998	2346,1	60,0	182,8	64,6	2210,2
1999	2181,2	55,5	179,6	64,2	2059,7
2000	2138,8	54,2	168,8	62,8	1961,5
2001	2014,7	50,9	153,6	60,6	1857,0
2002	1944,5	49,0	139,2	58,2	1782,3
2003	1864,6	47,0	128,6	56,3	1677,0
2004	1797,6	45,5	122,0	54,9	1604,5
2005	1732,3	44,1	121,2	54,8	1490,0

* Принято, что число беременностей приблизительно = аборты + живорождения.

Примечание. Федеральная служба государственной статистики (Росстат) добавляет к аборт, учтенным Министерством здравоохранения и социального развития РФ (МЗСР) в подведомственных ему учреждениях, аборты, зарегистрированные в лечебных учреждениях других министерств и ведомств и в негосударственных лечебных учреждениях. К сожалению, статистика Росстата включает только общее число зарегистрированных абортов и число абортов по крупным возрастным группам женщин. Более подробные показатели приводятся только по системе МЗСР.

Источник: Российский статистический ежегодник. 2006: Стат. сб. / Росстат. М., 2006. С. 270.

По возрастному распределению абортов Россия существенно отличается от многих западных стран, где проблема незапланированной беременности и аборта в первую очередь касается подростков и молодых незамужних

Таблица 2.27. Число зарегистрированных абортов по возрастным группам

Годы	Число аборт ов на 1000 женщин в возрасте, лет			Суммарный коэффициент аборт ов**
	15—19*	20—34	35 и старше	
1991	70	153	51	3,39
1992	68	149	44	3,24
1993	67	141	42	3,09
1994	64	135	37	2,91
1995	57	122	33	2,62
1996	51	120	30	2,51
1997	47	113	29	2,37
1998	43	106	27	2,21
1999	37	99	25	2,05
2000	36	98	24	2,00
2001	34	91	22	1,87
2002	33	87	21	1,79
2003	31	82	20	1,69
2004	29	78	20	1,62
2005	29	75	19	1,55
2005 к 1991, %	42	49	38	46

* Включая аборты в возрасте до 15 лет.

** Среднее число искусственных абортов, приходящееся на одну женщину за весь ре-продуктивный период при сохранении возрастной интенсивности производства абортов в расчетном году.

Примечание. Разработка и публикация данных об абортах в указанной возрастной группировке налажена с 1991 г.

Рассчитано по: Российский статистический ежегодник. 2006: Стат. сб. / Росстат. М., 2006. С. 270.

женщин. Например, на возраст 15—19 лет в Англии и Финляндии приходится более 20% всех абортов, в Швеции, Норвегии, Дании, США — 17—18%, тогда как в России меньше 10%. Правда, по величине коэффициента абортов (а не удельного веса) в данном возрастном интервале Россия опережает все названные страны.

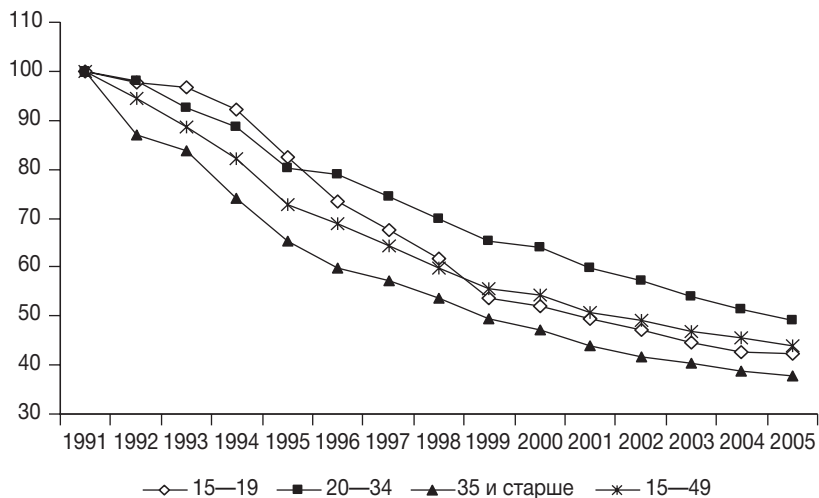

Рис. 2.22. Изменение относительного числа зарегистрированных абортов по возрастным группам, Россия (1991 г. = 100%)

Таблица 2.28. Возрастные коэффициенты абортов и средний возраст женщин, делавших аборт в данном году, по данным МЗСР РФ

Годы	Число абортов на 1000 женщин в возрасте, лет							Средний возраст женщин, лет
	15—19	20—24	25—29	30—34	35—39	40—44	45—49	
1996	47,0	125,6	127,5	87,0	56,0	20,1	2,7	28,04
2000	32,7	95,3	96,2	76,2	46,0	18,1	1,9	28,44
2001	31,3	89,6	89,7	71,8	44,2	17,1	1,7	28,46
2002	29,9	84,3	85,5	68,8	43,3	16,3	1,6	28,51
2003	28,0	77,5	79,2	64,5	42,2	15,5	1,5	28,60
2004	26,7	72,1	75,5	61,8	41,4	14,9	1,5	28,69
2005	25,5	65,5	69,5	57,5	38,9	13,8	1,3	28,70
2005 к 1996, %	54	52	55	66	69	68	50	

Таблица 2.29. Вклад возрастных групп в общее число абортов, по данным МЗСР РФ, %

Годы	Возраст женщин, лет							Итого
	15—19	20—24	25—29	30—34	35—39	40—44	45—49	
1996	10,1	26,9	27,4	18,7	12,0	4,3	0,6	100,0
2000	8,9	26,0	26,3	20,8	12,6	4,9	0,5	100,0
2001	9,0	25,9	26,0	20,9	12,8	4,9	0,5	100,0
2002	9,1	25,6	25,9	20,9	13,1	4,9	0,5	100,0
2003	9,1	25,1	25,7	20,9	13,7	5,0	0,5	100,0
2004	9,1	24,5	25,7	21,0	14,1	5,1	0,5	100,0
2005	9,3	24,1	25,6	21,1	14,3	5,1	0,5	100,0

Согласно результатам исследования РиДМиЖ половина 30-летних женщин уже имеет хотя бы один аборт в анамнезе и одна треть — два аборта и больше (табл. 2.30). К концу репродуктивного периода 70% женщин хотя бы однажды прерывали беременность и 50% — делали это два раза и более. Опрос также позволил получить данные о распределении женщин определенного возраста по числу прерванных за всю их жизнь беременностей. Так, среднее число абортов, приходящееся на одну респондентку в возрасте 45—49 лет (2,0), складывается из 39% женщин, имевших 1—2 аборта к моменту опроса, 30% женщин, не имевших ни одного аборта, и более 30%, имевших три аборта и более. Последние, вероятно, и являются «группой риска» — на эти 30% женщин приходится более 70% всех абортов, сделанных представительницами поколения 45—49-летних.

Официальная статистика абортов не содержит информации о различиях в поведении разных социально-демографических групп населения. Такие сведения можно получить только из масштабных, специально ориентированных социологических обследований населения, которые в России редки. Согласно исследованию РиДМиЖ более низким уровнем абортов характеризуются женщины: 1) с более прочным брачно-партнерским статусом, т.е. проживающие совместно с партнером в зарегистрированном браке (по сравнению с состоящими в неформальном союзе); 2) с высшим образованием; 3) использующие только современные средства контрацепции (по сравнению с использующими традиционные методы и не использующими методы контрацепции вообще).

Основами законодательства РФ об охране здоровья граждан (ст. 36) определено, что искусственное прерывание беременности может прово-

Таблица 2.30. Показатели абортaв по данным выборочного обследования РИДМиЖ-2004, Россия

Возраст на момент опроса	Среднее число абортaв на одну женщину к моменту опроса	Доля женщин, имевших хотя бы один аборт к моменту опроса, %	Доля женщин, имевших хотя бы два абортa к моменту опроса, %
18—19	0,1	8,5	2,3
20—24	0,3	21,7	6,8
25—29	0,8	40,4	18,5
30—34	1,3	53,5	34,4
35—39	1,6	59,2	39,9
40—44	1,8	66,0	44,0
45—49	2,0	69,6	50,4
18—49	1,3	50,6	31,9

Примечание. Количество абортaв было оценено косвенным путем — вычитанием из общего числа беременностей у женщины к моменту опроса числа рожденных ею детей.

даться по желанию женщины при сроке беременности до 12 недель, при наличии социальных показаний — при сроке до 22 недель и на любом сроке беременности, если имеются медицинские показания. Более 90% (93% в 2005 г.) всех абортaв в России производится в сроки до 12 недель беременности и менее 1,5% — в сроки после 22 недель. В возрастной группе 15—19 лет доля поздних абортaв (после 22 недель) немного выше — 2,8% (2005 г.).

Распределение абортaв по видам согласно форме статистического учета Минздравсоцразвития представлено в табл. 2.31. Основную часть (более 80%) абортaв составляют «медицинские легальные», т.е. больничные абортaв по просьбе женщины до 12 недель беременности, включая мини-абортaв. Именно за счет этих абортaв происходит быстрое сокращение общего числа прерываний беременности. В расчете на 1000 женщин репродуктивного возраста число легальных медицинских абортaв за период 1992—2005 гг. снизилось в 2,6 раза: с 79 до 31. За эти же годы значительно снизилось и число учтенных криминальных абортaв⁹: с 10 157 случаев в 1992 г. до 1477 в 2005 г., или почти в 7 раз, а среди подростков 15—19 лет — в 11 раз.

⁹ К криминальным абортaм относят случаи, когда выявлено вмешательство с целью прервать беременность вне лечебного учреждения.

Таблица 2.31. Распределение абортов по классификации МЗСР РФ, % от общего числа абортов

Вид аборта	1992	1996	2000	2001	2002	2003	2004	2005
Самопроизвольные	6,3	7,3	8,9	9,0	9,8	10,2	10,7	11,3
По медицинским показаниям	1,4	1,9	2,2	2,2	2,3	2,6	3,0	2,8
Криминальные	0,3	0,2	0,1	0,1	0,1	0,1	0,1	0,1
Неуточненные	3,5	3,9	4,3	4,4	4,5	4,8	4,8	4,9
По социальным показаниям	0,8	1,5	2,2	2,3	2,2	1,8	0,3	0,2
Медицинские (легальные)	87,7	85,2	82,3	81,1	82,0	80,5	81,1	80,7
Всего	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

Уровень самопроизвольных абортов остается довольно стабильным на протяжении последних восьми лет, так же как и уровень абортов по медицинским показаниям (рис. 2.23). Их удельный вес возрастает в силу того, что остальные виды абортов быстро снижаются. Здесь следует отметить, что оценивать динамику разных видов абортов, основываясь только на изменении их доли в общем числе абортов, некорректно. Во-первых, число разных видов абортов снижается с разной скоростью, и, во-вторых, меняется соотношение возрастных групп женщин внутри репродуктивного интервала, а женщины разного возраста ведут себя по-разному в отношении абортов (их процедуры, сроков и т.д.). Это в полной мере относится и к абортам у женщин, беременных впервые, удельный вес которых не демонстрирует явного снижения. Однако вопреки распространенному в медицинской литературе мнению статистика свидетельствует о том, что уровень абортов среди первобеременных снижается. За пять лет число абортов у беременных впервые в расчете на 1000 женщин репродуктивного возраста снизилось на 21%, а число абортов у первобеременных в расчете на 1000 женщин в возрасте 15—24 лет (на этот возрастной интервал приходится около 90% всех прерываний первой беременности) — на 26% (табл. 2.32).

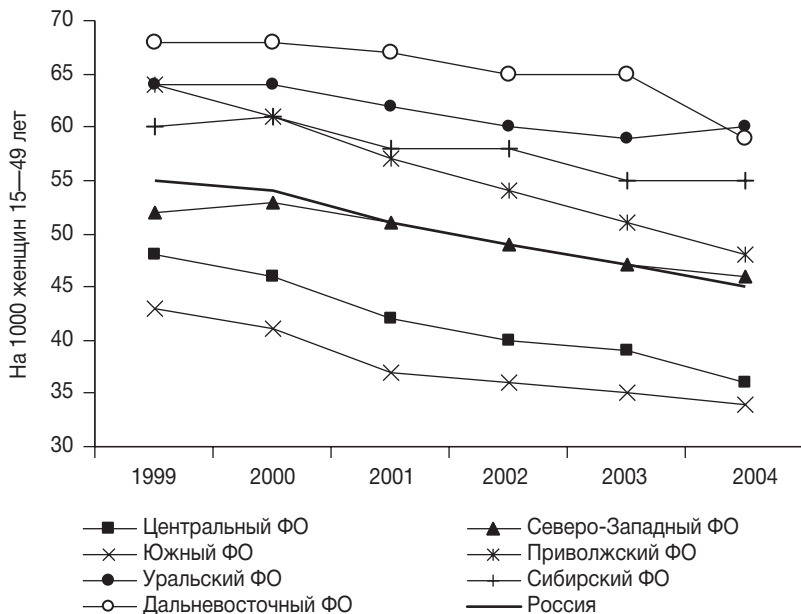
Единственный вид абортов, регистрируемое число которых колеблется, — это аборты по социальным показаниям, хотя их число и вклад в общее число абортов не столь значительны, чтобы повлиять на уровень абортов в стране. После 1996 г. наблюдался рост этих показателей, а начиная с 2003 г. — снижение. Колебания в первую очередь связаны с изменением законодательства по отношению к абортам по социальным показаниям.

Таблица 2.32. Аборты у беременных впервые, включая мини-аборты, по данным МЗСР РФ

	2000	2001	2002	2003	2004	2005
Доля абортс у первобеременных в общем числе абортс, %	10,4	11,0	11,3	11,0	11,1	10,8
Абортс у первобеременных на 1000 женщин в возрасте 15—49 лет	5,2	5,2	5,1	4,7	4,5	4,1
Абортс у первобеременных в возрасте 15—24 лет на 1000 женщин данного возраста	15,8	15,4	14,8	13,6	12,9	11,8

В 1996 г. был утвержден более широкий, чем действовал до этого, перечень социальных показаний для прерывания беременности (постановление Правительства РФ от 8 мая 1996 г. № 567). Основаниями для прерывания беременности после 12 недель с 1996 г. могли стать ситуации, если женщина не состоит в браке, если кто-либо из супругов является безработным, при отсутствии жилья, при доходе на члена семьи менее прожиточного минимума и др. Такая широкая трактовка социальных показаний для аборта имела целью ликвидировать внебольничные, криминальные аборты в трудных

Рис. 2.23. Изменение относительного числа абортов на 1000 женщин репродуктивного возраста, Россия, 1992 г. = 100%, по данным МЗСР РФ

Источник: Регионы России. Социально-экономические показатели. 2005: Стат. сб. / Росстат. М., 2006.

Рис. 2.24. Число абортов в России и федеральных округах, на 1000 женщин репродуктивного возраста, 1999—2004 гг.

социально-экономических условиях переходного периода. В 2003 г. Правительство Российской Федерации (постановление Правительства РФ от 11 августа 2003 г. № 485) приняло решение резко сократить перечень социальных показаний для производства искусственного аборта — с 13 до 4 пунктов: наличие решения суда о лишении или ограничении родительских прав; беременность в результате изнасилования; пребывание женщины в местах лишения свободы; наличие инвалидности I—II группы у мужа или смерть мужа во время беременности. Пока нет убедительных свидетельств того, что решение 2003 г. об ограничении показаний каким-либо образом усугубило ситуацию с абортами в России.

В территориальном разрезе прослеживается увеличение показателей абортов с запада на восток (рис. 2.24): от самых низких в Южном и Центральном федеральных округах до самых высоких в Дальневосточном федеральном округе. В Южном ФО все территории, за исключением Волгоградской области, характеризуются более низким, чем в среднем по стране,

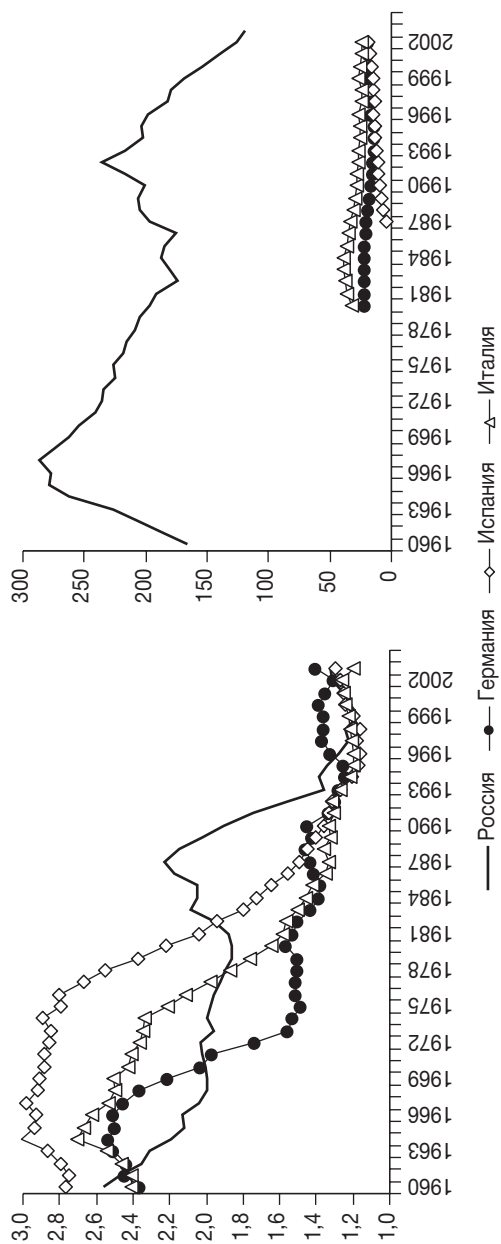

Рис. 2.25. Коэффициент суммарной рождаемости (левая панель) и число аборт на 100 родов (правая панель) в России, Германии, Испании и Италии

коэффициентом аборт; относительно благоприятную ситуацию в Центральном ФО определяют Москва и Московская область. В то же время коэффициент аборт на всех территориях Уральского, Сибирского и Дальневосточного ФО (за исключением Алтайского края) превышает среднероссийский уровень.

Среди российских регионов наибольшими показателями аборт в 2004 г. выделялись Амурская, Сахалинская, Оренбургская, Новосибирская, Вологодская, Камчатская области, Республика Алтай, Еврейская АО, коэффициент аборт в которых составил 62 и выше в расчете на 1000 женщин репродуктивного возраста. Для сравнения: в Москве этот показатель был равен 18 на 1000 женщин.

Несмотря на заметное снижение числа аборт, оно все еще остается очень высоким. Это особенно хорошо видно при сравнении России с другими странами, имеющими сходный уровень и сходную динамику рождаемости. Как видно из рис. 2.25, уровень рождаемости в России, Германии, Испании и Италии между 1960 и 2002 гг. сократился примерно на одинаковую величину и сейчас практически одинаков в этих четырех странах. Но при этом число аборт на 100 родов в России было и остается в разы выше, чем в Германии, Испании или Италии.

2.12. Аборт постепенно вытесняется контрацепцией

Хотя число аборт в России все еще остается недопустимо высоким, факт его снижения до уровня, существенно более низкого, чем наблюдавшийся на протяжении последних четырех десятилетий минувшего века, не следует недооценивать. Это снижение, тем более в условиях сильного сокращения рождаемости, может означать только одно: изменения в массовом контрацептивном поведении россиян, которые все чаще и успешнее прибегают к методам планирования семьи, к предотвращению зачатия вместо избавления от его последствий путем прерывания беременности.

К сожалению, пока о контрацептивном поведении россиян известно довольно мало. Вплоть до настоящего времени национальные репрезентативные исследования этого поведения не проводились. Министерство здравоохранения и социального развития РФ ведет сбор сведений о числе женщин, использующих два вида контрацепции — внутриматочные спирали (ВМС) и гормональные контрацептивы (ГК) — и состоящих при этом под наблюдением у врача в подведомственных МЗСР учреждениях. Эти данные неполные, особенно в отношении гормональных средств, которые продаются в аптеках без рецепта. Кроме того, отсутствует информация о длительности использования этих средств контрацепции. Существует сеть частных меди-

цинских учреждений, оказывающих услуги в сфере планирования семьи, и в какой степени результаты их работы попадают в официальную статистику, неизвестно. Есть результаты разрозненных региональных социологических исследований, которые не являются репрезентативными для всей страны. Таким образом, знания о контрацептивном поведении россиян остаются отрывочными.

Согласно данным МЗСР РФ на конец 2005 г. 5,4 млн женщин пользовались ВМС и 3,7 млн женщин — гормональными противозачаточными средствами, или соответственно 13,8 и 9,5% от всех женщин репродуктивного возраста (не только сексуально активных). Число женщин, использующих ВМС, на протяжении последнего десятилетия снижалось, а число тех, кто прибегал к гормональной контрацепции, росло (табл. 2.33).

Таблица 2.33. Использование средств контрацепции, Россия, на конец года, по данным МЗСР РФ

	1990	1995	2000	2001	2002	2003	2004	2005
Численность женщин, применявших внутриматочные спирали:								
всего, тыс. человек	6202	7235	6323	6121	5647	5672	5570	5399
на 100 женщин в возрасте 15—49 лет	17,2	18,9	16,0	15,4	14,2	14,3	14,1	13,8
Численность женщин, применявших гормональную контрацепцию:								
всего, тыс. человек	600	1747	2829	3050	2951	3336	3496	3711
на 100 женщин в возрасте 15—49 лет	1,7	4,6	7,2	7,7	7,4	8,4	8,9	9,5
Проведено операций по поводу стерилизации женщин:								
всего, тыс. человек	...	...	18,5	17,9	18,1	18,9	18,0	16,6
на 100 000 женщин в возрасте 15—49 лет	...	...	46,9	45,3	45,5	47,6	45,5	42,5

Источник: Здравоохранение в России: 2005. Стат. сб. / Росстат. М., 2005. С. 126.

Одним из самых распространенных в мире методов контрацепции является стерилизация. Во многих странах стерилизация (и мужская, и жен-

ская) служит основным методом планирования семьи, например: в Канаде (46% от числа женщин репродуктивного возраста), Бразилии (43%), Китае (41%), Австралии (38%), США (37%), Индии (36%), Мексике (31%), Великобритании (30%), Швейцарии (22%), Бельгии (17%), Нидерландах (15%)¹⁰. Во всех указанных странах, за исключением Великобритании и Нидерландов, преобладает женская стерилизация.

В Советском Союзе хирургическая стерилизация была разрешена в 1990 г. при наличии определенных показаний. Затем, в 1993 г., уже российское государство признало медицинскую стерилизацию как метод контрацепции. Основами законодательства РФ об охране здоровья граждан (ст. 37) и соответствующим приказом МЗ РФ (№ 303 от 28 декабря 1993 г.). Стерилизация в России может быть проведена по письменному заявлению гражданина не моложе 35 лет или имеющего не менее двух детей, а при наличии медицинских показаний — независимо от возраста и наличия детей. Однако этот метод не получил у нас широкого распространения. Если просуммировать число операций стерилизации по официальным данным с 1991 по 2005 г. и соотнести его с нынешней численностью женщин репродуктивного возраста, то получится приблизительно 0,6%. Как и в других странах, в России преобладает женская стерилизация.

На этом информация о способах регулирования рождаемости, которую предоставляет официальная статистика, практически исчерпывается.

Результаты обследования РидМиЖ проведенного в 2004 г., позволили частично восполнить пробел в знаниях, касающихся способов внутрисемейного регулирования рождаемости в России, хотя изучение контрацептивного поведения и не ставилось в качестве основной задачи обследования.

Согласно РидМиЖ удельный вес пар¹¹, использующих какой-либо метод контрацепции, оказался очень высоким: 84% в женской выборке и 82% в мужской выборке (табл. 2.34). При этом уровень использования контрацепции высок во всех возрастах, достигая максимума в самой молодой возрастной группе 18—24 лет: 88,5% у женщин и 87% у мужчин. Среди пар в возрасте после 40 лет этот показатель снижается, но и плодовитость (биологическая способность зачать ребенка), а вместе с ней и потребность в контрацепции с возрастом уменьшаются.

Опрос РидМиЖ также не выявил существенных различий в уровне использования методов планирования семьи в зависимости от числа рожденных детей. Даже среди женщин, не имеющих детей, 79% ответили, что

¹⁰ World Contraceptive Use. 2003. Wall Chart. Department of Economic and Social Affairs, Population Division. United Nations publication.

¹¹ Вопрос о методах контрацепции задавался только респондентам, имеющим партнера на момент опроса.

Таблица 2.34. Структура применяемых методов контрацепции, %, респонденты, имеющие партнера на момент опроса, РиДМиЖ-2004

Метод	Женщины моложе 50 лет	Мужчины, чья партнерша моложе 50 лет
Какой-либо метод	83,8	81,7
В том числе:		
презерватив	28,5	35,0
противозачаточные таблетки	15,0	13,1
ВМС	24,0	21,6
мази, свечи, пена, желе	3,0	2,0
инъекции гормональных контрацептивов	0,3	0,2
срочная гормональная контрацепция	0,7	0,6
спринцевание*	6,4	3,5
прерванный половой акт	15,3	12,8
календарный метод	18,0	15,8
Никакого метода	16,2	18,3
Всего**	127,4	123,0
Только современные методы	51,5	53,6
Сочетание современных и традиционных методов	13,1	11,9
Только традиционные методы	19,2	16,2
Число респондентов	2272	1894

* Некоторые авторы не включают спринцевание в структуру методов контрацепции и рассматривают женщин, практикующих спринцевание, как не использующих контрацепцию.

** Респонденты могли указать несколько методов.

применяют тот или иной метод контрацепции. Это новое явление для России, свидетельствующее, в частности, об откладывании на более поздний возраст или, точнее, о планировании времени рождения первого ребенка. Еще в середине 1990-х гг., согласно региональным исследованиям, больше половины замужних женщин, не имевших детей, не контролировали рождаемость.

Что касается структуры методов планирования семьи, то $\frac{2}{3}$ респондентов, имеющих партнера, указали на использование современных методов контрацепции. Самыми популярными методами являются презерватив (29% в женской выборке и 35% в мужской) и внутриматочная спираль (24% в женской выборке и 22% в мужской) (см. табл. 2.34). На третьем месте по частоте использования находится календарный метод (учет опасных дней), и четвертое место делят гормональные противозачаточные таблетки и прерванный половой акт. Другие методы контрацепции используются очень редко. Не получили распространения в России такие эффективные средства пролонгированного действия, как имплантанты, внутримышечные инъекции и прочие гормональные контрацептивы последних поколений.

Около $\frac{1}{5}$ респондентов заявили, что применяют в настоящее время несколько методов контрацепции. Чаще всего дополняются другими такие методы, как спермициды (мази, свечи и т.д.), традиционные (народные, естественные) методы, характеризующиеся невысокой эффективностью, а также срочная гормональная контрацепция (что вытекает из ее определения как экстренного, нерегулярного способа избежать незапланированной беременности). Презерватив тоже часто применяется в сочетании с другими методами планирования семьи, что вполне оправданно, поскольку презерватив защищает не только от нежелательной беременности, но и от инфекций, передаваемых половым путем.

Как и следовало ожидать, обследование РИДМиЖ выявило существенные различия в структуре применяемых методов контрацепции между возрастными группами (рис. 2.26):

- более молодые пары активнее применяют современные методы, после 40 лет заметно увеличивается доля использующих только традиционные методы;
- с возрастом сокращается число методов, используемых респондентом одновременно. Самый высокий процент применяющих два и более методов одновременно — среди самых молодых респондентов до 25 лет (28% у женщин и 22% у мужчин), среди 45—49-летних эта доля снижается до 13—14%;
- группа 18—24 года выделяется наиболее активным использованием презерватива (45% в женской и 57% в мужской выборке) и противозачаточных таблеток (23% в женской выборке и 20% в мужской), но при этом самой низкой распространенностью ВМС;
- пик популярности ВМС приходится на возраст 35—39 лет: 35—36% всех респондентов в этом возрасте или 41—42% респондентов, применяющих контрацепцию, используют ВМС;

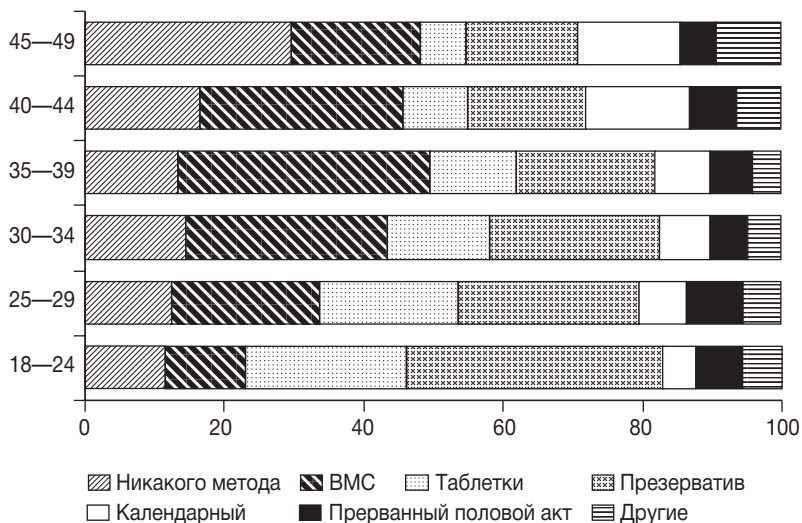

Рис. 2.26. Распределение респондентов по самому эффективному из применяемых методов контрацепции в зависимости от возраста, %, женщины репродуктивного возраста, имеющие партнера, РиДМиЖ-2004

- использование традиционных методов широко распространено во всех возрастах, немного понижаясь лишь в возрасте 35—39 лет, причем женщины заявляли об использовании традиционных методов чаще, чем мужчины;
- из традиционных методов до 30 лет чаще используется прерванный половой акт, а после 30 лет — календарный метод контрацепции.

Уровень образования и тип поселения (города различного статуса, сельская местность) также являются существенными дифференцирующими признаками характера планирования семьи. Чем выше уровень образования, тем выше распространенность контрацепции. По мере роста уровня образования увеличивается удельный вес пар, применяющих презерватив, гормональные таблетки и календарный метод контрацепции. Например, среди женщин старше 25 лет, имеющих партнера, со средним общим и начальным профессиональным образованием гормональные таблетки используют 10%, со средним профессиональным — 14, а с высшим — 15,5%. С повышением уровня образования растет число методов, применяемых одновременно.

Если учитывать только самый эффективный из применяемых методов (табл. 2.35), то в выборке женщин со средним образованием, включая сред-

нее профессиональное, на первом месте по частоте использования находится ВМС, а в выборке женщин с высшим образованием — презерватив.

Таблица 2.35. Распределение по самому эффективному из применяемых методов контрацепции* в зависимости от уровня образования, %, женщины 25—49 лет, имеющие партнера, РидМиЖ-2004

	Основное общее, среднее общее и начальное профессиональное	Среднее профессиональное	Высшее, неполное высшее и послевузовское
Никакого метода	23,1	14,6	13,6
Метод контрацепции:			
ВМС	26,4	29,1	22,6
таблетки	9,9	13,1	14,3
презерватив	17,6	20,4	24,3
календарный метод	10,2	10,2	13,4
прерванный половой акт	6,9	6,0	5,7
мази, свечи, пена, желе	1,4	1,9	2,1
спринцевание	4,5	4,0	2,5
другой	0,0	0,7	1,5
Всего	100	100	100

* Если респондент назвал несколько методов, указан наиболее эффективный из них. Ранжирование методов по их эффективности взято из американского источника: *Trussell J. Contraceptive efficacy // Hatcher R.A., Trussell J., Stewart F., Nelson A., Cates W., Guest F., Kowal D. Contraceptive Technology: Eighteenth Revised Ed. N.Y. NY: Ardent Media, 2004.*

По данным РидМиЖ, в сельской местности частота использования ВМС вдвое выше, чем в областных центрах (табл. 2.36). Зато частота использования гормональных таблеток, наоборот, в областных центрах вдвое выше, чем в сельской местности. Это может свидетельствовать о степени доступности разных средств контрацепции и различной информированности населения о ней.

Таблица 2.36. Распределение по самому эффективному из применяемых методов контрацепции в зависимости от типа поселения, %, женщины репродуктивного возраста, имеющие партнера, РидМиЖ-2004

	Областные центры (без Москвы и С.-Петербурга)	Москва и С.-Петербург	Прочие города	ПГТ, сельские населенные пункты
Никакого метода	13,3	18,3	18,6	16,7
Метод контрацепции:				
ВМС	16,2	11,2	28,8	32,6
таблетки	21,2	10,1	12,3	10,7
презерватив	27,1	36,2	16,6	20,3
календарный метод	9,3	9,1	12,7	7,7
прерванный половой акт	7,4	7,5	3,6	6,9
мази, свечи, пена, желе	2,2	1,9	1,5	1,1
спринцевание	2,2	3,1	5,1	3,6
другой	1,1	2,6	0,8	0,4
Всего	100,0	100,0	100,0	100,0

Поскольку, как уже было сказано, национальных исследований внутри-семейного контроля рождаемости в России не проводилось, трудно оценить тенденции его изменения во времени. Основываясь на результатах немногих локальных обследований, можно с большой вероятностью утверждать, что структура методов планирования семьи изменилась по сравнению с советскими временами и продолжает меняться. В частности, удельный вес пар, полагающихся на традиционные методы, хотя и остается высоким, имеет тенденцию к сокращению. В 1980-е гг. больше половины женщин, контролирующих рождаемость, использовали только традиционные методы, а по данным РидМиЖ в 2004 г. таких было 23%. Число применяющих гормональные противозачаточные таблетки значительно возросло — с 1—4% в 1980-х гг. до 18% по данным РидМиЖ в 2004 г.

Удельный вес пар с так называемой неудовлетворенной потребностью в планировании семьи, т.е. тех, кто не желает заводить ребенка в ближай-

шее время, здоров, но при этом не применяет никаких средств предохранения, по данным обследования РИДМИЖ, составляет 7% по женской выборке и более 10% по мужской, что, казалось бы, немного. Однако если, следуя международным рекомендациям, к указанной пропорции добавить пары, применяющие только традиционные, малоэффективные методы, то показатели неудовлетворенной потребности возрастут до 23% — очень высокий уровень для развитой страны. В большинстве стран Западной Европы показатель неудовлетворенной потребности в планировании семьи составляет менее 10%¹².

Таким образом, заявляемый респондентами уровень распространенности методов контрацепции в России очень высок, особенно среди молодых поколений. В то же время переход к современному (эффективному) типу планирования семьи в России еще далек от завершения, поскольку пропорция использующих традиционные средства регулирования деторождения остается существенной, уровень провалов (неудач) при использовании разных методов контрацепции высок. В результате остается высоким удельный вес незапланированных беременностей, что и сохраняет базу для высоких показателей абортов.

2.13. Рождаемость в России намного ниже уровня замещения поколений

При анализе рождаемости самостоятельное значение имеет ее оценка с точки зрения соотношения уровня рождаемости и уровня замещения поколений, воспроизводства населения. Последнее зависит не только от рождаемости, но и от смертности, поэтому необходим показатель, учитывающий оба эти процесса. В качестве такого интегрального показателя обычно используется нетто-коэффициент (чистый коэффициент) воспроизводства населения — число девочек, рожденных в среднем одной женщиной и доживающих до среднего возраста, в котором их родила мать. В современных условиях ведущим фактором замещения поколений выступает рождаемость, поскольку смертность в детских и молодых возрастах в России уже давно не носит катастрофического характера и ее дальнейшее снижение не способно существенным образом сказываться на интегральных показателях воспроизводства. Об этом и свидетельствуют данные табл. 2.37, где представлены основные компоненты расчета нетто-коэффициента воспроизводства населения в России.

¹² World Population Monitoring 2002: Reproductive Rights and Reproductive Health. UN Department of Economic and Social Affairs, Population Division. N.Y., 2004.

Таблица 2.37. Компоненты нетто-коэффициента воспроизводства женского поколения, Россия, 1958—2005 гг.

Годы	Среднее число детей на одну женщину	В том числе девочек*	Средний возраст матери	Вероятность для девочки дожить до среднего возраста матери	Нетто-коэффициент воспроизводства	Истинный коэффициент естественного прироста населения, на 1000
1958—1959	2,62	1,28	27,8	0,93	1,19	+6,0
1964—1965	2,14	1,05	27,6	0,93	0,97	—1,1
1968—1969	1,97	1,00	27,2	0,96	0,96	—1,5
1974—1975	1,99	0,97	26,4	0,96	0,93	—2,7
1978—1979	1,90	0,92	25,9	0,96	0,88	—4,9
1984—1985	2,06	1,00	25,8	0,97	0,96	—1,4
1988—1989	2,07	1,01	25,7	0,97	0,98	—0,8
1994—1995	1,37	0,66	24,7	0,97	0,64	—17,8
1998—1999	1,20	0,58	25,5	0,97	0,56	—22,4
2004—2005	1,31	0,64	26,6	0,97	0,62	—18,6
2000	1,19	0,58	25,8	0,97	0,56	—22,2
2001	1,22	0,59	25,9	0,97	0,58	—21,1
2002	1,29	0,62	26,1	0,97	0,61	—19,1
2003	1,32	0,64	26,3	0,97	0,62	—18,0
2004	1,34	0,64	26,4	0,97	0,63	—17,6
2005	1,29	0,63	26,6	0,97	0,61	—19,0

* Эта характеристика в демографии называется брутто-коэффициентом воспроизводства, которая в отличие от нетто-коэффициента не учитывает уровень смертности.

Примечание. Более подробную динамику показателей см.: Население России 2003—2004: Одиннадцатый—двенадцатый ежегодный демографический доклад. М.: Наука, 2006. С. 271—272.

Россия стала одной из первых крупных стран, в которых рождаемость опустилась ниже уровня простого замещения поколений. Это произошло в 1964 г., и тогда нетто-коэффициент воспроизводства ниже единицы наблюдался только в Венгрии, Латвии, Эстонии, Румынии и Японии. В 1968 г.

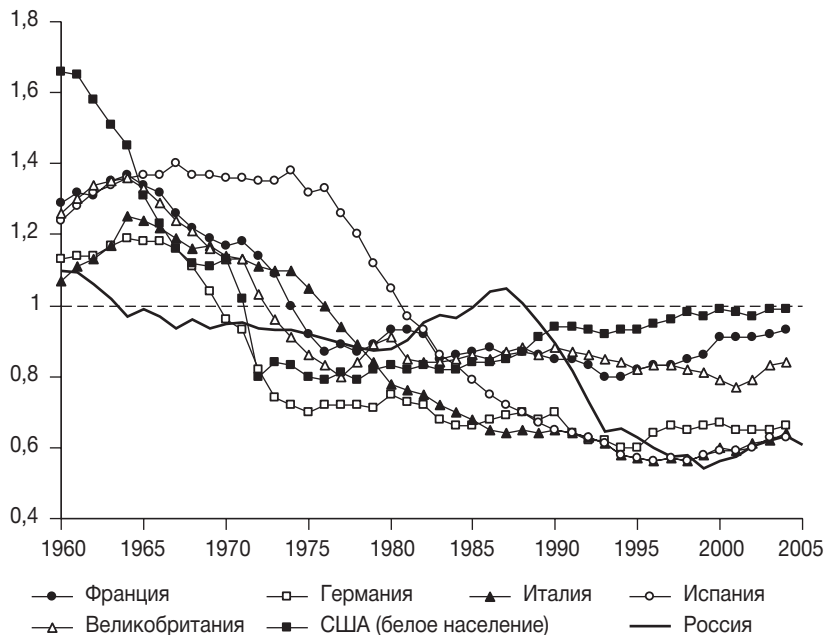

Рис. 2.27. Нетто-коэффициент воспроизводства населения в некоторых странах, 1960—2004 гг.

нетто-коэффициент воспроизводства был ниже, чем в России, только в двух республиках СССР — Украине и Латвии, а также в Чехии.

Однако вскоре положение изменилось. Процесс снижения рождаемости охватил все промышленно развитые страны, и в 1990-е гг. ее уровень практически повсеместно опустился ниже уровня простого замещения поколений. О том, как складывалась динамика нетто-коэффициента воспроизводства населения развитых стран на протяжении последних 45 лет, позволяет судить рис. 2.27, на котором представлено несколько крупных промышленно развитых стран, находящихся сейчас на разных краях спектра значений этого показателя. Из всех развитых стран только в США (в том числе и среди белого населения) значение этого показателя максимально близко приближается к границе простого воспроизводства.

Теперь Россия уже отнюдь не исключение из общего правила. В начале XXI в. уровень рождаемости был недостаточен для простого воспроизводства населения во всех промышленно развитых странах, за исключением США, а в 15 европейских странах нетто-коэффициент воспроизводства населения был ниже, чем в России (рис. 2.28).

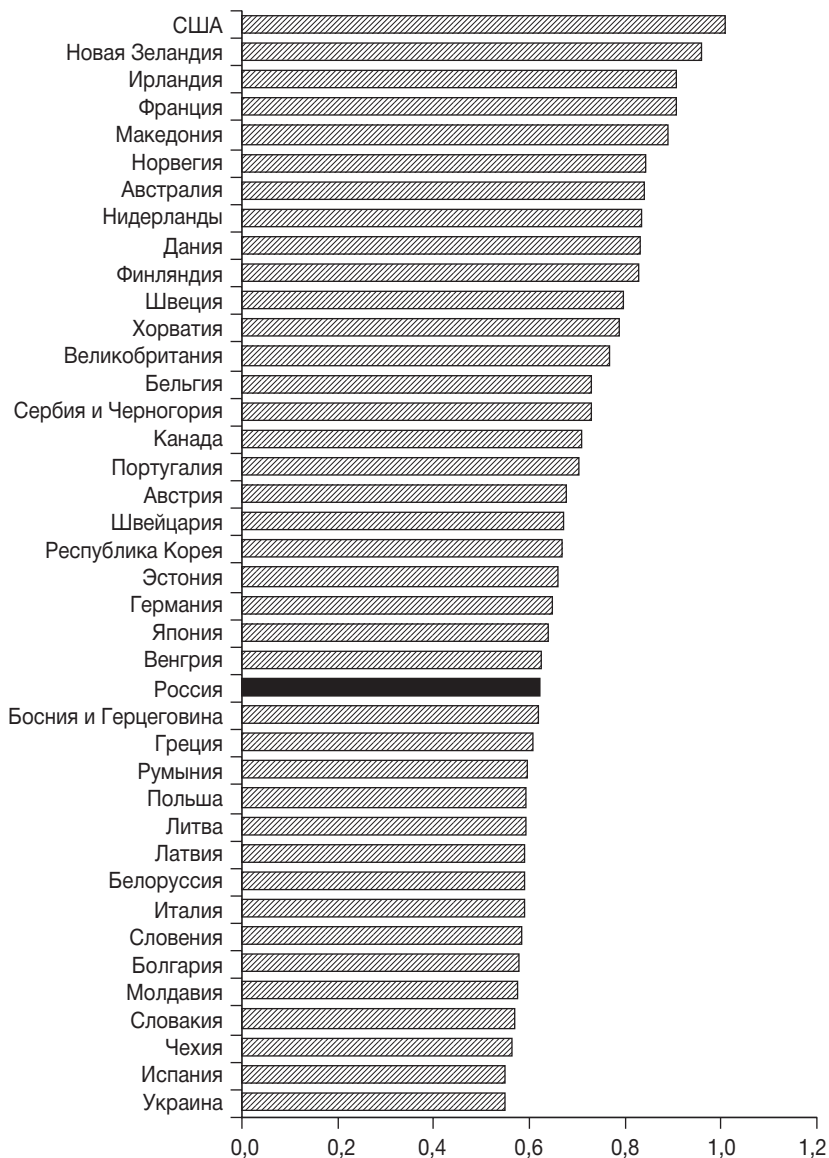

Рис. 2.28. Нетто-коэффициент воспроизводства населения в 40 промышленно развитых странах в 2002 г.

Наблюдаемый в 2004—2005 гг. нетто-коэффициент воспроизводства (0,61—0,63) указывает на то, что с учетом смертности текущий уровень рождаемости обеспечивает замещение поколений нынешних матерей лишь на 62%. Фактически это означает, что если на протяжении двух-трех десятилетий текущие (т.е. наблюдаемые в годы исчисления показателя) режимы рождаемости и смертности не будут меняться, то каждое последующее дочернее поколение будет меньше предыдущего на 38%. В таком стабильном (т.е. имеющем неизменный режим воспроизводства) населении ежегодный коэффициент естественного прироста (так называемый истинный коэффициент естественного прироста) будет отрицательным на уровне 18—19 на 1000 населения и численность населения страны, закрытой для миграции, станет сокращаться почти на 2% в год.

В 2005 г. фактический коэффициент естественного прироста в России составил —5,9‰ — по абсолютной величине он втрое меньше истинного коэффициента. Причина расхождения объясняется тем, что возрастная структура населения России по степени постарения еще не соответствует сегодняшним уровням рождаемости и смертности. Но если нынешние тенденции сохранятся, коэффициент естественного прироста будет приближаться к истинному.

Хотя российские показатели смертности, в том числе и в детском, и в материнском возрасте, далеки от идеала, которым для России служат другие развитые страны с точки зрения показателей воспроизводства населения, имеющиеся резервы не велики. Если в России 97% девочек доживает до среднего возраста матери, то лучшие показатели в мире — 98—99%. Даже если предположить, что ни одна девочка, родившаяся в 2004—2005 гг., не умрет и сможет стать матерью, то это смогло бы всего лишь увеличить нетто-коэффициент воспроизводства с наблюдаемого 0,62 до 0,64. Весьма значительные колебания смертности в России, отмеченные в 1980—1990-х гг., практически никак не сказались на обсуждаемых характеристиках воспроизводства (различия в значениях вероятности дожития до среднего возраста матери касались третьего знака после запятой). Происходившее снижение младенческой смертности даже несколько их улучшало. Роль младенческой смертности действительно серьезна, поскольку около 50% всех женских смертей от рождения до среднего возраста матери приходится на возраст до одного года, что является исторически постоянной величиной, практически не зависящей от страны, эпохи и общего уровня смертности. Однако принципиальным образом изменить в лучшую сторону показатели воспроизводства населения могут только повышение рождаемости у ныне живущих поколений и семейная иммиграция, если в среде мигрантов рождаемость будет выше, чем у проживающих сегодня на территории России.

Опыт развитых стран показывает, что интенсивность деторождения у мигрантов, особенно в первые годы проживания в принимающей стране, как правило, выше, чем у женщин того же возраста в стране выезда, но затем различия у недавних мигрантов и у родившихся в стране-реципиенте довольно быстро сглаживаются. Тем не менее итоговая рождаемость у женщин-мигранток, как правило, в среднем выше, чем у женщин — местных уроженок. Так, во Франции в 1990-х гг. итоговый показатель рождаемости у женщин, родившихся за пределами Франции (более 10% всего населения страны), был на 0,46 ребенка в расчете на одну женщину выше, чем у уроженок Франции (2,16 против 1,70)¹³. В Великобритании в 2004 г. 19,5% всех рождений было обеспечено матерями, родившимися за пределами туманного Альбиона (около 9% всего населения), причем вклад мигрантов в общее число рождений в этой стране неуклонно увеличивается с конца 1980-х гг.¹⁴ Таким образом, общий уровень рождаемости во Франции и Великобритании, будучи выше среднего по Европе, видимо, в значительной мере поддерживается за счет мигрантов. Еще большее влияние миграция оказывает на показатели рождаемости и естественного прироста в Канаде. Коэффициент суммарной рождаемости в расчете на одну женщину, приехавшую в Канаду в 1996—2001 гг., составил 1,82, в то время как для местных уроженок этот показатель был 1,47. Замечено также, что рождаемость у женщин, въехавших с родителями до 15 лет и завершавших свое образование в Канаде, слабо отличается в большую сторону от уроженок Канады. А во втором поколении мигранты имеют такую же или даже более низкую рождаемость¹⁵.

Воздействие миграции на число рождений не ограничивается более высокой интенсивностью деторождения в семьях мигрантов. Мигрируют в большинстве своем молодые люди, что благотворно сказывается на возрастной структуре населения, а это в свою очередь увеличивает число браков и рождений и соответственно тормозит переход к устойчивому отрицательному естественному приросту развитых странах Запада. Как отмечалось в главе 1, сейчас стран с естественной убылью населения в мире не так уж много.

В то же время возможность перехода к отрицательному балансу рождений и смертей во всех развитых странах следует рассматривать как весьма вероятную угрозу, о чем предупреждают величина нетто-коэффициента воспроизводства меньше единицы и соответственно величина истинного коэффициента естественного прироста ниже нуля, поддерживающиеся в них с середины 1970-х гг.

¹³ *Toulemon L.* Fertility Among Immigrant Women in France: New Data, New Approach. Paper prepared for the 2006 PAA Annual Meeting. Los Angeles, CA, March 30 — April 1, 2006.

¹⁴ *Chamberlain J.* Current Trends and Issues in British Fertility Analysis. National Statistics. L., 2005.

¹⁵ The Daily. Statistics Canada. 2003. December 22.

3. Здоровье

3.1. Заболеваемость россиян растет

В течение последних 15 лет учитываемая общая заболеваемость населения России устойчиво возрастает¹. Если в 1990 г. было зарегистрировано 158,3 млн случаев заболеваний (или 1070 на 1000 человек постоянного населения), то в 2005 г. — 207,8 млн (1452). Таким образом, абсолютное число случаев заболеваний увеличилось на 31,2%, а показатель общей заболеваемости с учетом сокращения численности населения — на 35,7%. В 2005 г. уровень общей заболеваемости повысился по сравнению с 2004 г. на 2,2%, а абсолютное число всех зарегистрированных заболеваний в течение года увеличилось на 1,7%.

Первичная заболеваемость также росла, хотя и с некоторыми колебаниями, которые наблюдались и ранее (табл. 3.1, рис. 3.1).

Постепенно менялась и структура заболеваемости. Если в начале 1990-х гг. более половины случаев заболеваний, зарегистрированных впервые, относилось к классу болезней органов дыхания (51,6% в 1990 г.), то сейчас — всего лишь около 40% (39,6% в 2005 г.), что обусловлено некоторым снижением уровня заболеваемости болезнями органов дыхания при одновременном росте заболеваемости по другим классам болезней. В структуре общей заболеваемости доля болезней органов дыхания снизилась с 35,7% в 1990 г. до 24,2% в 2005 г.

За 2004 г. уровень первичной заболеваемости болезнями органов дыхания снизился на 5,4% (с 310,6 до 294,0 случаев на 1000 человек населения),

¹ Заболеваемость характеризуется числом случаев заболеваний, зарегистрированных, выявленных (или взятых под диспансерное наблюдение) в течение года при обращении населения в лечебно-профилактические учреждения или при профилактическом осмотре, а уровень заболеваемости — отношением числа случаев заболеваний к среднегодовой численности постоянного населения. Обычно статистика оперирует данными о первичной заболеваемости, которая регистрируется при установлении данного диагноза впервые в жизни пациента. Кроме того, используются показатели общей заболеваемости, которая характеризуется общим числом всех случаев заболеваний, зарегистрированных в течение года. При этом учитываются как случаи заболеваний, зарегистрированные впервые в жизни в данном году, так и случаи заболеваний, которые были зарегистрированы ранее (в другие годы) и по поводу которых были обращения в данном году. Для статистической разработки данных о заболеваемости населения до 1999 г. применялась Международная статистическая классификация болезней, травм и причин смерти (IX пересмотр Всемирной организации здравоохранения — ВОЗ, 1975 г.), а начиная с 1999 г. — Международная статистическая классификация болезней и проблем, связанных со здоровьем (X пересмотр ВОЗ, 1989 г.).

Таблица 3.1. Первичная заболеваемость населения РФ, всего (зарегистрировано больных с диагнозом, установленным впервые в жизни)

Годы	Тысяч	На 1000 человек населения
1990	96322	651
1995	100 306	676
2000	106 328	731
2001	104 322	720
2002	106 742	740
2003	107 385	749
2004	106 287	745
2005	105 886	746

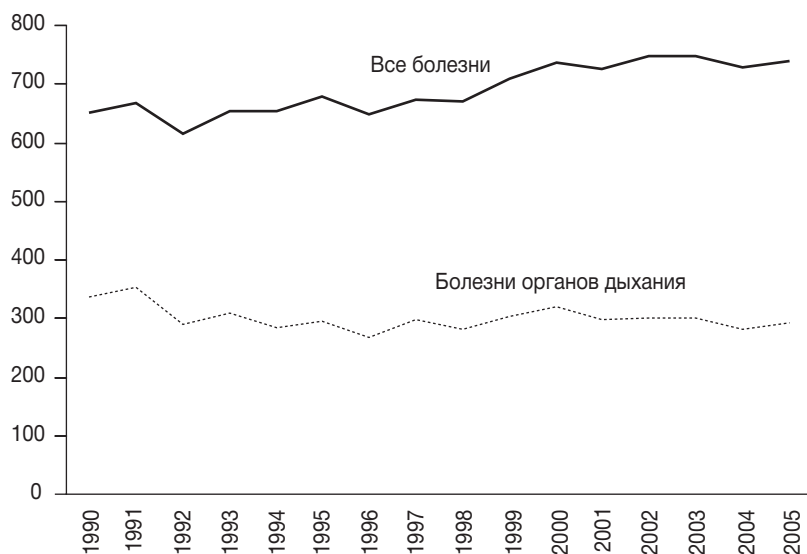

Рис. 3.1. Первичная заболеваемость населения РФ всеми болезнями и болезнями органов дыхания (число случаев заболеваний, зарегистрированных впервые в жизни, на 1000 населения), 1990—2005 гг.

а по сравнению с 1990 г. — на 12,5% (336,1). Уровень общей заболеваемости болезнями органов дыхания снизился по сравнению с 2003 г. на 4,1%, а по сравнению с 1990 г. — на 8,0%. Напротив, в 2005 г. по сравнению с 2004 г. первичная заболеваемость болезнями органов дыхания увеличилась на 0,4% и составила 295,3 случая на 1000 населения, а уровень общей заболеваемости — на 0,9% (351,0‰).

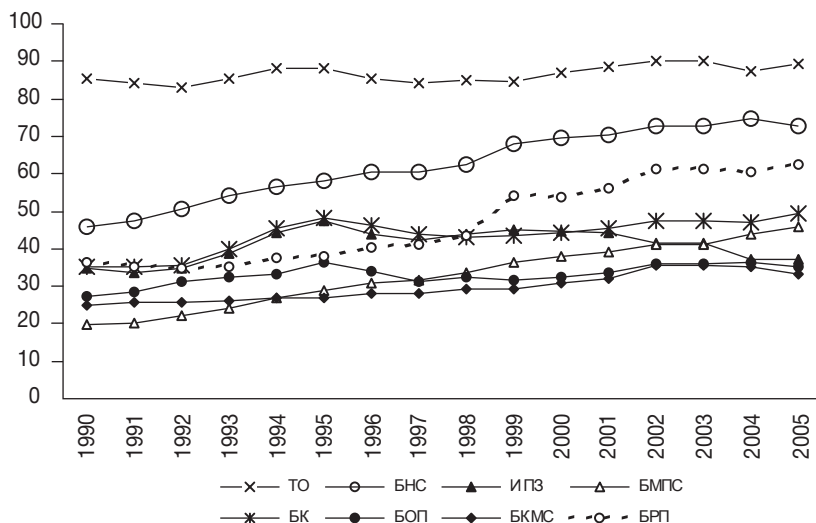
На втором месте по числу первичных обращений — со значительным отрывом от болезней органов дыхания — стоят травмы, отравления и некоторые другие последствия воздействия внешних причин, хотя их доля также немного сократилась — с 13,1% в 1990 г. до уровня около 12,1% в 2005 г.

В общей же заболеваемости доля этой группы патологических состояний уменьшилась с 8,1% в 1990 г. до 6,3% в 2005 г. и отодвинулась с 4—5-го места в 1990 г. — наряду с болезнями органов пищеварения после болезней органов дыхания, нервной системы и органов чувств и системы кровообращения — на 7-е место в 2005 г. «пропустив» на 5-е и 6-е места соответственно болезни глаза и его придаточного аппарата и болезни мочеполовой системы.

Третье место по первичной обращаемости занимают болезни нервной системы и органов чувств (9,8% в 2005 г. против 7,0% в 1990 г.), четвертое — осложнения беременности, родов и послеродового периода (8,4% против 5,6%). И хотя эти и другие основные классы заболеваний по первичной обращаемости относительно менее значимы, чем болезни органов дыхания, по многим из них наблюдается заметный рост уровня заболеваемости (рис. 3.2, 3.3).

Так, уровень первичной заболеваемости болезнями крови, кроветворных органов и отдельными нарушениями, вовлекающими иммунный механизм, увеличился за 1990—2005 гг. почти в 3,5 раза, а болезнями эндокринной системы, расстройствами питания и нарушениями иммунной системы — в 2,5 раза. За 1990—2005 гг. в 2,4 раза возрос уровень заболеваемости болезнями мочеполовой системы, в 2,0 раза — болезнями системы кровообращения, в 1,7 раза — новообразованиями, осложнениями беременности, родов и послеродового периода, в 1,6 раза — болезнями нервной системы и органов чувств.

Рост уровня первичной заболеваемости по большинству основных классов заболеваний сохранялся и в 2005 г. Более значительно увеличился ее уровень по болезням мочеполовой системы (на 4,9%), болезням кожи и подкожной клетчатки (4,7%) и, как уже отмечалось ранее, болезням органов дыхания (4,2%). Вместе с тем отмечалось значительное снижение уровня первичной заболеваемости по классам психических расстройств и расстройств поведения (–18,0%) и врожденных аномалий (пороков развития), деформаций и хромосомных нарушений (–13,9%). Кроме того, снижение первичной заболеваемости, хоть и менее значительное (около 4,0—6,0%) отмечалось

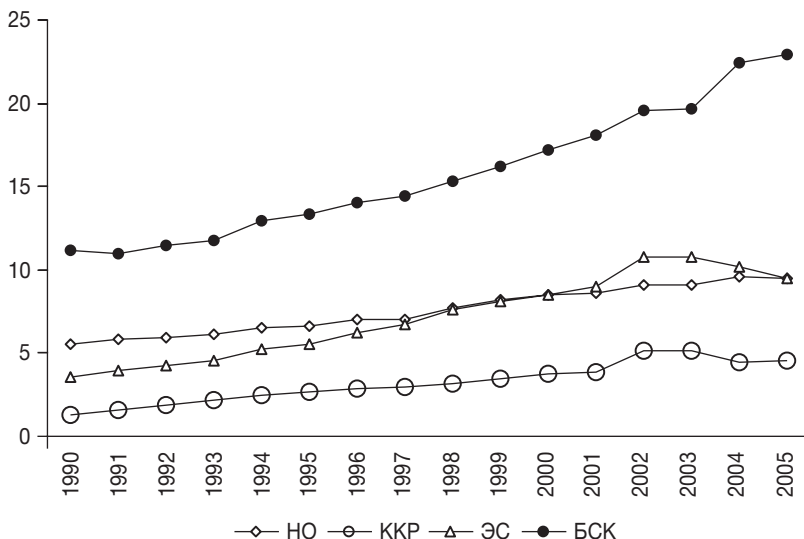

ТО — травмы, отравления и некоторые другие последствия воздействия внешних причин;
 БНС — болезни нервной системы и органов чувств (глаза и его придаточного аппарата, уха и сосцевидного отростка);
 ИПЗ — некоторые инфекционные и паразитарные болезни;
 БМПС — болезни мочеполовой системы;
 БК — болезни кожи и подкожной клетчатки;
 БОП — болезни органов пищеварения;
 БКМС — болезни костно-мышечной системы и соединительной ткани;
 БРП — осложнения беременности, родов и послеродового периода на 1000 женщин в возрасте 15—49 лет

Рис. 3.2. Первичная заболеваемость населения РФ по некоторым основным классам болезней (число случаев заболеваний, зарегистрированных впервые в жизни, на 1000 населения), 1990—2005 гг.

по таким классам болезней, как: болезни нервной системы (–6,6%); болезни эндокринной системы, расстройства питания и нарушения обмена веществ (–6,2%); болезни костно-мышечной системы и соединительной ткани (–5,4%); болезни глаза и его придаточного аппарата (–4,8%).

Устойчиво и быстро растет заболеваемость болезнями системы кровообращения. Первичная заболеваемость по этому классу заболеваний составила в 2005 г. 23,1 на 1000 человек против 17,1 в 2000 г. и 11,2 в 1990 г. Но если в структуре первичной заболеваемости этот класс болезней до сих пор занимает относительно скромное место — 3,1% случаев заболеваний, зарегистрированных впервые в 2005 г. (3,3 млн случаев), то в структуре общей

НО — новообразования;

ККР — болезни крови и кроветворных органов;

ЭС — болезни эндокринной системы, расстройства питания, нарушения обмена веществ и иммунитета;

БСК — болезни системы кровообращения

Рис. 3.3. Первичная заболеваемость населения РФ по некоторым основным классам болезней (число случаев заболеваний, зарегистрированных впервые в жизни, на 1000 населения), 1990—2005 гг.

заболеваемости, несомненно, более важное — 13,3% от общего числа всех зарегистрированных случаев заболеваний (27,6 млн случаев). В 1990 г. болезни системы кровообращения составляли 1,7% первичной заболеваемости (1,7 млн случаев) и 9,2% общей заболеваемости (14,6 млн случаев).

3.2. Заболеваемость гриппом самая низкая за последние 35 лет

Эпидемиологическая обстановка на территории Российской Федерации в 2005 г. характеризовалась незначительным ростом инфекционной заболеваемости — в течение года было зарегистрировано более 30 млн случаев заболеваний различными инфекционными болезнями, что на 1,6% больше, чем в 2004 г. Однако это заметно меньше, чем было в предшествующие годы (33,8 млн случаев в 2003 г., 39,7 млн случаев в 2000 г.).

В структуре инфекционной заболеваемости населения России преобладают острые респираторно-вирусные инфекции (свыше 90%). На долю кишечных инфекций приходится 2—3% случаев, на остальные инфекции — по 1% и менее. Среди случаев заболеваний острыми респираторно-вирусными и кишечными инфекциями, как правило, более половины (55—60%) случаев регистрируется у детей в возрасте до 14 лет.

В группе острых респираторно-вирусных инфекций выделяются острые инфекции верхних дыхательных путей и грипп. Заболеваемость острыми инфекциями верхних дыхательных путей довольно быстро снижалась с середины 80-х гг. — с 24 528 случаев заболеваний на 100 тыс. человек в 1985 г. до 15 798 в 1996 г. Но в 1997 г. эта тенденция сменилась тенденцией повышения заболеваемости населения острыми инфекциями верхних дыхательных путей, уровень которой к 2000 г. поднялся до 20 156 случаев заболеваний на 100 тыс. человек. Затем она вновь незначительно снижалась и повышалась, составив в 2005 г. 19 315, что на 1,7% выше, чем было в предшествующем 2004 г. (рис. 3.4). Тенденция снижения заболеваемости гриппом была более устойчивой, хотя и сопровождалась довольно значительными колебаниями. Уровень заболеваемости гриппом в 2004—2005 гг. был самым низким за последние 35 лет — 641 случай заболеваний на 100 тыс. человек в 2005 г., что на 0,5% ниже, чем было в 2004 г., и в 8—9 раз меньше, чем регистрировалось в 1980-е и начале 1990-х гг.

Рис. 3.4. Первичная заболеваемость населения РФ острыми респираторно-вирусными инфекциями (число случаев заболеваний, зарегистрированных впервые в жизни, на 100 000 населения), 1970—2005 гг.

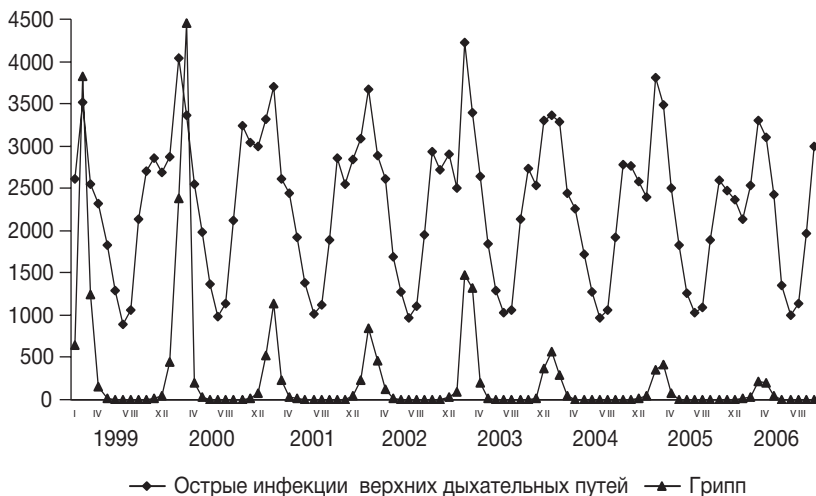

Рис. 3.5. Заболеваемость населения РФ острыми респираторно-вирусными инфекциями (число случаев, тысяч, впервые зарегистрированных, по месяцам), 1999—2006 гг.

В последнее десятилетие высокая заболеваемость гриппом отмечалась в 1997 (5202 на 100 тыс. человек), 1999 (4171), 2000 (2960) и 2003 гг. (2399 на 100 тыс. человек). Повышение заболеваемости гриппом происходит на фоне роста заболеваемости острыми инфекциями верхних дыхательных путей и носит ярко выраженный сезонный характер (рис. 3.5). Наибольшее число заболеваний гриппом отмечается, как правило, в феврале, хотя иногда пик заболеваемости приходится на январь (2004 г.) или март (2005 г.). Наибольшее число случаев заболеваний острыми инфекциями верхних дыхательных путей обычно также приходится на эти месяцы, хотя и нередко всплески заболеваемости в последние месяцы года. Всего за 2005 г. было зарегистрировано 26 718,2 тыс. случаев заболеваний острыми инфекциями верхних дыхательных путей, а гриппом — 917,8 тыс. случаев.

Снижение заболеваемости острыми кишечными инфекциями также является долговременной тенденцией — по сравнению с серединой 1970-х гг. ее уровень снизился примерно втрое (рис. 3.6). Но эта тенденция дважды нарушалась в 90-е гг., рост заболеваемости острыми кишечными инфекциями отмечался и в 2005 г., когда было зарегистрировано 632,8 тыс. случаев заболеваний этими болезнями, что на 3,7% больше, чем в 2004 г. (442,1 против 424,3 случая заболеваний в расчете на 100 тыс. человек).

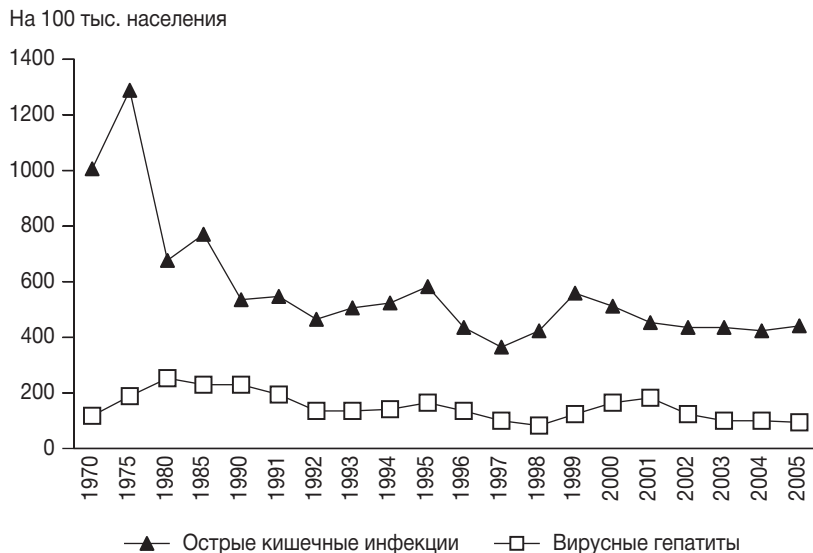

Рис. 3.6. Первичная заболеваемость населения РФ острыми кишечными инфекциями и вирусными гепатитами (число впервые зарегистрированных случаев, тысяч, по месяцам), 1970—2005 гг.

Заболеваемость вирусными гепатитами после роста, наблюдавшего-ся в 1970-е гг., снижалась, хотя и с некоторыми отклонениями в середине 1990-х гг., — ее уровень снизился с 254,6 случая заболеваний на 100 тыс. человек в 1980 г. до 83,7 в 1998 г. В 1999 г. она вновь стала расти, поднявшись к 2001 г. до уровня 181,4 на 100 тыс. человек. После этого снижение заболеваемости вирусными гепатитами возобновилось. В 2005 г. было зарегистрировано 133,2 тыс. случаев заболеваний вирусными гепатитами, что на 6,5% меньше, чем в 2004 г. (хотя в 2004 г. отмечался рост на 0,8% по сравнению с 2003 г.). Небольшой рост заболеваемости наблюдался только по группе острого гепатита *A* — на 0,7% (в 2004 г. — на 7,4%), показатель составил в 2005 г. 30,2 на 100 тыс. населения (2004 г. — 30,0). Доля вирусного гепатита *A* в структуре вирусных гепатитов увеличилась с 31,0% в 1999 г. до 63,8% в 2004 г. и до 66,8% в 2005 г.

Заболеваемость вирусным гепатитом *B*, напротив, продолжала снижаться (на 17,1% по сравнению с 2004 г., а в 2004 — на 19,9% по сравнению с 2003 г.). Одной из основных причин снижения заболеваемости вирусным гепатитом *B* является массовая вакцинация детей против данной инфек-

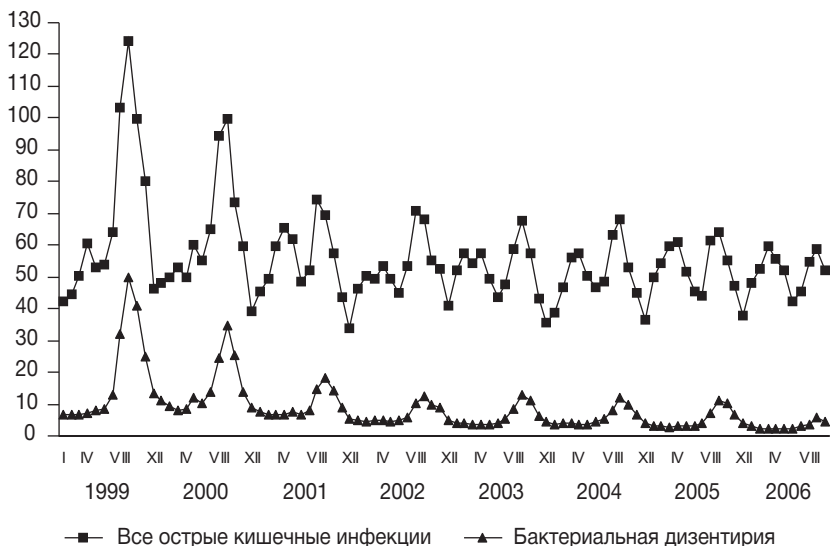

Рис. 3.7. Первичная заболеваемость населения РФ острыми кишечными инфекциями (число впервые зарегистрированных случаев, тысяч, по месяцам), 1999—2006 гг.

ции. Среди заболевших вирусными гепатитами в 2005 г. дети в возрасте до 14 лет составляли 10,8% (в 2004 — 11,6%, в 2000 — 16,8%, в 1995 — 36,6%, в 1990 г. — 55,8%).

Заболеваемость острыми кишечными инфекциями также носит ярко выраженный сезонный характер — наибольшее число случаев заболеваний острыми кишечными инфекциями регистрируется в августе—сентябре, в том числе бактериальной дизентерией — в сентябре (рис. 3.7).

3.3. «Болезни социального неблагополучия» не отступают

Заболеваемость «болезнями социального неблагополучия» инфекционного и неинфекционного характера вызывает особую тревогу.

Уровень заболеваемости инфекциями «социального неблагополучия» остается высоким, несмотря на снижение, регистрируемое по некоторым из них в последние годы (рис. 3.8).

Так, быстрый рост заболеваемости активным туберкулезом в 1990-е гг. привел к повышению ее уровня до 89,8 заболевшего на 100 тыс. человек в 2000 г. (130,7 тыс. человек) и до 270,1 состоящего на учете в лечебно-про-

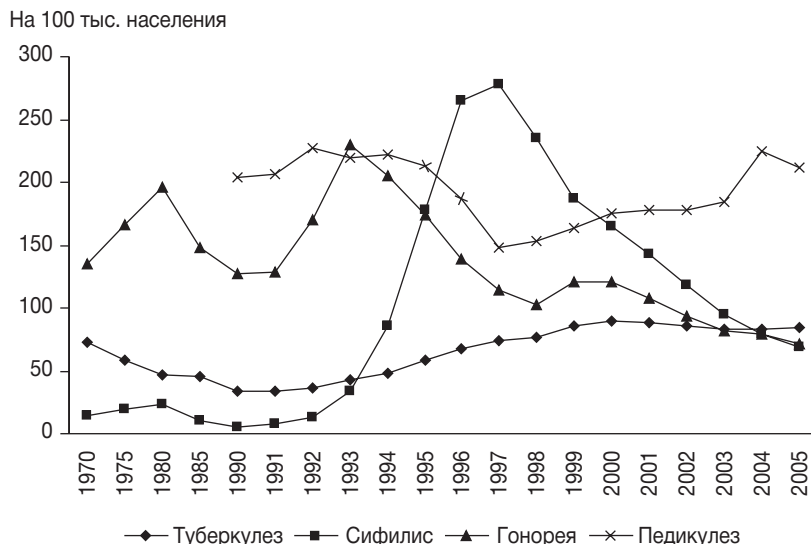

Рис. 3.8. Первичная заболеваемость населения РФ болезнями «социального неблагополучия» (число случаев впервые зарегистрированных, на 100 тыс. населения), 1970—2005 гг.

филактических учреждениях в расчете на 100 тыс. человек в конце 2002 г. (388,6 тыс. человек). В последние годы заболеваемость туберкулезом немного сократилась: за 2005 г. было вновь выявлено 119,2 тыс. больных активным туберкулезом (84,0 на 100 тыс. человек), хотя это больше на 0,3% (0,8%), чем в 2004 г., и на учете в лечебно-профилактических учреждениях на конец 2005 г. состояло 298,5 тыс. человек (210,8). Однако уровень заболеваемости туберкулезом в других европейских странах, где также наблюдался ее рост, в несколько раз ниже — менее 10—20 заболевших на 100 тыс. населения. Наиболее близки к России по уровню заболеваемости туберкулезом Украина (101,0 заболевших в 2004 г. на 100 тыс. населения), Литва (63,0) и Латвия (68,0)².

Остается высоким число регистрируемых случаев педикулеза — болезни военных лет, безнадзорных детей и бездомных людей. В 2005 г. было выявлено более 303,4 тыс. случаев заболеваний педикулезом. Это на 5,9% меньше, чем было зарегистрировано в 2004 г., но заметно выше, чем регистри-

² HFA: www.euro.who.int/eprise/main/WHO/InformationSources/Data/20011017_1?language=Russian

ровалось в конце 1990-х гг. — 212,0 на 100 тыс. населения в 2005 г. против 148,1 в 1997 г.

После всплеска заболеваемости инфекциями, передаваемыми преимущественно половым путем, в первой половине 90-х гг. уровень заболеваемости венерическими болезнями постепенно снижается, но все еще остается высоким. В 2005 г. было выявлено 97,9 тыс. случаев заболеваний сифилисом (на 13,6% меньше, чем в 2004 г.) и 101,8 тыс. случаев заболеваний гонореей (на 9,9% меньше). Сокращается и число больных сифилисом, состоящих на учете в лечебно-профилактических учреждениях: если на начало 2001 г. их было около 731,9 тыс., то на начало 2006 г. — 409,3 тыс. При этом высок удельный вес больных, источники заражения которых не выявлены и не привлечены к лечению, — около 80% среди заболевших сифилисом и 88% среди заболевших гонореей (в 1990 г. соответственно 40 и 60%, в 1995 г. — 70 и 82%).

Как и в случае с другими инфекционными болезнями, заболеваемость инфекционными болезнями «социального неблагополучия» подвержена ярко выраженным сезонным колебаниям (рис. 3.9). Больше всего больных туберкулезом выявляется в декабре (возможно, это связано с календарем профилактических осмотров, в ходе которых выявлено более половины заболевших с впервые установленным диагнозом — 53,5% в 2004 г.). Число людей, заразившихся педикулезом, возрастает в осенне-зимние месяцы и резко снижается в летние. Пик заболеваемости гонореей обычно приходится на сентябрь, сифилисом — на декабрь.

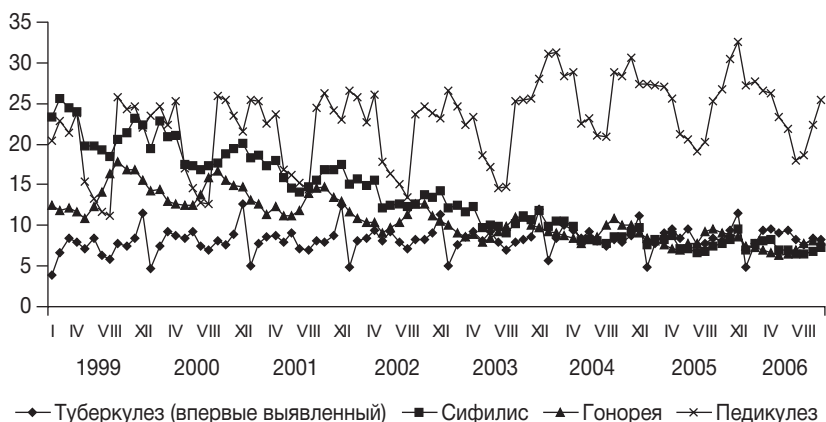

Рис. 3.9. Заболеваемость населения РФ болезнями «социального неблагополучия» (тыс. человек с впервые установленным диагнозом, по месяцам), 1999—2005 гг.

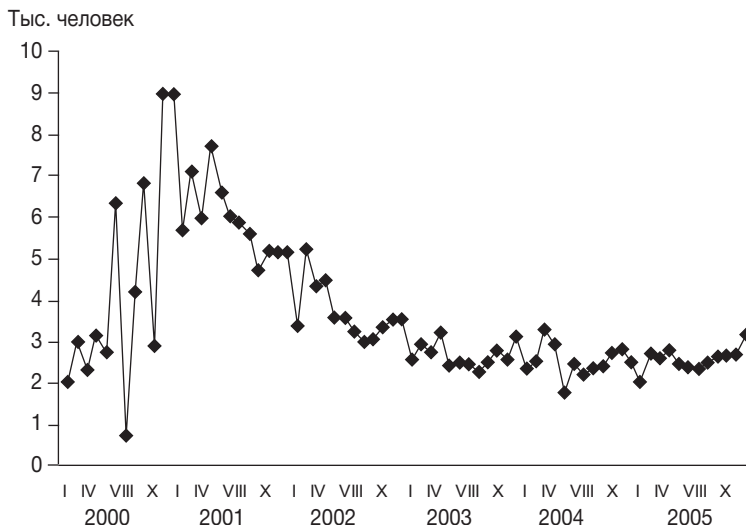

Рис. 3.10. Число регистрируемых случаев заболеваний с впервые установленным диагнозом ВИЧ-инфекция и СПИД в РФ, тыс. человек, по месяцам, 2000—2005 гг.

В 2005 г. возобновился рост числа инфицированных вирусом иммунодефицита (ВИЧ). Если в 2000 г. было зарегистрировано 50,2 тыс. заболевших с впервые установленным диагнозом ВИЧ-инфекции, а в 2001 г. — 70,6, то в 2002 г. — 44,3, в 2003 — 31,9, а в 2004 — 30,2 тыс. человек. В 2005 г. было зарегистрировано 30 299 человек с впервые установленным диагнозом ВИЧ-инфекции (на 0,8% больше, чем в 2004 г.), в том числе 640 случаев у детей в возрасте до 14 лет включительно (на 11,5% больше, чем в 2004 г.) или в расчете на 100 тыс. населения это составило 21,07 для всего населения и 2,88 у детей. По-прежнему высокие показатели отмечаются в Санкт-Петербурге и Ленинградской области (16,3% всех выявленных больных), Москве и Московской области (15,1%), Иркутской (5,5%), Самарской (4,5%), Тюменской (4,3%) областях.

Кроме того, высокая инфицированность детей отмечается во Владимирской (23,25 на 100 тыс. детей), Орловской (15,67), Ленинградской (10,59), Свердловской (9,77), Иркутской (8,92) областях.

Сохраняется высокий уровень заболеваемости населения психическими расстройствами и расстройствами поведения, связанными с употреблением психоактивных веществ.

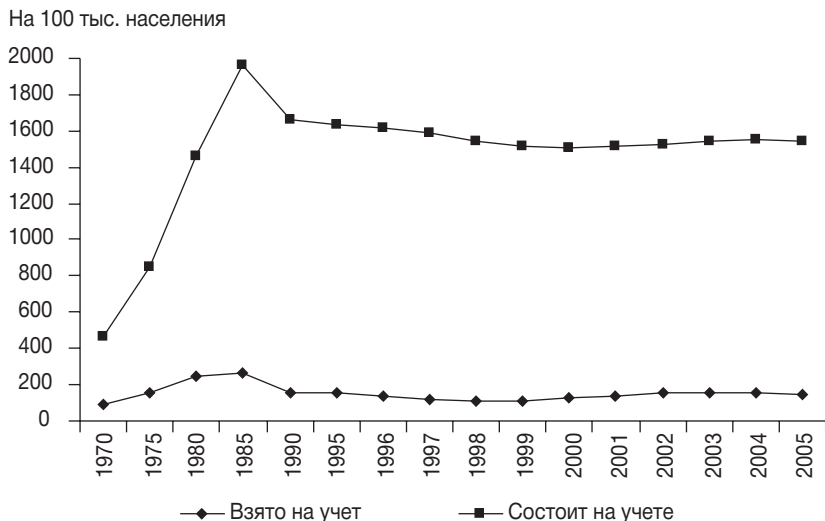

Рис. 3.11. Заболеваемость населения РФ алкоголизмом и алкогольными психозами, на 100 тыс. населения, 1970—2005 гг.

На начало 2006 г. в лечебно-профилактических учреждениях с диагнозом алкоголизм и алкогольные психозы состояло на учете 2191 тыс. человек, или 1547 на 100 тыс. населения (наиболее высокий показатель был зарегистрирован в 1985 г. — 2812 тыс. человек, или 1959 на 100 тыс. населения). Под наблюдение с впервые установленным диагнозом в 2005 г. было взято 209,2 тыс. человек (147,4 на 100 тыс. населения), что несколько меньше, чем в 2002—2004 гг., но больше, чем в 1996—2001 гг. (рис. 3.11).

Постоянно растет число лиц, состоящих на учете в лечебно-профилактических учреждениях с диагнозом наркомания и токсикомания, которое увеличилось с 10,4 тыс. человек (7,9 на 100 тыс. населения) в 1970 г. до 342,5 тыс. человек (241,9 на 100 тыс. населения) в 2005 г. (рис. 3.12). Вместе с тем число взятых под наблюдение с впервые установленным диагнозом нарко- и токсикомания в последние годы сократилось в 2—3 раза по сравнению с 1997—2001 гг. Кроме того, в 2005 г. на профилактический учет было взято в связи с употреблением алкоголя с вредными последствиями 157,0 тыс. человек, наркотических веществ — 35,9 тыс. и ненаркотических веществ — 8,2 тыс. человек. Таким образом, заболеваемость алкоголизмом остается, по данным регистрации, на порядок выше, чем заболеваемость наркоманией и токсикоманией.

Несколько иные тенденции заболеваемости психическими расстройствами и расстройствами поведения, связанными с употреблением психо-

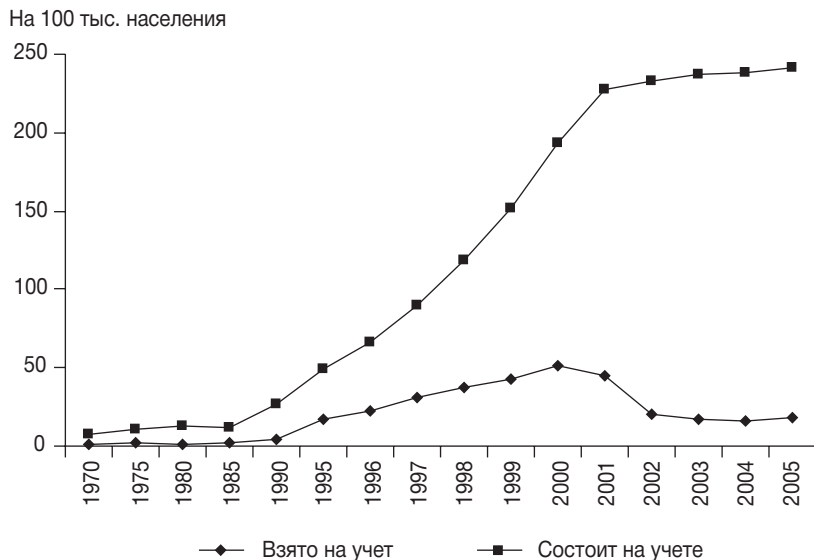

Рис. 3.12. Заболеваемость населения РФ наркоманиями и токсикоманиями, на 100 тыс. населения, 1970—2005 гг.

активных веществ, характерны для подростков 15—17 лет (рис. 3.13). Если в 1990-е гг. наиболее острой была проблема роста наркомании, то в последние годы на первый план вновь выходит проблема токсикомании и алкоголизма.

Заболеваемость наркоманией достигла пика в 2000 г., когда под наблюдение было взято 6122 подростка, а на учете в лечебно-профилактических учреждениях к концу года состояло 9062 подростка (на профилактическом учете — 16 тыс.). Затем регистрируемая заболеваемость наркоманией среди подростков существенно снизилась — в 2005 г. под наблюдением с впервые установленным диагнозом наркомании было взято 750 подростков, а на учете в лечебно-профилактических учреждениях к концу года состояло 1443 человека 15—17 лет (7,8 тыс. — на профилактическом учете).

Что касается токсикомании, то в 2005 г. впервые установлен такой диагноз был у 906 подростков, а на учете состояли 4193 подростка (на профилактическом учете — 11 тыс.).

Психические расстройства и расстройства поведения, связанные с употреблением психоактивных веществ, регистрируются и у детей до 14 лет. В этой группе населения в большей степени распространена токсикомания: в 2005 г. под наблюдение было взято 618 человек, 1642 состояли на учете в

Рис. 3.13. Заболеваемость подростков 15—17 лет психическими расстройствами и расстройствами поведения, связанными с употреблением психоактивных веществ, на 100 тыс. человек соответствующего возраста, РФ, 1970—2005 гг.

лечебно-профилактических учреждениях к концу года, а 5,6 тыс. — на профилактическом учете.

3.4. Продолжительность здоровой жизни остается низкой

В последнее время все большее распространение получают показатели, позволяющие давать обобщенную оценку состояния здоровья населения и потерь, связанных с тем, что часть жизни людей проходит в состоянии болезни и (или) инвалидности.

Один из таких показателей — ожидаемая продолжительность здоровой жизни, ОПЗЖ (Healthy life expectancy, HALE). С его помощью оценивается продолжительность жизни в полностью здоровом состоянии, т.е. без инвалидности. Эксперты Всемирной организации здравоохранения выполнили оценку этого показателя за ряд лет для многих стран. В табл. 3.2 приведены такие оценки для России и еще трех крупных европейских стран.

Различия в ОПЗЖ между Россией и Западной Европой более весомые, чем различия в ожидаемой продолжительности жизни при рождении, различие увеличивается за счет того, что к невыгодной для России разнице в числе прожитых лет добавляется разница в числе лет, прожитых без болезней и инвалидности, которая тоже складывается не в пользу России. По сравнению с другими странами Россия имеет один из наиболее низких показателей ОПЗЖ, на постсоветском пространстве в 2002 г. он был ниже только в бывших республиках Средней Азии. Для 2002 г. (последний год, за который приводятся данные) различия между приведенными в табл. 3.2 странами и Россией составляют для мужчин 16—18 лет, для женщин — 8—10 лет. Для России характерен один из самых больших гендерных разрывов в уровне этого показателя, что служит свидетельством как сверхсмертности российских мужчин в трудоспособном возрасте, так и плохого состояния их здоровья.

Таблица 3.2. Ожидаемая продолжительность здоровой жизни при рождении в России, Великобритании, Германии и Франции в 1999—2002 гг.³

Страна	Мужчины				Женщины				Всего			
	1999	2000	2001	2002	1999	2000	2001	2002	1999	2000	2001	2002
Россия	56,1	51,4	51,5	52,8	66,4	61,8	61,9	64,3	61,25	56,6	56,7	58,6
Велико- британия	69,7	68,0	68,4	69,1	73,7	70,4	70,9	72,1	71,7	69,2	69,6	70,6
Германия	67,4	68,1	68,3	69,6	73,5	72,1	72,2	74,0	70,45	70,1	70,2	71,8
Франция	69,3	68,9	69,0	69,3	76,9	73,4	73,5	74,7	73,1	71,1	71,3	72,0
Италия	70,0	69,1	69,2	70,7	75,4	72,8	72,9	74,7	72,7	70,9	71,0	72,7

Источник: ВОЗ, Европейская база данных «Health for all».

Еще один демографический международный показатель, связанный с заболеваемостью, — это DALY (disability-adjusted life years), или годы здоровой жизни, потерянные как вследствие преждевременной смертности, так и вследствие инвалидности. Применительно к России этот показатель рассматривается, в частности, в недавно опубликованном докладе Всемирного банка «Рано умирать...»⁴.

³ Данные Европейской базы данных «Health for all».

⁴ «Рано умирать...» Проблемы высокого уровня заболеваемости и преждевременной смертности от неинфекционных заболеваний и травм в Российской Федерации и пути их решения. Всемирный Банк, 2006.

В докладе приводятся потери DALY в России за 2002 г. от 10 основных заболеваний и травм.

Таблица 3.3. Потери DALY от 10 основных заболеваний и травм в России в 2002 г.

Место	Причина	Общее количество потерянных DALY	Общий процент
1	Ишемическая болезнь сердца	5 472 308	13,9%
2	Заболевания сосудов головного мозга	3 930 367	10,0%
3	Монополярные депрессивные расстройства	1 574 695	4,0%
4	Насилие	1 459 927	3,7%
5	Самоуничтожения	1 297 152	3,3%
6	Дорожно-транспортные происшествия	1 292 752	3,3%
7	Отравления	1 272 366	3,2%
8	Расстройства, связанные с употреблением алкоголя	1 258 936	3,2%
9	Потеря слуха у взрослых	765 988	1,9%
10	Туберкулез	700 997	1,8%
	Все причины	39 409 946	100,0%

Источник: Рано умирать... С. 25.

Из табл. 3.3 видно, что около четверти потерь обусловлено сердечно-сосудистыми заболеваниями (ишемической болезнью сердца и заболеваниями сосудов головного мозга). Еще около 17% потерь приносят внешние причины — насилие, самоуничтожения, дорожно-транспортные происшествия, отравления, расстройства, связанные с употреблением алкоголя.

В докладе приводятся также данные о самооценке здоровья населения России на основе исследования NOBUS (National Survey of Household Welfare and Program Participation — Национальное обследование благосостояния домохозяйств и их участия в социальной программе). Таблица 3.4 показывает, что лица из беднейших слоев населения России оценивали свое состояние здоровья как плохое или очень плохое с большей вероятностью, чем лица из более зажиточных слоев.

Таблица 3.4. Самооценка здоровья по квинтелям потребления, 2003 г.

Квинтель потребления	Процентная доля респондентов, охарактеризовавших состояние своего здоровья как		
	хорошее или очень хорошее	удовлетворительное	плохое или очень плохое
1 беднейшая	38	16	47
2	39	20	41
3	39	20	41
4	43	21	35
5 самая богатая	52	20	28

Источник: Рано умирать... С. 43.

4. Смертность и продолжительность жизни

4.1. Неопределенная динамика продолжительности жизни

Всероссийская перепись населения 2002 г. позволила уточнить не только данные о населении, но и показатели продолжительности жизни. Федеральная служба государственной статистики опубликовала уточненные показатели продолжительности жизни за период до 2002 г.¹ Они практически не отличаются от результатов наших расчетов, но наш анализ предусматривает использование более широкого круга показателей, чем в публикации Росстата, поэтому мы воспользуемся результатами собственных расчетов (табл. 4.1), которые также были несколько уточнены по сравнению с данными, представленными в нашем докладе за 2002—2003 гг.²

Как и в случае с рождаемостью, динамика продолжительности жизни в последние годы остается довольно неопределенной, для всего населения страны в ней не прослеживаются какие-либо четкие тенденции. С 1995 по 1999 г. продолжительность жизни в России росла, с 1999 по 2003 г. снижалась, но в 2004 г. ситуация снова несколько улучшилась. Если в 2003 г. продолжительность жизни мужчин сократилась на 0,17 года, а женщин — на 0,05 года, то в 2004 г. она выросла у мужчин и женщин на 0,24 и 0,23 соответственно. По нашим расчетам за 2005 г. продолжительность жизни женщин вновь увеличилась — на 0,09 года, а у мужчин практически не изменилась (сократилась на 0,004 года).

В целом за последний период снижения (1999—2003 гг.) ожидаемая продолжительность жизни при рождении сократилась у мужчин на 2,71 года, у женщин — на 1,31 года, а за 2004—2005 гг. рост составил 0,38 года у мужчин и 0,58 у женщин. При этом снижение ожидаемой продолжительности жизни женщин в возрасте 15 лет составило 1,62, а рост — 0,43 года, мужчин соответственно 3,12 и 0,23 года. Важно и то, что в 2005 г. продолжительность жизни 15-летних мужчин вновь сократилась на 0,06 года.

Обращают на себя внимание различия в тенденциях смертности городского и сельского населения, сохранявшиеся и в 2005 г. (рис. 4.1). В 2005 г. рост продолжительности жизни женщин в городах был несколько большим,

¹ См. приложение 4.

² Население России 2003—2004: Одиннадцатый—двенадцатый ежегодный демографический доклад. М.: Наука, 2005. С. 275—276.

Таблица 4.1. Ожидаемая продолжительность жизни в России по расчетам Центра демографии и экологии человека

Годы	Все население		Городское население		Сельское население	
	Мужчины	Женщины	Мужчины	Женщины	Мужчины	Женщины
1989	64,20	74,50	64,75	74,52	62,60	74,21
1990	63,76	74,32	64,35	74,37	62,04	73,96
1991	63,42	74,23	64,01	74,30	61,70	73,81
1992	61,97	73,71	62,42	73,78	60,66	73,36
1993	58,81	71,85	59,14	71,95	57,87	71,46
1994	57,40	71,07	57,64	71,16	56,71	70,74
1995	58,13	71,61	58,31	71,65	57,66	71,42
1996	59,63	72,42	60,07	72,63	58,44	71,78
1997	60,86	72,85	61,50	73,17	59,17	71,93
1998	61,21	73,12	61,74	73,37	59,79	72,41
1999	59,88	72,42	60,32	72,64	58,70	71,76
2000	59,00	72,24	59,33	72,44	58,13	71,65
2001	58,90	72,16	59,20	72,35	58,07	71,57
2002	58,63	71,86	59,03	72,12	57,52	71,08
2003	58,50	71,81	58,96	72,16	57,18	70,80
2004	58,88	72,30	59,36	72,65	57,55	71,27
2005	58,87	72,39	59,51	72,86	57,20	71,08

чем в целом по стране (на 0,21 года), выросла она и у мужчин — на 0,1 года. В противовес этому, у сельских жителей продолжительность жизни вновь сократилась — у мужчин на 0,35 года, у женщин — на 0,19 года.

В целом ситуацию 2004—2005 гг. можно охарактеризовать как неопределенную. Что-то похожее отмечалось в динамике мужской смертности в начале 1970-х и начале 1980-х гг., когда наблюдалось небольшое улучшение показателей. Правда, в 1994—1998 гг. улучшение было гораздо заметнее, но, как и в 1981—1983 гг. происходило в значительной мере за счет смертности в младших рабочих возрастах (15—29 и 30—44 года).

Существует предположение, что в 1981—1983 гг. улучшение было связано с повышением цен на крепкие спиртные напитки, но эта гипотеза нуждается в проверке.

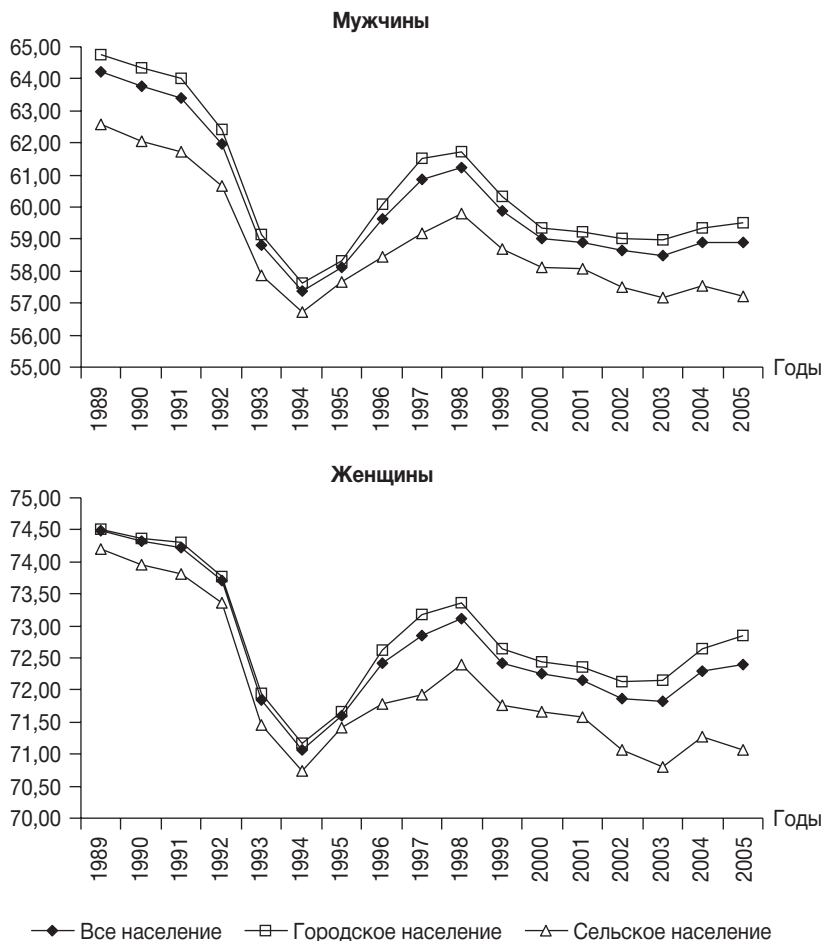

Рис. 4.1. Ожидаемая продолжительность жизни при рождении, всего, городского и сельского населения

Другой вариант объяснения колебания показателей смертности в начале 1970-х и начале 1980-х гг. связан с тем, что они произошли после очередной переписи населения и могли быть следствием уточнения данных о населении. Теоретически нечто подобное могло произойти и после переписи 2002 г., но мы пользуемся пересчитанными показателями.

Чтобы прояснить ситуацию, нами были рассчитаны таблицы смертности для России за 1989—2004 гг. без тех регионов, где возникали сомнения

в достоверности данных переписи (Москва и Московская область, а также все республики Северного Кавказа) (табл. 4.2). Как видно из табл. 4.2, продолжительность жизни в регионах с более достоверной статистикой заметно ниже, ее рост в 2004 г. заметно меньше, но все же наблюдается.

Назвать конкретную причину небольшого улучшения ситуации в 2004—2005 гг. пока не удается. Подобные «всплески» случались и в прошлом, поэтому небольшое снижение смертности взрослых в возрастах старше 45 лет, к сожалению, пока не дает оснований предполагать, что произошел перелом долговременной тенденции роста смертности.

Таблица 4.2. Продолжительность жизни в возрасте 15 лет во всей России и в России без «проблемных территорий»

	2002	2003	2004	2005
Мужчины				
Вся Россия	45,08	44,83	45,12	45,06
Россия без «проблемных территорий»	44,41	44,09	44,29	44,17
Женщины				
Вся Россия	58,16	58,02	58,42	58,45
Россия без «проблемных территорий»	57,82	57,64	57,99	57,96

В табл. 4.3 отрезок времени с 1990 по 2005 г. разделен на четыре периода: 1990—1994, 1994—1998, 1998—2003 и 2003—2005 гг. Продолжительность жизни снижалась в первом и третьем периодах, но темп ее снижения в 1998—2003 гг. и у мужчин, и у женщин был более чем в 2 раза ниже, чем в 1990—1994 гг. Во втором и четвертом периодах продолжительность жизни росла, но в 2003—2005 гг. рост был очень небольшим, а у сельских мужчин продолжалось снижение показателя.

Смертность разных возрастных групп вносила и разный вклад в общую динамику смертности и продолжительности жизни. Если в 1994—1998 гг. рост продолжительности жизни был обусловлен снижением смертности во всех возрастных группах, то в 2003—2005 гг. смертность в возрастах от 15 до 45 лет продолжала расти, противодействуя росту продолжительности жизни.

В целом за 1990—2005 гг. примерно три четверти падения продолжительности жизни у мужчин и четыре пятых у женщин связаны с ростом смертности в возрастах от 30 до 59 лет. Динамика же смертности в детском возрасте после 1994 г. неизменно положительно влияет на продолжительность жизни.

Таблица 4.3. Вклад отдельных возрастных групп в изменение продолжительности жизни

Период	Общее изменение	В том числе за счет смертности в возрастах, лет					
		0—14	15—29	30—44	45—59	60—74	75+
Все население							
Мужчины							
1990—1994	–6,37	–0,15	–0,82	–1,99	–2,22	–1,04	–0,15
1994—1998	3,81	0,22	0,23	1,16	1,46	0,61	0,13
1998—2003	–2,71	0,31	–0,15	–0,97	–1,25	–0,59	–0,06
2003—2005	0,38	0,19	–0,04	–0,11	0,18	0,14	0,01
1990—2005	–4,89	0,56	–0,79	–1,90	–1,83	–0,87	–0,07
Женщины							
1990—1994	–3,25	–0,17	–0,25	–0,65	–1,06	–0,79	–0,33
1994—1998	2,06	0,17	0,03	0,41	0,74	0,52	0,18
1998—2003	–1,31	0,28	–0,07	–0,47	–0,65	–0,33	–0,06
2003—2005	0,58	0,23	–0,02	–0,11	0,15	0,22	0,11
1990—2005	–1,93	0,50	–0,31	–0,82	–0,82	–0,38	–0,11
Городское население							
Мужчины							
1990—1994	–6,71	–0,14	–0,84	–2,14	–2,38	–1,08	–0,13
1994—1998	4,10	0,22	0,20	1,25	1,59	0,69	0,15
1998—2003	–2,78	0,29	–0,11	–1,00	–1,32	–0,58	–0,05
2003—2005	0,55	0,18	–0,07	–0,03	0,26	0,21	0,00
1990—2005	–4,84	0,54	–0,82	–1,92	–1,84	–0,76	–0,04
Женщины							
1990—1994	–3,21	–0,16	–0,27	–0,67	–1,08	–0,74	–0,30
1994—1998	2,21	0,19	0,05	0,41	0,77	0,56	0,22
1998—2003	–1,21	0,23	–0,05	–0,48	–0,63	–0,26	–0,03
2003—2005	0,70	0,19	–0,02	–0,07	0,18	0,29	0,13
1990—2005	–1,51	0,46	–0,29	–0,81	–0,75	–0,14	0,02

Окончание табл. 4.3

Период	Общее изменение	В том числе за счет смертности в возрастах, лет					
		0—14	15—29	30—44	45—59	60—74	75+
Сельское население							
Мужчины							
1990—1994	—5,33	—0,13	—0,77	—1,49	—1,80	—0,94	—0,19
1994—1998	3,08	0,21	0,30	0,94	1,11	0,45	0,08
1998—2003	—2,61	0,34	—0,31	—0,92	—1,07	—0,61	—0,04
2003—2005	0,02	—0,02	—0,02	0,04	0,01	0,01	0,00
1990—2005	—4,84	0,39	—0,80	—1,43	—1,74	—1,10	—0,16
Женщины							
1990—1994	—3,23	—0,18	—0,18	—0,55	—1,02	—0,91	—0,40
1994—1998	1,67	0,13	—0,03	0,41	0,63	0,42	0,10
1998—2003	—1,61	0,36	—0,12	—0,44	—0,77	—0,52	—0,11
2003—2005	0,28	—0,04	0,07	0,16	0,04	—0,29	0,17
1990—2005	—2,89	0,28	—0,25	—0,42	—1,11	—1,30	—0,24

4.2. Межрегиональные различия нарастают

За период 1990—2005 гг. продолжительность жизни снизилась во всех федеральных округах. Минимальным это снижение было в Южном федеральном округе, максимальным — у мужчин в Северо-Западном и Сибирском округах, а у женщин — в Сибирском и Дальневосточном (табл. 4.4).

Изменение ожидаемой продолжительности жизни при рождении в каждом из федеральных округов в целом повторяет общероссийскую динамику (рис. 4.2). Из особенностей, которые обращают на себя внимание, отметим неожиданный рост показателей в 2001 г. в Уральском федеральном округе. Он связан с изменениями уровня смертности в Свердловской области.

На протяжении всего периода по продолжительности жизни лидирует Южный, а внизу распределения находятся Сибирский и Дальневосточный округа.

Неблагоприятные тенденции смертности затрагивают почти все регионы России. По нашим расчетам, за период с 1990 по 2005 г. ожидаемая продолжительность жизни при рождении как мужчин, так и женщин снизилась во всех субъектах Федерации, не входящих в состав какого-то другого субъекта, кроме Москвы, республик Северная Осетия, Дагестан (не снизилась

Таблица 4.4. Ожидаемая продолжительность жизни в федеральных округах в 1990 и 2005 г.

	Мужчины			Женщины		
	1990	2005	Изменение	1990	2005	Изменение
Россия	63,76	58,87	—4,89	74,32	72,39	—1,93
Федеральные округа:						
Центральный	63,89	59,87	—4,03	74,63	73,32	—1,31
Северо-Западный	63,85	57,38	—6,48	74,05	71,44	—2,60
Южный*	64,39	62,22	—2,17	74,69	74,18	—0,52
Приволжский	64,34	58,65	—5,69	74,91	72,59	—2,31
Уральский	64,18	58,79	—5,39	74,30	72,28	—2,02
Сибирский	62,45	56,25	—6,20	73,26	70,15	—3,11
Дальневосточный	62,28	56,15	—6,14	72,51	69,45	—3,06

* Здесь и далее в расчете по Южному федеральному округу не участвуют данные по Чеченской республике.

продолжительность жизни мужчин), Саха (не снизилась продолжительность жизни женщин).

Остановимся подробнее на региональных различиях в динамике смертности после 1998 г. (табл. 4.5). За этот период продолжительность жизни мужчин менее всего снизилась в Южном федеральном округе, а более всего — в Северо-Западном. Различия в ситуации связаны, главным образом, с возрастной группой 15—59 лет, и особенно 30—59 лет. Впрочем, нельзя оставить без внимания тот факт, что смертность 15—29-летних росла во всех округах, кроме Южного.

У женщин также наибольшие потери произошли в Северо-Западном округе. В Южном округе продолжительность жизни женщин увеличилась на 0,6 года за счет снижения смертности в возрасте до 30 лет.

Отметим, что влияние смертности в возрастах 0—14 лет на динамику продолжительности жизни в федеральных округах варьирует по округам не столь существенно, так что главная причина межрегиональных различий коренится в смертности в возрастах старше 15 лет.

В одном из предыдущих докладов уже отмечалось³, что неблагоприятные тенденции смертности сопровождаются ростом региональной неоднородно-

³ Население России 2000: Восьмой ежегодный демографический доклад. М.: Кн. дом «Университет», 2001. С. 93—94.

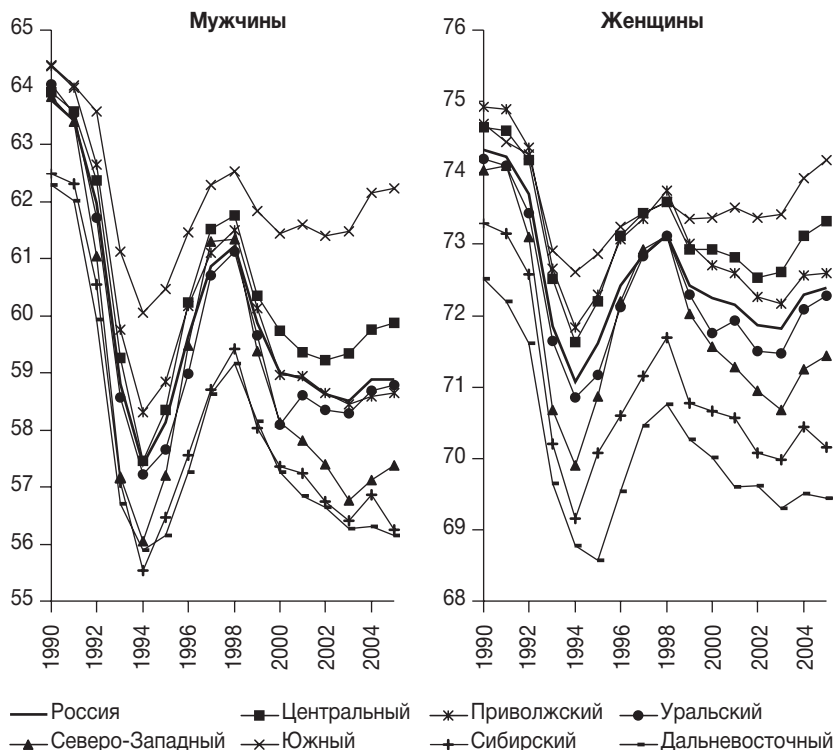

Рис. 4.2. Продолжительность жизни при рождении в федеральных округах в 1990—2005 гг., лет

сти. Но сегодня связь роста смертности и роста межрегионального неравенства перед лицом смерти проявляется гораздо четче, чем в начале 1990-х гг.

Рост неоднородности регионов весьма ярко проявляется уже в динамике продолжительности жизни в федеральных округах. Разрыв между максимумом и минимумом продолжительности жизни мужчин в федеральных округах увеличился за 15 лет с 2,1 до 6,1 года, а женщин — с 2,4 до 4,7 года (рис. 4.2).

Серьезные изменения претерпело за это время распределение по продолжительности жизни и регионов — субъектов Федерации (рис. 4.3).

В 1990 г. это распределение выглядело и для мужчин, и для женщин весьма остроконечным и асимметричным. К 1994 г., в период роста смертности, распределение не только сдвинулось вправо, но стало менее концентрированным, зато приобрело некоторую симметричность. Снижение смертно-

Таблица 4.5. Вклад отдельных возрастных групп
в изменение продолжительности жизни
в федеральных округах в 1998—2005 гг., лет

		Всего	В том числе за счет смертности в возрастах, лет					
			0—14	15—29	30—44	45—59	60—74	75+
Мужчины								
Россия	−2,34	0,47	−0,18	−1,06	−1,11	−0,44	0,00	
Федеральные округа:								
Центральный	−1,88	0,35	−0,13	−0,88	−0,94	−0,31	0,02	
Северо-Западный	−3,97	0,41	−0,51	−1,80	−1,65	−0,46	0,04	
Южный	−0,30	0,56	0,20	−0,42	−0,48	−0,19	0,04	
Приволжский	−2,85	0,50	−0,19	−1,16	−1,32	−0,62	−0,05	
Уральский	−2,33	0,45	−0,22	−0,99	−1,07	−0,46	−0,04	
Сибирский	−3,18	0,48	−0,50	−1,34	−1,16	−0,60	−0,05	
Дальневосточный	−3,01	0,45	−0,11	−1,41	−1,39	−0,50	−0,05	
Женщины								
Россия	−0,73	0,47	−0,08	−0,57	−0,57	−0,13	0,15	
Федеральные округа:								
Центральный	−0,28	0,51	−0,08	−0,59	−0,46	0,00	0,33	
Северо-Западный	−1,68	0,32	−0,22	−0,86	−0,92	−0,20	0,20	
Южный	0,59	0,57	0,12	−0,15	−0,12	0,08	0,09	
Приволжский	−1,15	0,40	−0,12	−0,56	−0,62	−0,30	0,04	
Уральский	−0,84	0,40	−0,13	−0,52	−0,58	−0,16	0,13	
Сибирский	−1,54	0,41	−0,15	−0,75	−0,72	−0,28	−0,04	
Дальневосточный	−1,31	0,58	−0,11	−0,85	−0,86	−0,15	0,08	

сти в 1994—1998 гг. сопровождалось как ростом концентрации территорий, так и ростом асимметрии. Но уровни 1990 г. ни в каком смысле достигнуты не были. Наконец, изменения смертности 1998—2005 гг. почти вернули распределение у мужчин к уровню 1994 г., у женщин распределения 1994 г. и 2005 г. различаются больше: распределение занимает как бы промежуточное положение между 1995 и 1990 гг.

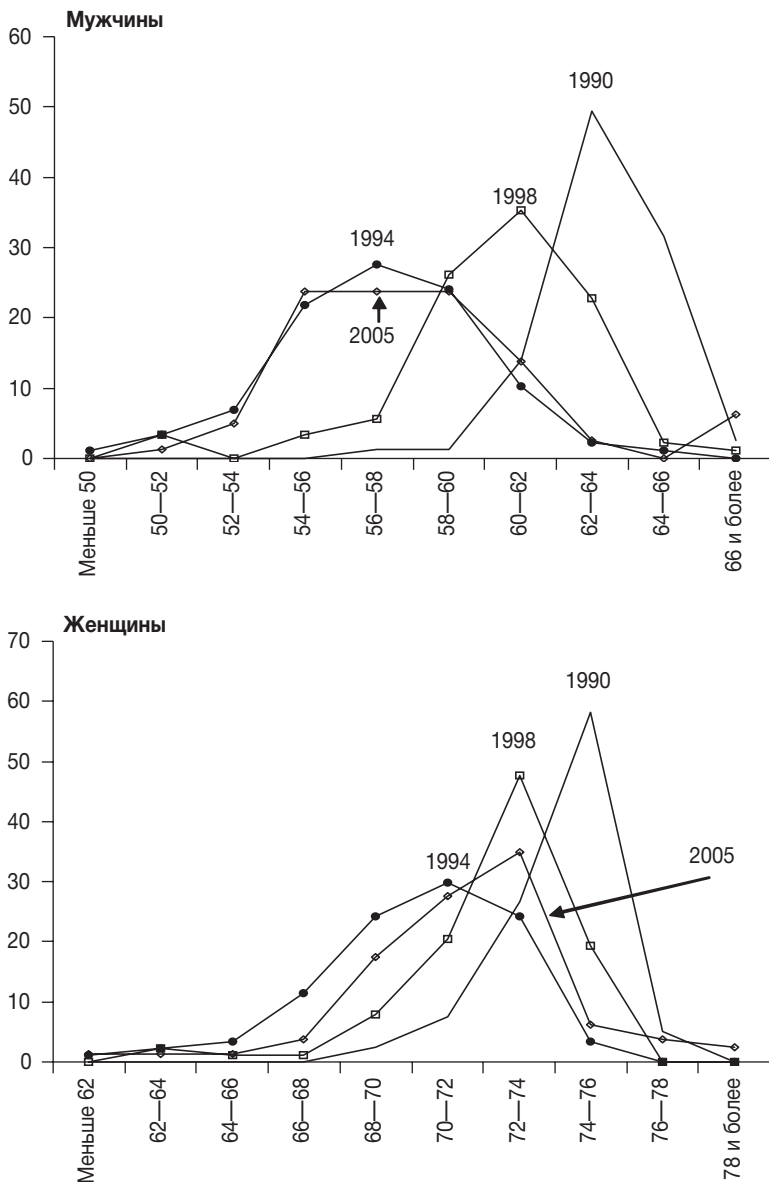

Рис. 4.3. Изменение распределения регионов Российской Федерации по продолжительности жизни при рождении, %

4.3. Неблагоприятные тенденции смертности взрослых

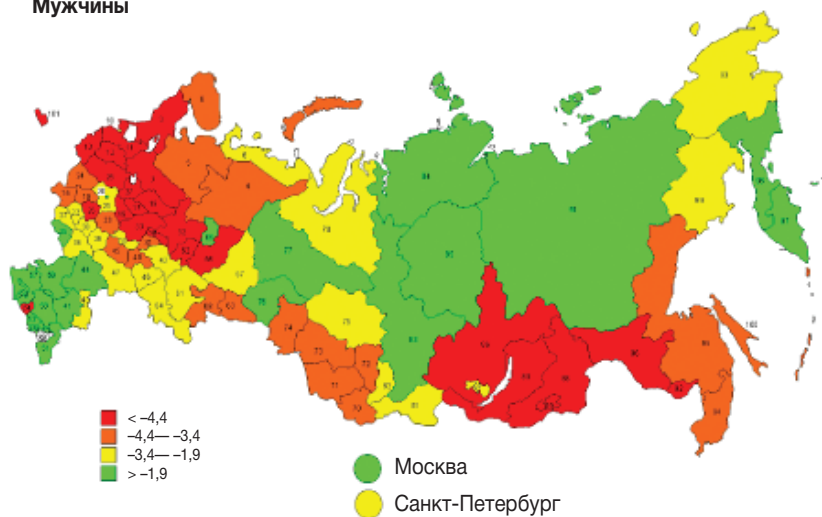
Как видно из табл. 4.3, главной проблемой российской смертности по-прежнему остается высокая смертность взрослых, которая обусловила снижение продолжительности жизни в 1965—1984 и 1998—2003 гг. и в целом за весь период 1990—2005 гг. Она же в наибольшей степени служит причиной растущего регионального неравенства. Прекращение падения продолжительности жизни мужчин в 2004—2005 гг. произошло главным образом, благодаря снижению смертности в возрастах 45—59 и 60—74 года. У женщин снижение распространилось и на возраста 75 лет и старше.

В 1998—2005 гг. продолжительность жизни мужчин в возрасте 15 лет снизилась в 75 из 79 регионов, не являющихся частью другого субъекта Федерации (края, области и республики в составе России), и без учета Чеченской Республики, данные по которой за 1998 г. отсутствуют. Продолжительность жизни женщин в том же возрасте снизилась в 71 субъекте Федерации. Список «благополучных» исключений практически тот же, что приводился в разделе 4.2 в связи с динамикой продолжительности жизни при рождении в 1990—2005 гг. Кроме ранее названных Москвы, Ингушской Республики, Республики Северная Осетия, Республики Дагестан, где не снизилась продолжительность жизни ни мужчин, ни женщин, в него входят республики Адыгея, Саха, Кабардино-Балкария и Калмыкия, где не снизилась продолжительность жизни 15-летних женщин.

География снижения продолжительности жизни в возрасте 15 лет в 1998—2005 гг. в федеральных округах (табл. 4.6) в целом имеет те же особенности, что и география снижения продолжительности жизни при рождении в 1990—2005 гг. Самые высокие показатели и минимальное их ухудшение — в Южном федеральном округе. Самое большое снижение — в Северо-Западном федеральном округе. Самый низкий уровень продолжительности жизни мужчин в возрасте 15 лет, по нашим расчетам, также в Северо-Западном округе, но и в Сибирском, и Дальневосточном округах он лишь на 0,2—0,3 года выше. У женщин минимум продолжительности жизни в возрасте 15 лет в Сибирском федеральном округе.

О заметных региональных различиях в динамике смертности взрослых свидетельствуют карты, приведенные на рис. 4.4. Регионы разбиты на четыре равные группы по величине снижения продолжительности жизни в возрасте 15 лет в 1998—2005 гг. С помощью карт становится очевидным, что самая неблагоприятная ситуация сложилась в давно обжитых регионах севера Европейской России и южной части Сибири. На Северном Кавказе, в Якутии, Тюменской области и даже на Камчатке ситуация выглядит значительно более благоприятной.

Мужчины

Женщины

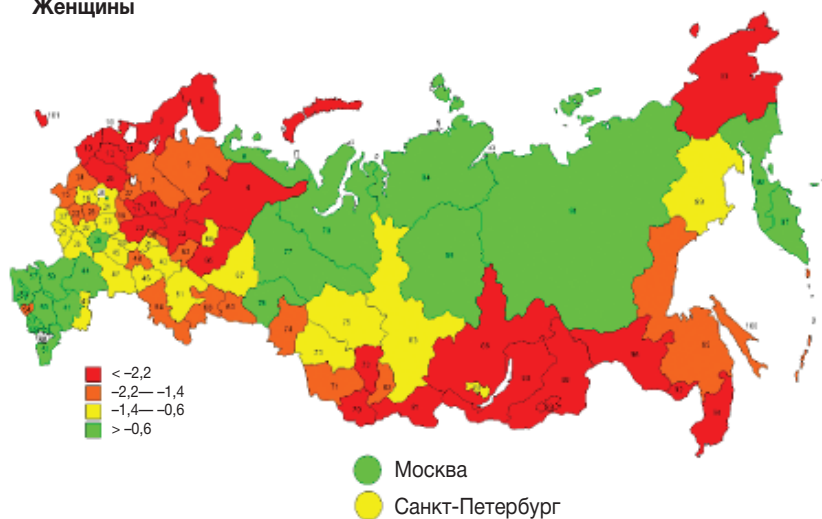

Рис. 4.4. Снижение продолжительности жизни мужчин и женщин в возрасте 15 лет в регионах России в 1998—2005 гг., годы

Таблица 4.6. Ожидаемая продолжительность жизни в возрасте 15 лет в федеральных округах в 1998 и 2005 гг.

	Мужчины			Женщины		
	1998	2005	Изменение	1998	2005	Изменение
Россия	47,95	45,06	–2,90	59,64	58,45	–1,20
Федеральные округа:						
Центральный	48,26	45,95	–2,31	59,98	59,26	–0,72
Северо-Западный	47,82	43,37	–4,45	59,40	57,37	–2,04
Южный	49,54	48,56	–0,98	60,36	60,33	–0,03
Приволжский	48,21	44,76	–3,45	60,16	58,61	–1,55
Уральский	47,77	44,92	–2,85	59,54	58,29	–1,25
Сибирский	46,33	42,55	–3,78	58,32	56,33	–1,99
Дальневосточный	46,19	42,60	–3,60	57,60	55,71	–1,89
Максимум минус минимум	3,35	6,01		2,76	4,62	

Таким образом, ситуация существенно отличается от периода 1970—1980-х гг., когда наиболее неблагоприятная тенденция смертности наблюдалась на Севере и Востоке страны.

4.4. Снижение детской смертности замедлилось

Единственная определенная и притом позитивная тенденция последнего времени — значительное сокращение младенческой смертности (табл. 4.7) и смертности в детских возрастах вообще.

Таблица 4.7. Снижение младенческой смертности в России в 1999—2005 гг. на 1000 новорожденных

	1999	2000	2001	2002	2003	2004	2005
Все население	16,91	15,33	14,65	13,31	12,46	11,57	10,97
Городское	16,08	14,70	13,98	12,67	11,78	10,83	10,28
Сельское	18,77	16,79	16,23	14,90	14,17	13,42	12,69

На фоне долговременных тенденций динамика младенческой смертности в последние годы выглядит вполне благополучной (рис. 4.5).

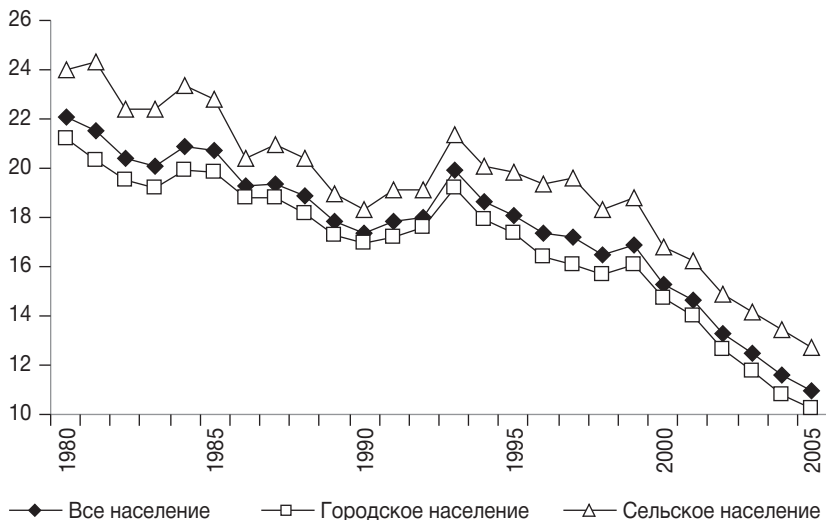

Рис. 4.5. Младенческая смертность, 1980—2005 гг., на 1000 новорожденных

Но все же успехи в снижении младенческой смертности не стоит переоценивать, здесь тоже есть свои проблемы. В частности, обращает на себя внимание замедление снижения младенческой смертности в самое последнее время. В 2005 г. снижение составило 0,60 промилльных пункта за 1 год против 0,90 в 2004 и 1,07 в среднем за 1 год в 2000—2004 гг.

Снижение младенческой смертности обычно означает возрастающую концентрацию смертности на первой неделе жизни, где каждый следующий шаг снижения стоит больших усилий и, следовательно, замедление снижения естественно.

Но в России доля умерших на первой неделе сократилась с 51% в 1990 г. до 41% в 2005 г. Расчет проведен в рамках данных российской статистики населения, т.е. без учета смертей новорожденных с массой тела до 1000 грамм. Если сделать поправку на смерти всех живорожденных по критериям ВОЗ⁴, снижение будет меньшим — не 56%, а 49%, но не исчезнет. Это означает, что российская система здравоохранения довольно успешно борется с ранней неонатальной смертностью (смертность в родильном доме), которая сокра-

⁴ Андреев Е.М., Кваша Е.А. Особенности показателей младенческой смертности в России // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. 2002. № 4. С. 15—20.

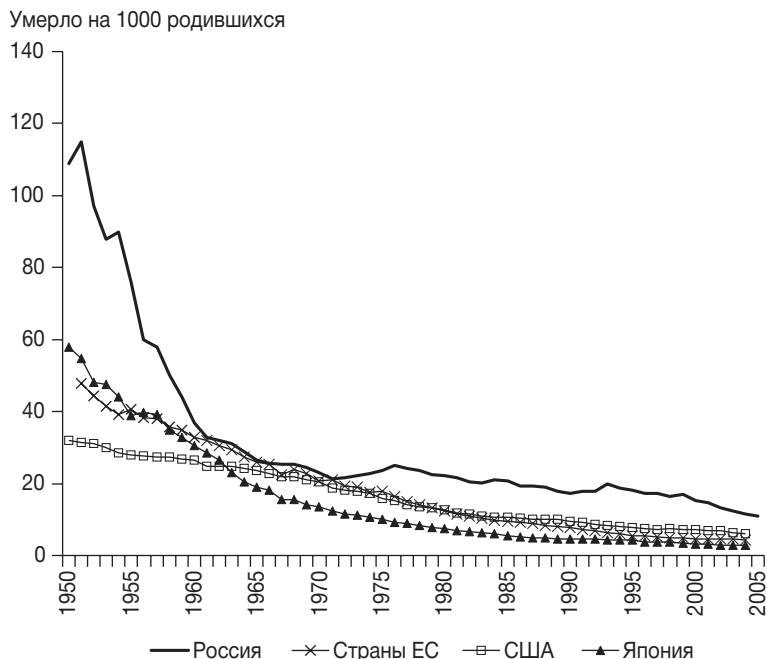

Рис. 4.6. Вероятность смерти в возрасте до 1 года на 1000 новорожденных в России, 15 «старых» членах ЕС, США и Японии, после 1950 г.

тилась по сравнению с 1990 г. почти в 2 раза, а вот показатель смертности в возрасте от 7 дней до 1 года, где имеются большие резервы снижения, сократился всего на 23%.

Следует иметь в виду и то, что российское определение младенческой смертности все еще не отвечает критериям ВОЗ. Скорректированный с учетом определения ВОЗ показатель составляет в 2005 г. 12,7 на 1000, и по этому показателю Россия, по нашей оценке, занимает в Европейском регионе ВОЗ (52 страны) место между 38 и 42.

Несмотря на устойчивое снижение в России младенческой смертности (т.е. смертности детей в возрасте до 1 года), она остается существенно выше, чем в странах Запада. В то же время, как можно видеть на рис. 4.6, после 2002 г. разрыв постепенно уменьшается. В 2000 г. показатель для России был в 2,1—4,7 раза выше, чем в странах ЕС, США и Японии, в 2004 г. разрыв уменьшился до 1,9—3,9 раз.

К сожалению, этого нельзя сказать о смертности детей более старших возрастов: 1—14 лет. Разрыв в смертности детей сформировался не вдруг и

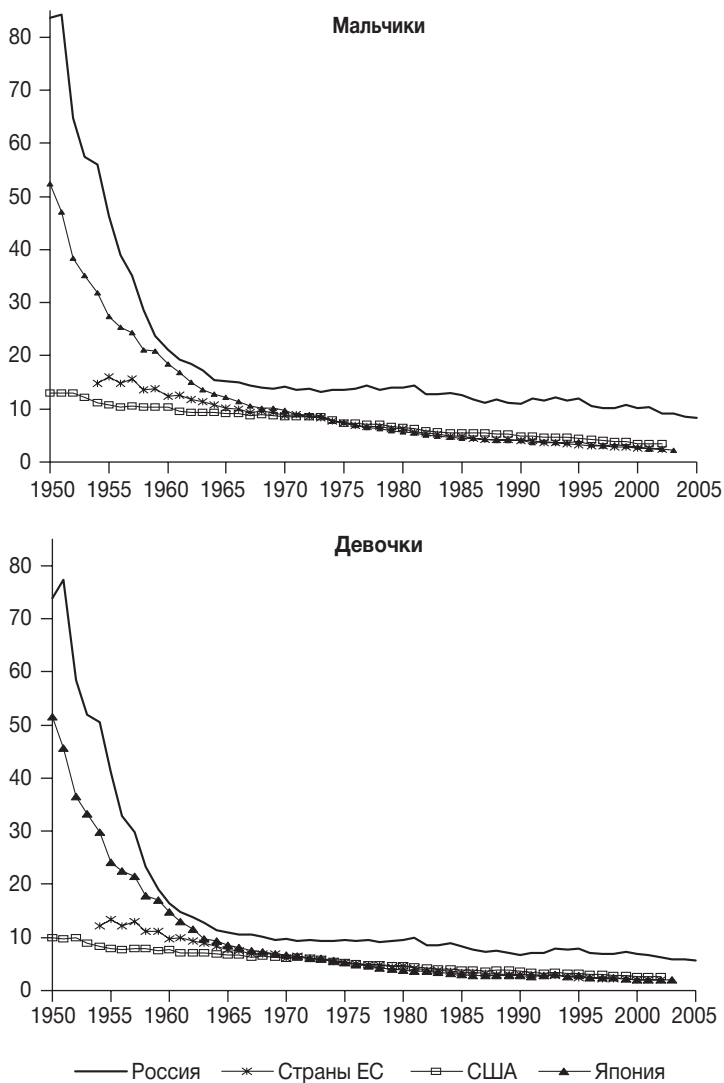

Рис. 4.7. Вероятность смерти в возрасте от 1 года до 15 лет на 1000 детей в возрасте 1 год в России, 15 «старых» странах ЕС, США и Японии, после 1950 г.

не сразу, как видно на рис. 4.6 и представленном далее графике (рис. 4.7), и для возраста до 1 года и для возрастов 1—14 лет он существовал давно. Но с середины 1960-х гг. началось его увеличение. Следует отметить, что показатели смертности в рассматриваемых возрастах основаны на весьма малом числе событий. В силу этого наблюдаются случайные колебания показателей, которые видны на графиках.

Именно с середины 1960-х гг. в России, как и во всех бывших европейских республиках СССР, началось общее ухудшение показателей смертности, в частности теперь уже хорошо известный (а ранее скрывавшийся) устойчивый рост смертности взрослых мужчин, и прекратилось снижение смертности женщин. Положение со смертностью детей изменилось не столь драматически. Но именно в середине 1960-х гг. темп снижения смертности во всех указанных возрастах резко упал.

Вообще, как видно на рисунке, замедление снижения смертности происходило по мере снижения показателя во всех странах, но в России оно началось при более высоких уровнях смертности. Поясним на примере. Показатель для мальчиков в возрасте 1—14 лет в России после 1965 г. снижался в среднем на 0,16 промилльного пункта за 1 год, в 15 «старых» членах ЕС — на 0,21, а в Японии — на 0,26, хотя в этих странах уже в 1965 г. вероятность смерти мальчиков была ниже, чем в России (10,2 и 12,1 соответственно против 15,1 в России). В США темп снижения был даже ниже российского — 0,15 промилльного пункта за 1 год, но вероятность смерти там была несравнимо ниже — 9,1 на 1000.

Таким образом, современный разрыв в уровнях смертности детей есть результат длительного и постоянно нарастающего отставания России от экономически развитых стран. Последние опубликованные вероятности смерти в возрастах 1—14 лет таковы: 15 «старых» членов ЕС в среднем (2002 г.) 2,5 на 1000 мальчиков и 1,9 — для девочек, США (2002 г.) — 3,4 и 2,5, Япония (2003 г.) — 2,3 и 1,9 соответственно, против 8,3 и 5,6 для России.

Несмотря на снижение коэффициентов младенческой смертности, степень неоднородности регионов и по этому показателю возросла по сравнению с 1990 г. Максимум неоднородности в абсолютном выражении пришелся на 1998 г. Однако, если измерить неоднородность в процентах к среднероссийскому показателю (табл. 4.8), то максимум приходится на 2003 г. В 2004 и 2005 гг. межрегиональные различия несколько уменьшились.

Сравнительно благоприятная динамика вероятности смерти детей в возрасте до 15 лет ведет не к увеличению, а к уменьшению межрегиональных различий, соответствующие показатели становятся более однородными, что подтверждается данными табл. 4.9. И в 1998 г., и в 2005 г. самый низкий показатель фиксировался в Северо-Западном и Центральном округах, самый высокий — в Южном, Сибирском и, особенно, Дальневосточном округах.

Таблица 4.8. Коэффициент младенческой смертности (на 1000 родившихся) и стандартное отклонение распределения регионов по этим индикаторам

Годы	Показатель для России в целом	Стандартное отклонение	Стандартное отклонение, % к показателю для России
1990	17,4	3,14	18,1
1994	18,6	2,94	15,8
1998	16,5	4,06	24,6
2003	12,5	3,66	29,4
2004	11,6	3,44	28,9
2005	11,0	2,98	27,2

Таблица 4.9. Вероятность смерти в возрасте до 15 лет в федеральных округах в 1998 и 2005 гг., на 1000

	Мужчины			Женщины		
	1998	2005	Изменение	1998	2005	Изменение
Россия	28,8	20,7	–8,1	20,9	14,9	–6,0
Федеральные округа:						
Центральный	24,7	18,7	–6,0	19,0	13,2	–5,8
Северо-Западный	24,7	17,9	–6,8	17,7	13,3	–4,4
Южный	32,4	22,0	–10,4	24,1	15,7	–8,4
Приволжский	28,1	19,6	–8,5	19,4	14,3	–5,2
Уральский	27,5	19,9	–7,6	19,6	14,3	–5,3
Сибирский	32,4	23,9	–8,5	22,9	17,2	–5,8
Дальневосточный	34,8	26,7	–8,1	26,2	18,6	–7,6
Максимум минус минимум	10,1	8,7		8,4	5,5	
То же по отношению к среднероссийскому показателю	0,35	0,42		0,40	0,37	

Обратим внимание на то, что если Северо-Западный округ отличается самой высокой смертностью взрослых, а Южный — самой низкой, то в отношении смертности в возрасте до 15 лет они поменялись местами. В то же

время неблагоприятная ситуация на Востоке страны распространяется на всю возрастную шкалу.

С 1998 по 2005 г. вероятность смерти в возрасте до 15 лет снизилась и у мальчиков, и у девочек в 76 из 79 регионов, не являющихся частью другого субъекта Федерации, не считая Чеченской Республики, данные по которой за 1998 г. отсутствуют. Регионы, где не произошло снижения, несколько различаются. Вероятность смерти для обоих полов заметно выросла только в Северной Осетии. Небольшой рост отмечается также в Ленинградской области, но надо отметить, что в 1998 г. здесь был зафиксирован очень низкий показатель, много ниже, чем в 1997 г. и, особенно, 1999 г. Вероятность смерти мальчиков, кроме того, выросла в Мурманской и Смоленской областях, девочек — в Магаданской и Орловской областях. Рост всюду, кроме Магаданской области, не велик, скорее всего речь идет о случайных колебаниях.

4.5. Отсутствие принципиальных изменений в структуре причин смерти взрослого населения

Неизменно неблагоприятные тенденции смертности взрослого населения требуют анализа причин смерти, ответственных за сохранение этих тенденций.

Приводимая в табл. 4.10 оценка вклада основных классов этих причин в изменение продолжительности жизни взрослого населения России выполнена на основе разложения динамики показателя ожидаемой продолжительности жизни в возрасте 15 лет. Эта таблица позволяет судить о главных причинах смерти, с которыми были связаны падение и рост продолжительности жизни взрослых мужчин и женщин начиная с 1990 г., для тех же периодов, что и при анализе вклада в смертность отдельных возрастов (см. табл. 4.3).

На протяжении всего периода с 1990 по 2005 г. главными проблемами смертности взрослого населения России были высокая смертность от внешних причин и высокая ранняя смертность от болезней системы кровообращения. Эта ситуация не изменилась и в самое последнее время, хотя произошли некоторые изменения в соотношении этих причин. Если в первый период падения продолжительности жизни мужчин главную роль играли внешние причины (несчастные случаи, отравления, травмы и т.п.), то в 1998—2003 гг. на первое место вышли болезни системы кровообращения, тогда как смертность мужчин от внешних причин в 2004—2005 гг. даже снизилась. Но рост смертности от болезней системы кровообращения продолжался.

У женщин главной причиной падения продолжительности жизни были и остаются болезни системы кровообращения. Роль внешних причин в 1998—2003 гг. относительно уменьшилась по сравнению с 1990—1994 гг. — их вклад в падение продолжительности жизни сократился с 30 до 24%. Но у женщин,

Таблица 4.10. Вклад отдельных причин смерти в изменение ожидаемой продолжительности жизни в возрасте 15 лет

Период	Продолжительность жизни		Изменение за период	В том числе за счет смертности от следующих причин, лет							
	в начале периода	в конце периода		Болезни системы кровообращения	Внешние причины	Болезни органов дыхания	Болезни органов пищеварения	Инфекционные и паразитарные болезни	Новообразования	Другие причины	
Все население											
Мужчины											
1990—1994	50,66	44,26	-6,40	-2,27	-2,91	-0,42	-0,27	-0,20	-0,06	-0,27	
1994—1998	44,26	47,95	3,69	1,32	1,49	0,35	0,13	0,00	0,21	0,19	
1998—2003	47,95	44,83	-3,12	-1,36	-0,83	-0,43	-0,27	-0,17	0,02	-0,08	
2003—2005	44,83	45,06	0,23	-0,03	0,28	0,01	-0,12	0,02	0,06	0,01	
1990—2005	50,66	45,06	-5,60	-2,34	-1,97	-0,49	-0,53	-0,35	0,23	-0,15	
Женщины											
1990—1994	60,87	57,72	-3,15	-1,66	-0,95	-0,08	-0,16	-0,05	-0,06	-0,19	
1994—1998	57,72	59,64	1,92	0,98	0,46	0,14	0,09	0,00	0,08	0,17	
1998—2003	59,64	58,02	-1,62	-0,95	-0,34	0,08	-0,25	-0,07	-0,05	0,02	
2003—2005	58,02	58,45	0,43	0,31	0,14	0,02	-0,12	-0,02	0,07	0,03	
1990—2005	60,87	58,45	-2,42	-0,32	-0,69	0,00	-0,44	-0,14	-0,14	0,03	

Продолжение табл. 4.10

Период	Продолжительность жизни		В том числе за счет смертности от следующих причин, лет							
	в начале периода	в конце периода	Изменение за период	Болезни системы кровообращения	Внешние причины	Болезни органов дыхания	Болезни органов пищеварения	Инфекционные и паразитарные болезни	Новообразования	Другие причины
Городское население										
Мужчины										
1990—1994	51,14	44,38	-6,76	-2,33	-3,12	-0,45	-0,30	-0,22	-0,04	-0,30
1994—1998	44,38	48,36	3,98	1,45	1,54	0,36	0,15	0,02	0,23	0,23
1998—2003	48,36	45,20	-3,16	-1,55	-0,82	-0,32	-0,30	-0,18	0,09	-0,08
2003—2005	45,20	45,60	0,40	0,07	0,33	0,03	-0,10	0,01	0,07	0,01
1990—2005	51,14	45,60	-5,54	-2,36	-2,07	-0,38	-0,55	-0,37	0,35	-0,16
Женщины										
1990—1994	60,82	57,70	-3,12	-1,57	-0,98	-0,09	-0,17	-0,06	-0,05	-0,20
1994—1998	57,70	59,75	2,05	1,04	0,49	0,14	0,09	0,01	0,10	0,18
1998—2003	59,75	58,28	-1,47	-0,80	-0,31	-0,11	-0,27	-0,08	0,10	0,00
2003—2005	58,28	58,83	0,55	0,40	0,02	-0,17	0,01	-0,04	-0,10	-0,09
1990—2005	60,82	58,83	-1,99	-0,93	-0,78	0,11	-1,34	-0,17	0,05	0,07

Окончание табл. 4.10

Период	Продолжительность жизни		Изменение за период	В том числе за счет смертности от следующих причин, лет						
	в начале периода	в конце периода		Болезни системы кровообращения	Внешние причины	Болезни органов дыхания	Болезни органов пищеварения	Инфекционные и паразитарные болезни	Новообразования	Другие причины
Сельское население										
Мужчины										
1990—1994	49,20	43,81	—5,39	—2,01	—2,39	—0,33	—0,19	—0,13	—0,10	—0,24
1994—1998	43,81	46,79	2,98	0,92	1,39	0,31	0,08	—0,06	0,19	0,15
1998—2003	46,79	43,73	—3,06	—1,49	—1,18	—0,19	—0,19	—0,13	0,14	0,02
2003—2005	43,73	43,59	—0,14	—0,18	0,11	—0,01	—0,07	—0,01	0,03	—0,01
1990—2005	49,20	43,59	—5,61	—2,76	—2,07	—0,22	—0,37	—0,33	0,26	—0,12
Женщины										
1990—1994	60,75	57,63	—3,12	—1,78	—0,88	—0,05	—0,12	—0,03	—0,10	—0,16
1994—1998	57,63	59,21	1,58	0,77	0,46	0,12	0,07	—0,01	0,04	0,13
1998—2003	59,21	57,19	—2,02	—1,21	—0,56	—0,07	—0,21	—0,07	0,07	0,03
2003—2005	57,19	57,31	0,12	0,01	0,04	0,02	—0,01	0,01	0,01	0,02
1990—2005	60,75	57,31	—3,44	—2,21	—0,94	0,02	—0,25	—0,10	0,02	0,02

Таблица 4.11. Вклад крупных классов причин смерти в изменение продолжительности жизни в возрасте 15 лет в федеральных округах в 1998—2005 гг.

	Все причины	В том числе						Новообразования	Другие болезни	
		Болезни системы кровообращения	Внешние причины	Болезни органов дыхания	Болезни органов пищеварения	Инфекционные болезни				
Мужчины										
Россия	-2,90	-1,46	-0,66	-0,30	-0,40	-0,19	0,19	-0,07		
Федеральные округа:										
Центральный	-2,31	-1,39	-0,24	-0,23	-0,40	-0,14	0,19	-0,09		
Северо-Западный	-4,45	-2,18	-1,02	-0,38	-0,54	-0,28	0,17	-0,23		
Южный	-0,98	-1,14	0,20	0,01	-0,26	-0,09	0,20	0,09		
Приволжский	-3,45	-1,75	-0,84	-0,30	-0,48	-0,18	0,17	-0,06		
Уральский	-2,85	-1,18	-0,94	-0,25	-0,35	-0,28	0,13	0,01		
Сибирский	-3,78	-1,42	-1,45	-0,35	-0,36	-0,25	0,11	-0,06		
Дальневосточный	-3,60	-1,85	-0,79	-0,36	-0,42	-0,21	0,10	-0,06		
Женщины										
Россия	-1,20	-0,42	-0,22	-0,09	-0,36	-0,11	0,08	0,00		
Федеральные округа:										
Центральный	-0,72	0,19	-0,08	-0,10	-0,34	-0,08	0,08	-0,32		
Северо-Западный	-2,04	-0,84	-0,24	-0,13	-0,53	-0,16	0,07	-0,15		

Окончание табл. 4. 11

	Все причины	В том числе						Ново-образования	Другие болезни
		Болезни системы кровообращения	Внешние причины	Болезни органов дыхания	Болезни органов пищеварения	Инфекционные болезни			
Южный	-0,03	-0,17	0,07	-0,01	-0,15	-0,05	0,17	0,16	
Приволжский	-1,55	-0,73	-0,32	-0,04	-0,41	-0,07	0,08	0,05	
Уральский	-1,25	-0,39	-0,33	-0,10	-0,36	-0,14	0,06	0,08	
Сибирский	-1,99	-0,83	-0,52	-0,14	-0,42	-0,19	0,13	0,03	
Дальневосточный	-1,89	-0,76	-0,26	-0,13	-0,44	-0,19	0,05	-0,02	

как и у мужчин, они занимали второе место среди причин падения продолжительности жизни в возрасте 15 лет в 1998—2003 гг. Характерно, что роль несчастных случаев в сельской местности и у мужчин, и у женщин остается существеннее, чем в городах.

В 2004—2005 гг. негативное влияние на продолжительность жизни в возрасте 15 лет у мужчин оказывали болезни органов пищеварения ($-0,13$ лет) и болезни системы кровообращения ($-0,09$ лет). У женщин негативное влияние сохранили лишь болезни органов пищеварения ($-0,10$ лет).

Все остальные причины смерти в 2004—2005 гг. положительно влияли на ожидаемую продолжительность жизни 15-летних.

Последние годы отмечены прекращением роста смертности от самоубийств и убийств. Стандартизованный коэффициент смертности от этих причин снижается с 2001 г. Правда, смертность мужчин от повреждений без уточнения их случайного или преднамеренного характера, которая может включать в себя неправильно диагностированную часть смертности от самоубийств и убийств, продолжает расти, но с 2002 г. снижается смертность от всех трех групп причин в сумме. У женщин после 2002 г. снижается и смертность от повреждений неуточненного характера.

Общероссийские особенности структуры и динамики смертности по причинам смерти с большими или меньшими отклонениями воспроизводятся и в региональном разрезе. Во всех федеральных округах снижение продолжительности жизни 15-летних мужчин не менее чем на 70% определяется ростом смертности от болезней системы кровообращения и внешних причин (табл. 4.11).

У женщин ситуация не однородна уже хотя бы потому, что в Южном округе продолжительность жизни женщин почти не снизилась. Расчеты по России показали, что 53% снижения продолжительности жизни женщин связано с болезнями системы кровообращения и внешними причинами. Но в Центральном округе у них на первое место вышли болезни органов дыхания и группа «другие болезни». Роль внешних причин, как и у мужчин, выше в Уральском и Сибирском федеральных округах.

4.6. Ранняя смертность от сердечно-сосудистых заболеваний

Особая роль болезней системы кровообращения в сохранении неблагоприятных тенденций российской смертности, прежде всего среди сельского населения, заставляет более подробно проанализировать демографические особенности смертности от этого класса причин. Это тем более важно, что речь идет о главной причине смерти, на долю которой ежегодно приходится больше половины всех смертей.

Класс болезней системы кровообращения обычно рассматривается как типичный представитель «болезней цивилизации», но едва ли кто-либо полагает, что центр мировой цивилизации сейчас находится именно в российской деревне, где эта причина смерти дает о себе знать с особой силой.

Смертность от болезней системы кровообращения растет в России давно — тенденция, которая выглядит особенно неблагоприятной на фоне снижения смертности от этой причины в других не менее цивилизованных странах (рис. 4.8).

Стандартизованный коэффициент смертности (см. рис. 4.8) не дает исчерпывающей характеристики наблюдаемых тенденций. Он облегчает сравнение стран между собой, но его нельзя считать безупречным универсальным показателем. Коэффициент указывает на рост смертности от болезней системы кровообращения, но сам по себе этот факт ни о чем не говорит. Поскольку все люди смертны, каждому родившемуся рано или поздно все равно предстоит умереть от какой-то причины, и в этом смысле болезни системы кровообращения ничуть не хуже любой другой причины смерти. С точки зрения демографа есть только один критерий: лучше умереть поздно, чем рано. Однако динамика стандартизованного коэффициента смертности не дает ответа на вопрос, повышается или понижается возраст смерти от данной причины, и в этом смысле показатель малоинформативен.

Скажем, в 1980-е гг. стандартизованный коэффициент смертности от болезней органов дыхания в России снижался, а в Японии повышался, и в какой-то момент они сравнялись (для мужчин — около 1991 г., для женщин — несколько раньше, в 1986—1987 гг.). Но это вовсе не было движением к одинаковому результату. В Японии «выгодно» умирать от болезней органов дыхания, потому что это обычно смерти в преклонном возрасте, в России — крайне «невыгодно», потому что это очень часто смерти детей.

Чтобы лучше понять, что происходит в России со смертностью от болезней системы кровообращения, необходимо воспользоваться более корректными показателями, которые могут быть получены только при построении таблиц смертности по причинам смерти. Показатели этих таблиц позволяют увидеть более ясную, двухмерную (а не одномерную, как в случае со стандартизованным коэффициентом) картину динамики смертности от каждой причины смерти, характеризующуюся изменением, с одной стороны, вклада каждой причины в общую смертность, а с другой — среднего возраста смерти от нее.

Анализ первой из этих характеристик показывает, что в долговременной перспективе в России болезни системы кровообращения все время выигрывали в конкуренции с другими причинами смерти, оттягивая на себя все

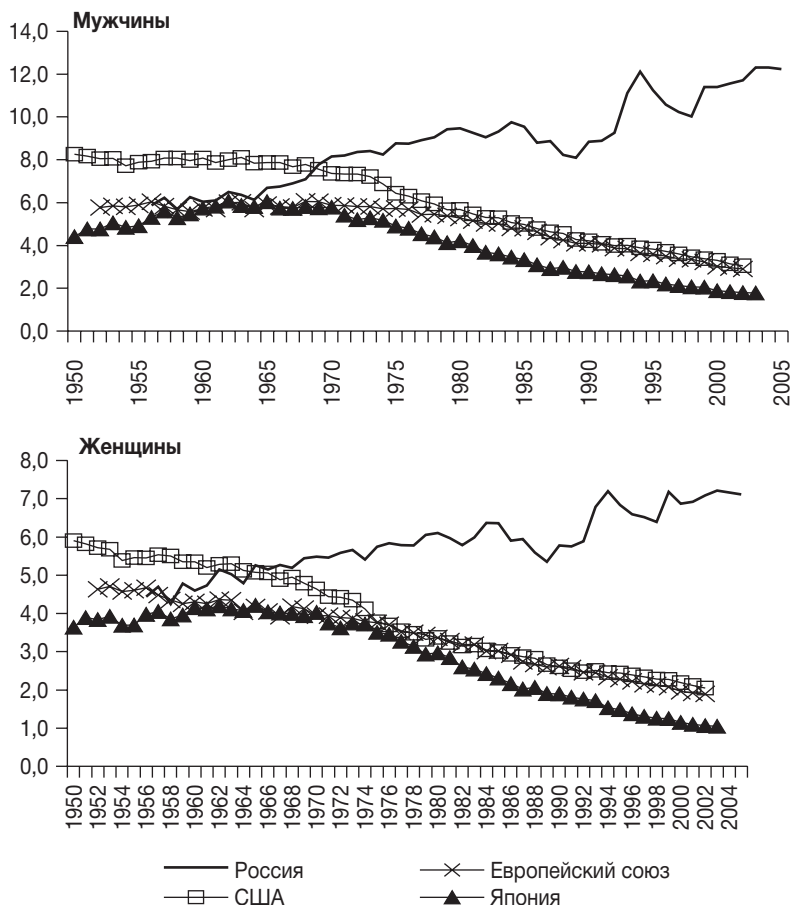

Рис. 4.8. Стандартизованный коэффициент смертности от болезней системы кровообращения в России, 15 «старых» странах ЕС, США и Японии, 1950—2004 гг., на 1000

большую долю смертей. Это контрастировало с мировыми тенденциями, поскольку в странах с низкой смертностью вероятность умереть от этого класса причин смерти уже три десятилетия понижается (рис. 4.9).

Парадокс, однако, заключается в том, что для России рост вероятности умереть от болезней системы кровообращения — не самый худший вариант, ибо у нас от этой причины люди умирают в более позднем возрасте, чем от любой другой. Однако с 1965 г. усиление роли сердечно-сосудистой

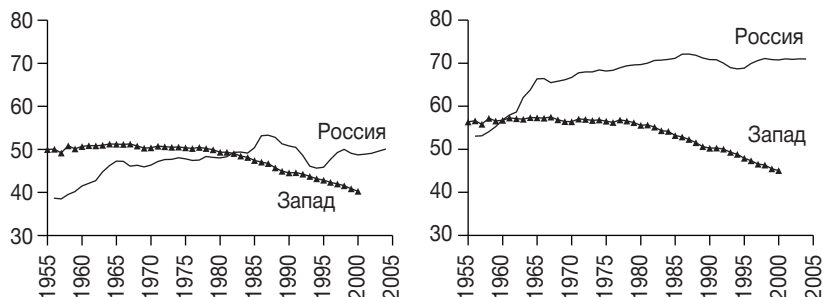

Рис. 4.9. Вероятность для новорожденных мальчиков (левая панель) и девочек (правая панель) умереть на протяжении жизни от болезней системы кровообращения в России и на Западе, 1955—2004 гг., на 100 новорожденных

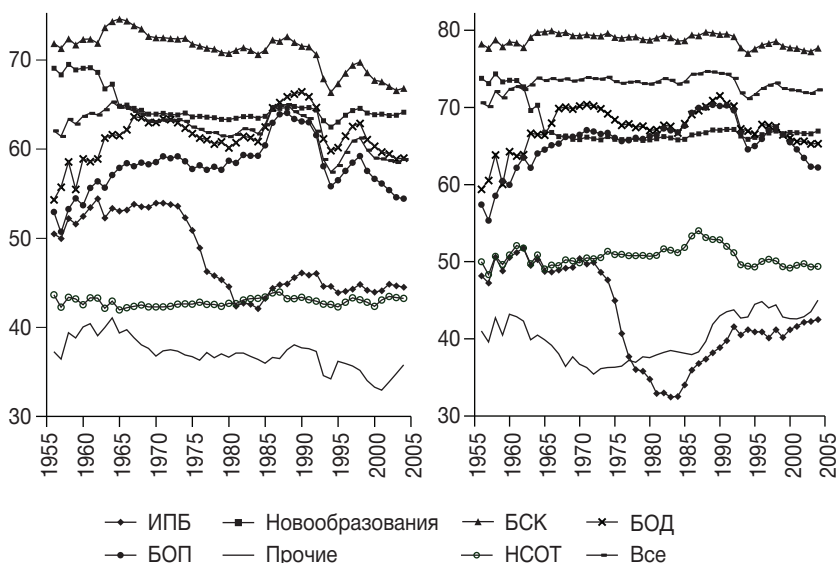

Рис. 4.10. Средний возраст смерти мужчин (левая панель) и женщин (правая панель) от семи крупных классов причин. Россия, 1956—2004 гг., лет

патологии в России сопровождалось снижением среднего возраста умирающих от этой причины, что крайне негативно сказалось на уровне продолжительности жизни.

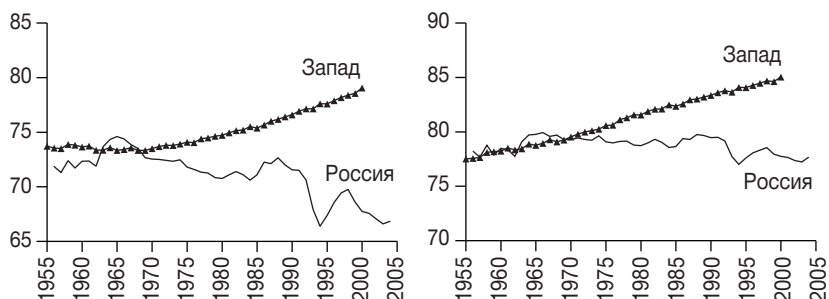

Рис. 4.11. Средний возраст смерти мужчин (левая панель) и женщин (правая панель) от болезней системы кровообращения в России и на Западе, 1955—2004 гг., лет

На Западе дело обстоит иначе. Во-первых, за последние 40 лет там значительно повысился средний возраст смерти от болезней системы кровообращения, в то время как в России он снижался, в силу чего сложился огромный разрыв (рис. 4.11). В 2000 г. средний возраст смерти от этой причины в России был у мужчин на 10, а у женщин на 9 лет ниже, чем на Западе.

Во-вторых, как само отнесение смертей от болезней системы кровообращения к более поздним возрастам, так и аналогичные изменения, связанные с другими причинами смерти, существенно изменили условия «конкуренции причин» в странах с низкой смертностью.

С одной стороны, смертность от болезней системы кровообращения там давно уже не имеет тех возрастных преимуществ, которыми обладала прежде и которыми она до сих пор обладает в России. Мужчинам там еще в 70-е гг. стало «выгоднее» умирать от болезней органов дыхания, и соответственно повысилась и их «конкурентоспособность». У женщин сдвиг был не столь значительным, но и у них «преимущества» болезней кровообращения давно исчезли с точки зрения критерия среднего возраста смерти, сердечно-сосудистые заболевания и болезни органов дыхания находятся примерно в одинаковом положении (рис. 4.12).

С другой же стороны, смещение к более поздним возрастам смертности от сердечно-сосудистых заболеваний привело к активизации на освободившемся возрастном уровне — примерно, после 65 лет — других причин смерти, прежде всего новообразований. Пользуясь известной формулой, можно сказать, что выросла доля тех, кто прежде не успевал «дожить до своего рака».

В результате всех этих изменений роль сердечно-сосудистой патологии как причины смерти на Западе стала падать. Положительной эту тенденцию считать нельзя, потому что и сейчас эта причина смерти на Западе оста-

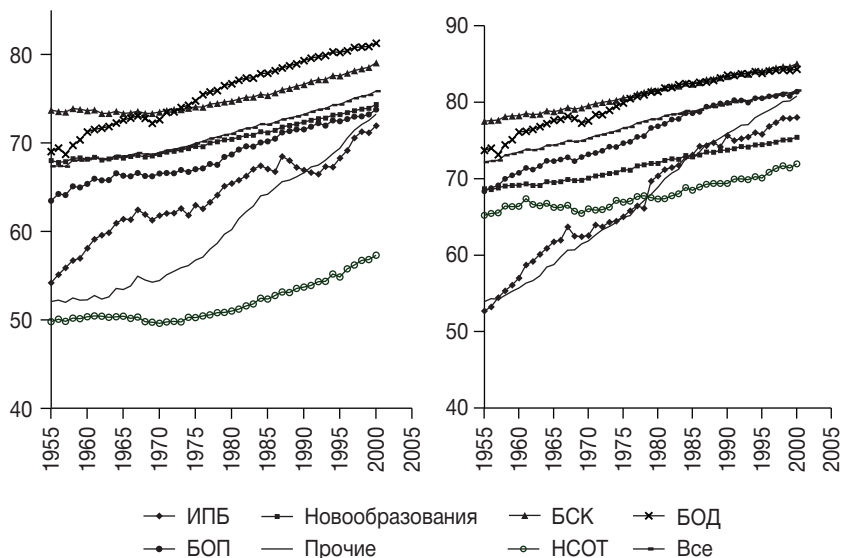

Рис. 4.12. Средний возраст смерти мужчин (левая панель) и женщин (правая панель) от семи крупных причин, Запад, 1956—2004 гг., лет

ся весьма «выгодной», уступая лишь болезням органов дыхания у мужчин. Но эта проблема возникла там после достижения весьма позднего среднего возраста смерти от болезней системы кровообращения, до которого россиянам пока очень далеко.

Для России на нынешнем этапе было бы успехом, если бы удалось повысить «конкурентоспособность» сердечно-сосудистых заболеваний как причины смерти и соответственно сохранить тенденцию роста вероятности умереть от этой причины. Это возможно, если отступят другие причины смерти с более низким средним возрастом смерти, прежде всего внешние причины.

Однако генеральное направление заключается все-таки в другом. Необходимо, как это и было сделано в западных странах, добиться значительного повышения среднего возраста смерти от болезней системы кровообращения. Пока же он имеет устойчивую тенденцию к снижению.

Эта тенденция обусловлена, вероятно, действием многих факторов, но среди них явно выделяется один, играющий судя по всему ключевую роль. Этот фактор — алкоголь.

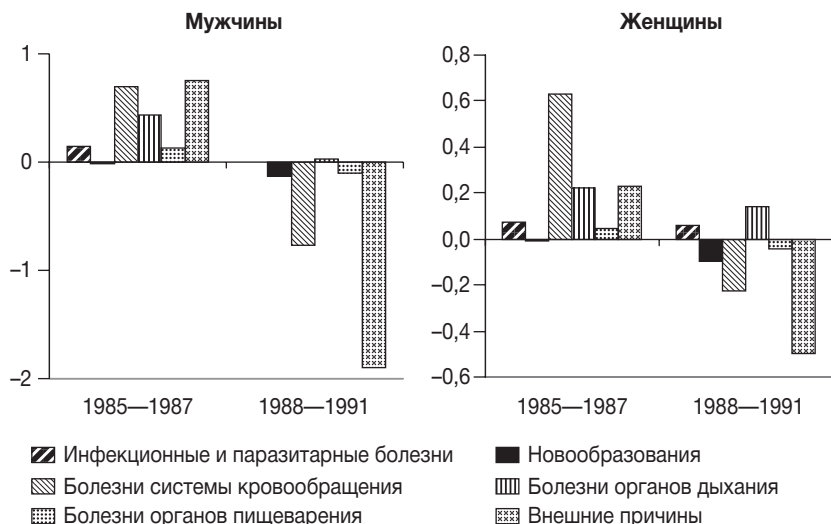

Рис. 4.13. Вклад крупных классов причин смерти в изменение продолжительности жизни во время антиалкогольной кампании и после нее (оценка Е. Андреева)

Может быть, наиболее убедительным свидетельством связи между потреблением алкоголя и смертностью от болезней системы кровообращения служит динамика этой смертности в период антиалкогольной кампании 1985—1987 гг. и после того, как эта кампания сошла на нет. На это, в частности, указывалось и в нашем докладе почти десятилетней давности, где отмечалось, что этот класс причин, особенно некоторые входящие в его состав патологии, обнаружили заметную чувствительность к изменениям в потреблении алкоголя и наряду с внешними причинами внесли решающий вклад как в снижение смертности в период проведения антиалкогольной кампании, так и в ее повышение после ее окончания⁵ (что видно, в частности, на рис. 4.13).

Но важно подчеркнуть, что и положительные, и отрицательные изменения смертности от болезней системы кровообращения сопровождалось соответственно повышением и понижением среднего возраста смерти от этой причины (см. рис. 4.11), что указывает на более тесную связь потребления

⁵ Население России 1997: Пятый ежегодный демографический доклад. М.: Кн. дом «Университет», 1998. С. 98—99.

алкоголя со смертностью от сердечно-сосудистых заболеваний именно в более молодых возрастах.

Конечно, вопрос о влиянии алкоголя на смертность россиян от болезней системы кровообращения изучен недостаточно. Этому не следует удивляться, ибо сам этот вопрос — лишь часть острейшей, но слабо изученной проблемы давно терзающего Россию алкогольного недуга. Пока эта проблема, по-видимому, не кажется важной ни российской власти, ни российской науке, а в околонаучной литературе и вовсе характеризуется как «миф об алкоголизации»⁶: «утверждение о ведущей роли злоупотребления алкоголем в эпидемии российской сверхсмертности является мифом, внедряемым по незнанию или с умыслом»⁷.

В качестве одного из аргументов, на которых строится отрицание «алкогольной гипотезы» российской сверхсмертности, в том числе и ранней смертности от болезней системы кровообращения, приводятся оценки потребления алкоголя в России, которое якобы мало отличается от его потребления в странах с низкой смертностью. Другие авторы оспаривают эти оценки, полагая, что они значительно преуменьшены из-за недоучета нерегистрируемой части потребления спиртных напитков.

Имеющиеся оценки потребления алкоголя и его динамики в России действительно противоречивы. По некоторым оценкам, душевое потребление достигает 15 л чистого алкоголя на человека в год. По оценкам ВОЗ, оно существенно ниже и в последние годы приближается к 9 л чистого алкоголя в год, а в расчете не на всех жителей России, а только на взрослых в возрасте старше 15 лет — к 11 л. Этот показатель не выше, чем во многих других странах. Эксперты ВОЗ не фиксируют и большого роста потребления алкоголя, по их оценкам оно сейчас даже ниже, чем было до антиалкогольной кампании (рис. 4.14).

Однако главная особенность российской ситуации не в том, что потребление алкоголя очень велико или очень быстро растет. Споры о количестве потребляемого алкоголя отодвигают в тень крайне важный вопрос о его структуре и тенденции ее изменения. Между тем в литературе не раз отмечалось, что во многих странах такой же как в России уровень потребления не сопровождается аномально высокой мужской смертностью и огромным разрывом в продолжительности жизни мужчин и женщин. Рассматривая

⁶ Сулакшин С.С. Российский демографический кризис: от диагностики к преодолению. М.: Научный эксперт, 2006. С. 17.

⁷ Гундаров И.А. Демографическая катастрофа в России: причины, механизм, пути преодоления. М.: УРСС, 2001. С. 23. Вывод о «незначительности» влияния алкоголя на смертность от болезней системы кровообращения подтверждается в этой работе ссылкой на одну кандидатскую диссертацию.

«Воздействие алкоголя на смертность от болезней органов кровообращения нелинейно. Гипотеза о положительном воздействии малых доз алкоголя (приблизительно до 20 г спирта в день) на сердечно-сосудистую систему всерьез обсуждается в научных кругах, поскольку многие исследования показывают, что риск сердечно-сосудистого заболевания выше для непьющих, чем для умеренно пьющих. Некоторые исследования не обнаруживают такой зависимости в России, Центральной и Восточной Европе [McKee, Briton, 1998; Averina et al., 2005; Nicholson et al., 2005]. Воздействие же более серьезных доз, как показывают многочисленные исследования, является однозначно негативным. В этом случае алкоголь увеличивает вероятность умереть от ишемической

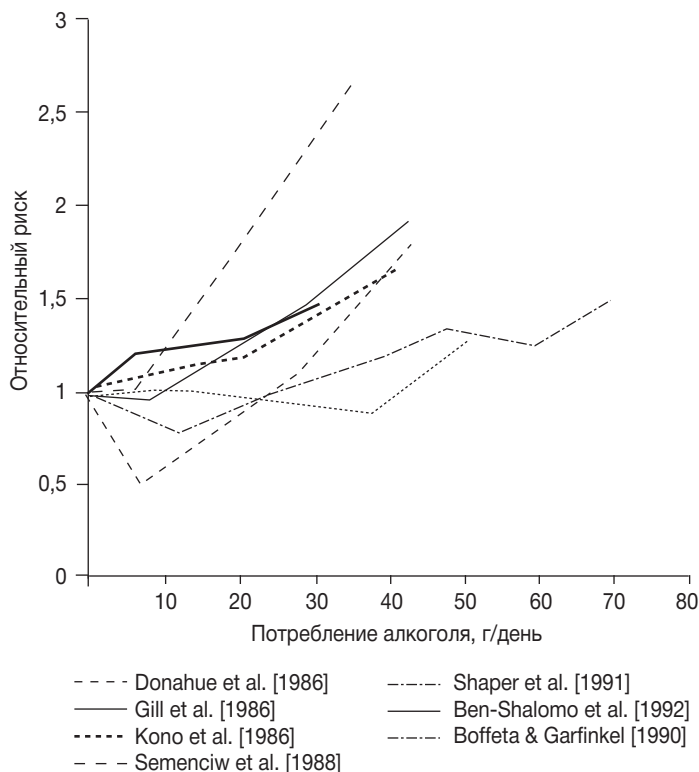

Диаграмма. Относительный риск заболеваемости инсультом в зависимости от потребления алкоголя по данным различных исследований

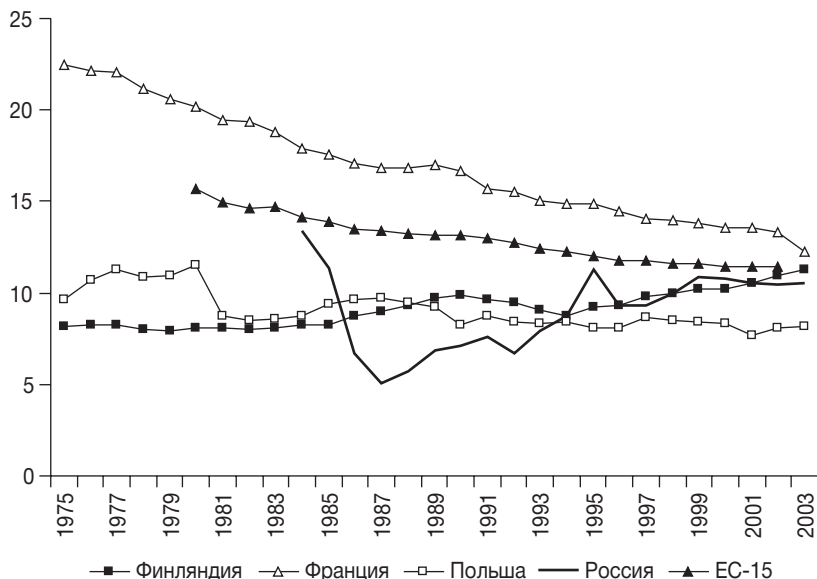
болезни сердца, повышенного кровяного давления, инсульта (см. диаграмму), аритмии, кардиомиопатии и тромбоза (см., напр., [Вирганская, 1991; Anderson, 1995; McKee, Briton, 1998; Александрии с соавт., 2003; Klatsky, 2004; WHO, 2004; Averina et al., 2005]).

Исследования, проведенные в двух городах России, обнаружили повышенное содержание алкоголя в крови значительного процента умерших от болезней системы кровообращения (Курск, 29% мужчин, 9% женщин, 1991 г. [Тишук, 1997]; Ижевск, 47% мужчин 20—55 лет, 1998—1999 гг. [Школьников, Червяков, 2000]). Под маской значительной части сердечно-сосудистых диагнозов в обоих случаях скрывалось алкогольное отравление, поскольку дозы алкоголя, обнаруженные в крови у ряда умерших, были смертельно опасными [Немцов, 2003]. Согласно расчетам А.В. Немцова ни Курская область, ни Удмуртия не являются лидерами среди регионов России по вкладу алкогольной смертности в общую. Очевидно, что если бы подобные исследования были проведены по общероссийской выборке, то результат был бы сходным. Нередко связанными с алкоголем являются и “трезвые” смерти от болезней системы кровообращения, поскольку нанесенный алкоголем вред нередко приводит к развитию хронических заболеваний. Многие геморрагические инсульты в России спровоцированы потреблением алкоголя. Такие инсульты характеризуются высокой летальностью [Klatsky 2004], но смерть может наступить через определенный срок после инсульта, и повышенный уровень содержания алкоголя в крови умерших зарегистрирован не будет».

Халтурина Д.А., Коротаев А.В. Русский крест. М.: КомКнига, 2006. С. 33—35.

Источник: Anderson P. Alcohol and risk of physical harm // Alcohol and public policy: evidences and issues. H.D. Holder and G. Edwards eds. Oxford University Press, 1995. P. 94.

связь мужской сверхсмертности со структурой алкогольного потребления, исследователи выделили страны «пивного», «винного» и «водочного» поясов и показали, что смертность, особенно мужская, тем выше, чем более крепкие напитки преобладают в массовом потреблении. Это объясняется тем, что крепость напитка в значительной степени определяет и культуру его потребления. Высокое содержание этанола в относительно небольшом объеме крепких напитков означает принятие «ударных доз», которые зачастую приводят к сильной интоксикации, весьма опасной для организма. Отсу-

Источник: WHO European health for all database (HFA-DB).

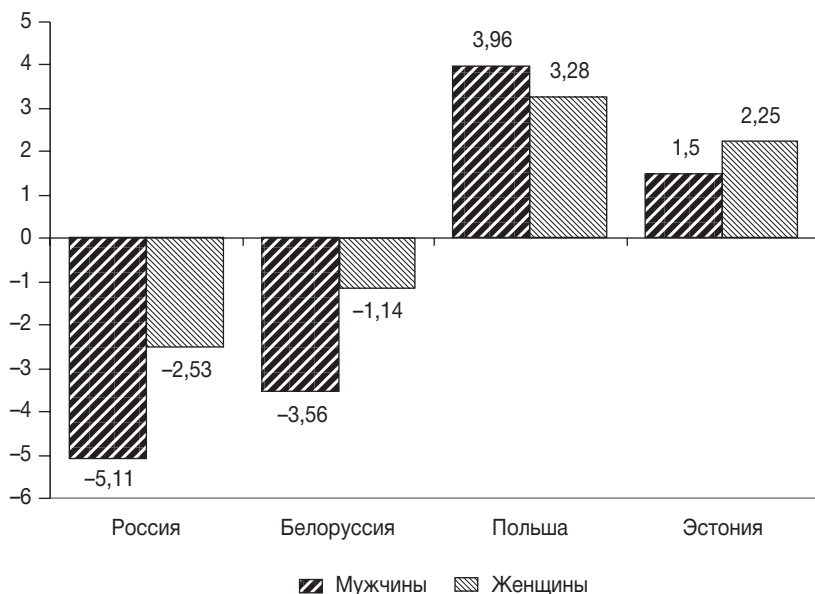
Рис. 4.14. Годовое потребление алкогольных напитков, литров чистого алкоголя на жителя в возрасте 15 лет и старше

да делается вывод, что «для решения проблемы катастрофической смертности следует принять меры, направленные на радикальное уменьшение доли водки и самогона в структуре потребления россиян»⁸.

Этот взгляд подтверждается опытом стран, еще недавно имевших сходные с Россией тенденции смертности, а затем добившихся их перелома. Как видно на рис. 4.15 и 4.16, период после 1990 г. для Польши и Эстонии ознаменовался ростом продолжительности жизни и одновременно резким изменением структуры потребления алкоголя за счет снижения в нем доли крепких спиртных напитков.

В России и Белоруссии в те же годы структура потребления алкоголя изменялась в противоположном направлении и одновременно росла смертность взрослого населения в цветущих возрастах (притом что детская смертность снижалась) и шло сокращение ожидаемой продолжительности жизни.

⁸ Кортаев А.В., Малков А.С., Халтурина Д.А. Законы истории. Математическое моделирование исторических макропроцессов. Демография, экономика, войны. М.: КомКнига, 2005. С. 325.

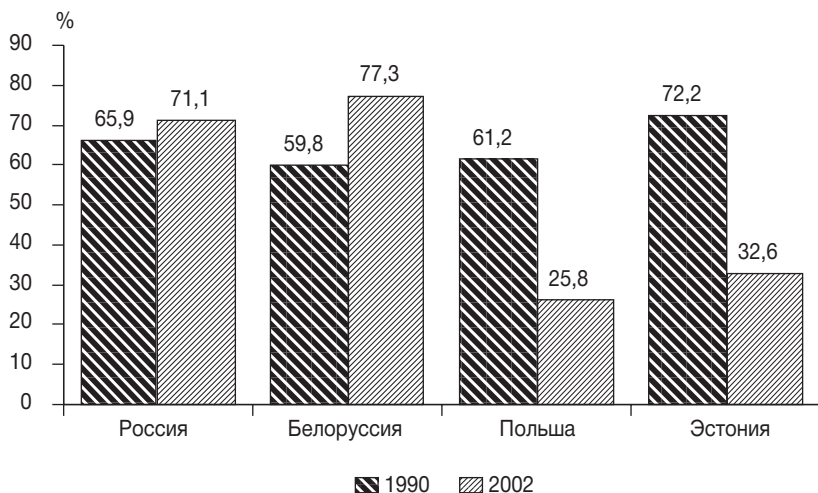

Источник: WHO European health for all database (HFA-DB).

Рис. 4.15. Изменения ожидаемой продолжительности жизни за 1990—2003 гг. в России, Белоруссии, Польше и Эстонии, лет

В 1990 г. структура потребления алкогольной продукции в России, Белоруссии, Эстонии и Польше была однотипной, во всех четырех странах резко преобладало потребление крепких спиртных напитков, причем в Эстонии их доля была даже выше, чем в России. За 13 лет после 1990 г., за которые имеются данные, соотношение коренным образом изменилось. В Эстонии и Польше доля крепких спиртных напитков за короткое время снизилась более чем вдвое, в России и Белоруссии за то же самое время она заметно увеличилась. Уровень потребления алкоголя в Польше сейчас мало отличается от того, каким он был 20 лет назад, а в Эстонии даже несколько вырос. Но структура потребления изменилась кардинально, и это, несомненно, сказалось на уровне смертности.

Разумеется, проблема алкоголизации населения и ее демографических, экономических и социальных последствий намного шире того контекста, в котором она затрагивается в настоящем разделе, посвященном ранней смертности от болезней системы кровообращения. Пока настоящая, широкомасштабная постановка вопроса о решении «алкогольной проблемы» в России еще ждет своего часа. Но несомненно, связанные с нерешен-

Источник: WHO European health for all database (HFA-DB).

Рис. 4.16. Доля крепких спиртных напитков в общем потреблении алкоголя в России, Белоруссии, Польше и Эстонии в 1990 и 2002 гг., по оценке ВОЗ

ностью этой проблемы огромные потери из-за повышенной ранней смертности взрослого населения России, особенно мужской его части, от этого вида смертности сами по себе достаточно важны, чтобы привлечь к ним внимание.

5. Миграция

5.1. Сколько в России мигрантов?

Точное число мигрантов в России не известно.

Федеральная служба государственной статистики РФ (Росстат) регулярно публикует данные как о международной, так и внутрисероссийской миграции, разрабатывая получаемые от территориальных органов Федеральной миграционной службы (ранее — от МВД России) документы статистического учета прибытия и убытия (листок статистического учета мигранта и отрывной талон к нему). Но такие документы составляются только при регистрации или снятии с регистрационного учета населения **по месту жительства** и не составляются на мигрантов, зарегистрированных **по месту пребывания**, каким бы ни был срок их пребывания. Это касается как внутренних мигрантов, переселяющихся из одного региона (города, района) в другой в пределах Российской Федерации, так и международных мигрантов, прибывающих в Россию из других стран с получением или без получения визы.

Кроме того, Росстат использует сведения о численности мигрантов из государств — республик бывшего СССР, зарегистрированных по месту пребывания на срок 1 год и более, которые собираются вручную территориальными органами статистики в течение года¹.

Не попадают в разработку данные о мигрантах, которые регистрируются на меньший срок и регулярно продлевают регистрацию (число продлений регистрации не ограничено, и человек может пребывать за пределами места своего постоянного жительства сколь угодно долго). Отдельный вопрос — масштабы недокументированной миграции, когда мигранты не оформляют регистрацию по месту пребывания, в том числе мигрируя на достаточно длительное время. Это явление характерно как для международной, так и для внутренней миграции в России. Причины этого — в сложности и бюрократической запутанности процедур регистрации, в возможности «решения вопроса» неофициальным путем, через приобретение поддельных регистраций, а также платы за отсутствие регистрации напрямую представителям контролирующих органов.

Ничего не известно российской статистике о масштабах временной (сезонной) миграции, осуществляемой на краткосрочной основе.

Особенно много нерешенных задач в области учета международной миграции. Нормативные правовые документы, разработанные в целях реализа-

¹ Прорабатывается вопрос о заполнении листов статистического учета мигранта на мигрантов, зарегистрированных по месту пребывания на срок 1 год и более.

ции Федерального закона «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» 2002 г. и регламентирующие порядок оформления разрешения на временное проживание и вида на жительство, не содержали указаний на порядок составления и передачи листов статистического учета мигрантов и отрывных талонов к ним в органы государственной статистики. Это дало экспертам резонное основание утверждать, что с 2002 г. в нашей стране отсутствует нормативная база, на основании которой лица, ответственные за регистрацию иностранных граждан, должны заполнять первичные документы статистического учета мигрантов². Только новым, вступившим в действие 15 января 2007 г. Федеральным законом «О миграционном учете иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации» Федеральному органу исполнительной власти в сфере миграции вменено в обязанность «направление в органы государственной статистики в соответствии с утвержденными формами государственного статистического наблюдения информации о регистрации иностранных граждан по месту жительства, а также информации о постановке иностранных граждан на учет по месту пребывания». Однако полностью проблема нерегистрируемой миграции, видимо, этим не разрешится.

По тем или иным причинам документы статистического учета на значительную часть людей, прибывающих в Россию или перемещающихся по России, по-прежнему не заполняются, и они не попадают в учет. К этому надо добавить, что статистическая разработка даже имеющихся первичных документов позволяет учесть не число мигрантов, а число миграций, так как один человек может в течение года сменить место постоянного жительства несколько раз, а это вносит дополнительные искажения в общую картину миграционных перемещений.

Не удивительно, что текущий учет миграции имеет тенденцию к преуменьшению истинного количества мигрантов даже в тех случаях, когда мигранты законопослушны и не ставят своей целью уклониться от учета.

В официальных Демографических ежегодниках России публикуются два разных ряда показателей международной миграции. Один из них получен на основе прямых данных текущего учета, второй отличается от него вследствие поправок на недоучет некоторой части миграций. Результаты такой оценки миграции используются при расчете численности населения России и ее регионов, для страны в целом они приводятся обычно в табл. 1.3 Демографического ежегодника, где миграционный прирост рассматривается как один из компонентов изменения общей численности населения России.

² Чудиновских О.С. Правовые основы государственного статистического наблюдения за миграционными потоками в России // Вопросы статистики. 2006. № 8. С. 35.

При оценке миграционные потоки корректируются на недоучет прибывших из государств — бывших республик СССР, поэтому также публикуется таблица оценки миграционных потоков с разбивкой по странам.

Кроме того, в 2005 г. Росстат опубликовал скорректированную оценку миграционного прироста населения России, основанную на разработке данных о численности населения по итогам Всероссийской переписи населения 2002 г.

Данные о миграционном приросте населения России по разным данным, публикуемым Росстатом, приведены в табл. 5.1.

В настоящем докладе в разделах 5.1 и 5.2, если не оговорено иное, используются данные оценки миграции Росстата, а в иных разделах, где речь идет о структурных характеристиках мигрантов, — только данные текущего учета, так как эта информация доступна только по разработке данных текущего учета.

Использование результатов переписи для корректировки сделанных ранее оценок международной миграции основано на том, что по правилам переписи в отличие от текущего учета информация о населении собирается со слов опрашиваемых³ и не привязывается к факту наличия или отсутствия официальной регистрации. Поэтому считается, что перепись позволяет уточнить численность населения каждого региона и населенного пункта за счет не учтенной официально миграции. Однако исключить возможность достаточно многочисленных случаев уклонения незарегистрированных мигрантов от участия в переписи, конечно, нельзя, поэтому есть серьезные сомнения, что и в ходе переписи удалось получить достаточно полные сведения о масштабах нерегистрируемой миграции в России.

Население России по переписи оказалось на 1,8 млн человек больше, чем по данным текущего учета, что было истолковано как недоучет 1,8 млн въехавших в страну мигрантов, точнее, того числа мигрантов, которые въехали в Россию и находились на ее территории на момент переписи. Соответственно, число прибывших за межпереписной период было скорректировано (повышено с 9,2 до 11 млн), повысился и миграционный прирост (с 3,7 до 5,5 млн).

Правда, такое толкование входит в некоторое противоречие с другими данными переписи. Она показала, что между переписями 1989 и 2002 гг. из 22,4 млн зафиксированных переписью мигрантов 16,1 млн сменили место жительства внутри России, а 6,3 млн приехали в Россию извне. Получается, что едва ли не половина из прибывших в Россию за 14 лет 11 млн человек (4,6 млн) умерли или выехали из России. Это кажется мало правдоподобным.

³ Федеральный закон «О всероссийской переписи населения» (ст. 6, п. 5).

Таблица 5.1. Миграционный прирост населения России в 1989—2005 гг. по опубликованным данным Росстата, тыс. человек

Годы	Данные текущего учета	Данные оценки	Данные оценки, скорректированные по результатам переписи населения 2002 г.
1989	115,3	82,9	82,9
1990	183,8	164,0	272,0
1991	16,7	51,6	136,1
1992	252,9	176,1	266,2
1993	440,3	430,1	526,3
1994	809,6	810,0	978,0
1995	502,4	502,2	653,7
1996	343,5	343,6	513,5
1997	364,7*	352,6	514,1
1998	300,2*	284,7	428,8
1999	164,8*	154,6	269,5
2000	213,6*	213,6	362,6
2001	72,3	72,3	278,5
2002	77,9	77,9	230,8
2003	35,1	93,1	93,1
2004	39,4	98,9	98,9
2005	107,4	125,9	125,9

* Ранее Росстат публиковал иные данные о миграционном приросте по данным текущего учета в отмеченные годы: 1997 г. — 349,0 тыс. чел., 1998 г. — 278,6 тыс., 1999 г. — 129,2 тыс., 2000 г. — 189,8 тыс.

Все же именно на основе переписных оценок численности населения Росстатом была произведена корректировка миграционного прироста и иммиграции за каждый год периода после предыдущей переписи 1989 г.⁴ (табл. 5.1, рис. 5.1 и 5.2). Однако после переписи пришлось снова вернуться к методам текущего учета, и число прибывших снова резко упало.

Тем не менее, по данным текущего учета, после периода значительного сокращения миграционного прироста населения России в 2004 г. наметилась тенденция его увеличения, которая усилилась в 2005 г. По сравнению с 2004 г. миграционный прирост населения России увеличился в 2005 г. на 68,0 тыс. человек, или в 2,7 раза.

⁴ Демографический ежегодник России. 2005: Стат. сб. / Росстат. М., 2005. С. 21.

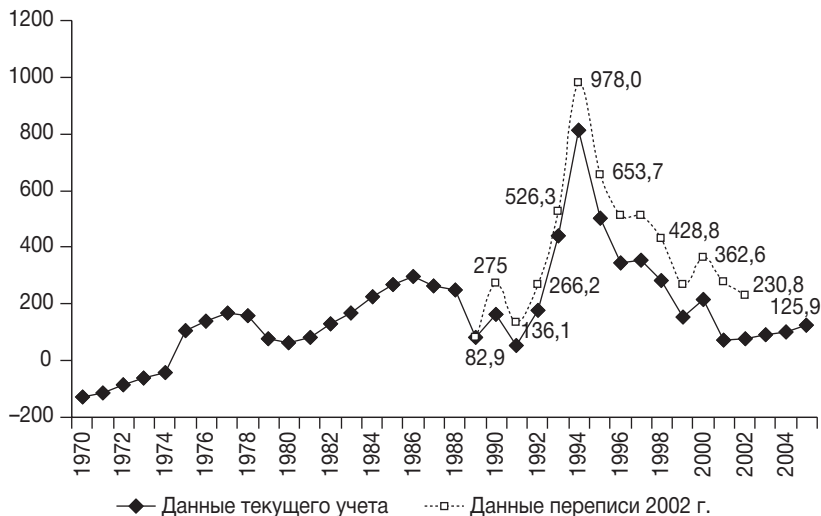

Рис. 5.1. Корректировка числа прибывших в Россию по данным переписи 2002 г., тыс. человек

В 2005 г., по данным текущего учета, в Российскую Федерацию прибыло на постоянное жительство или было зарегистрировано из числа ранее прибывших 177,2 тыс. человек против 119,2 тыс. в 2004 г. Рост регистрируемого числа прибывающих в Россию до этого в последний раз отмечался в 1992 г. Между тем число выбывающих за пределы страны продолжало сокращаться, составив в 2005 г. 69,8 тыс. человек против 79,8 тыс. в 2004 г.

Превышение числа прибывших в Россию над числом выехавших из нее, по данным текущего учета, в 2005 г. составило 107,4 тыс. человек (7,5 на 10 тыс. человек населения). Это выше, чем в предшествующие 4 года (39,4 тыс. человек в 2004 г., 35,1 — в 2003, 77,9 — в 2002, 72,3 тыс. — в 2001), но заметно ниже, чем было в середине и конце 1990-х гг.

Напомним, что речь все время идет о трендах регистрируемой миграции, а они скорее отражают резкое сужение пространства для легитимной миграции, нежели реальные потоки, которые включают также и нерегистрируемую миграцию.

В печати, даже в выступлениях высокопоставленных должностных лиц можно встретить различные оценки числа незарегистрированных мигрантов, как правило, сильно преувеличенные, но основания и источники этих оценок обычно не указываются. Эти оценки иногда достигают 10—15 млн человек, причем, судя по контексту, в котором приводятся эти цифры, речь

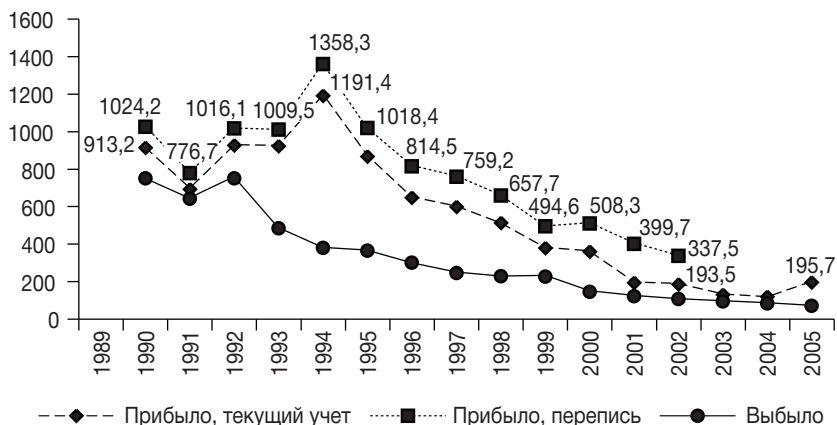

Рис. 5.2. Корректировка миграционного прироста населения России по данным переписи 2002 г., тыс. человек

идет о мигрантах, которые находятся в России и одновременно работают здесь. Учитывая, что общее число занятых в российской экономике в 2005 г. составило около 69 млн человек, получается, что нелегальные мигранты составляют от 15 до 22% действующей российской рабочей силы. А если исключить руководителей и специалистов высшей квалификации, среди которых нелегальных мигрантов или нет вовсе, или очень мало, то эта вилка повышается до 19—29%. Это представляется неправдоподобным. Еще менее правдоподобными выглядят эти оценки, если учесть, что среди нелегальных мигрантов преобладают мужчины молодых и средних возрастов, примерно от 20 до 50 лет. В постоянном населении России в этих возрастных группах насчитывается 32—33 млн мужчин. Если всерьез принять оценки, которые распространяет Федеральная миграционная служба, то надо признать, что в России каждый третий или четвертый мужчина в возрасте от 20 до 50 лет — нелегальный мигрант.

Незарегистрированные мигранты в России, конечно, есть, но их намного меньше. Согласно оценкам, основанным на исследованиях⁵, в России находится не более 3—5 млн мигрантов, значительная часть которых проживает в стране по нескольку лет, не имея вида на жительство.

⁵ См., например: *Мукомель В.И.* Миграционная политика России: постсоветские контексты. М.: Диполь-Т, 2005. С. 196.

5.2. Главный поставщик мигрантов в Россию — постсоветское пространство

Из 177,2 тыс. мигрантов, прибывших в Россию в 2005 г. и зарегистрированных текущим учетом, 168,6 тыс. приехали из бывших республик СССР. Данные оценки Росстата показывают, что прибыли 195,7 тыс., в том числе 188,6 — из бывших республик СССР, т.е. разница не принципиальная.

В течение всего периода после распада СССР постсоветское пространство было и остается, правда, в настоящее время уже за исключением стран Балтии, главным поставщиком мигрантов в Россию. Деструктивные процессы на территории бывшего СССР, с одной стороны, подстегнули стремление населения, прежде всего русских, к переезду из постсоветских стран в Россию, достигшее пика в 1994 г. (1,4 млн человек), с другой стороны — лишили эти страны привлекательности для россиян, выезд которых туда в первые же годы после коллапса СССР упал в 3 раза. В пользу России действовали относительно стабильная обстановка в стране, более быстрое продвижение по пути рыночных реформ, равно как и свобода передвижения между странами СНГ, характерная для первых лет его существования.

Начиная с 1995 г. иммиграция из постсоветских стран стала быстро сокращаться, вначале из-за военных действий в Чечне, затем под воздействием финансового кризиса августа 1998 г. В свою очередь стремление в Россию стало сдерживаться улучшением ситуации в постсоветских странах (прекращением военных действий во всех зонах вооруженных конфликтов, экономическим ростом, спадом националистических настроений, постепенной адаптацией русских к новым условиям), а также относительным ослаблением экономических преимуществ России.

Несмотря на это, после 2000 г. Россия перешла к жесткой миграционной политике, в том числе и в отношении стран СНГ, резко усложнив как регистрацию мигрантов, так и предоставление вида на жительство и получение российского гражданства⁶. Новое значительное сокращение регистрируемого притока в Россию отразило эту ситуацию.

В начале 2005 г. несоответствие миграционных процессов демографической ситуации в стране стало объектом внимания Президента РФ, который выдвинул задачу «стимулирования миграционных процессов», в первую очередь притока населения из стран СНГ как наиболее близких России в культурном отношении⁷. В том же году был проведен эксперимент по ле-

⁶ Соответствующая политика отражена в Законе о гражданстве (2002), и Законе о правовом положении иностранных граждан (2002).

⁷ Вступительное слово Президента В.В. Путина на заседании Совета Безопасности 17 марта 2005 г.

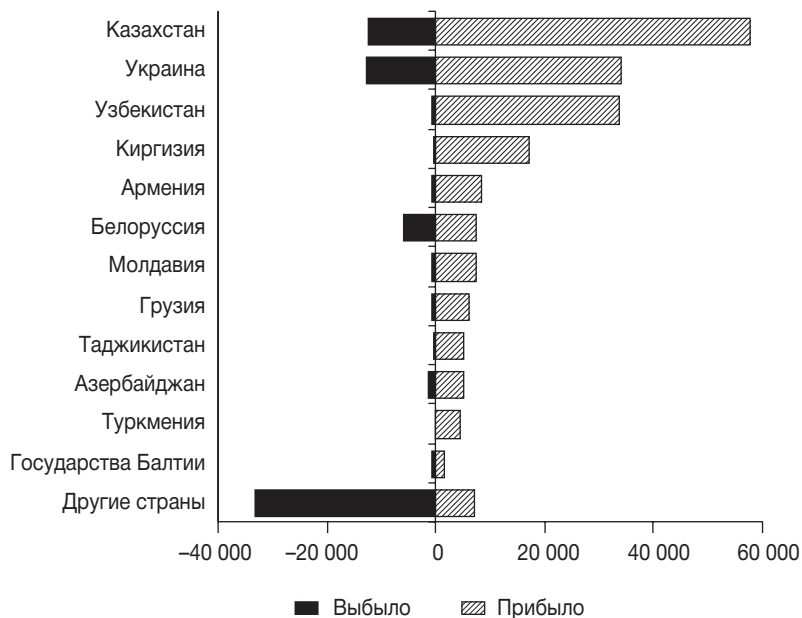

Рис. 5.3. Число прибывших в Россию и выбывших из нее за 2005 г., человек

гализации незарегистрированных мигрантов, в результате которого 7 тыс. из них были введены в правовое поле. Было также объявлено о разработке нового, более либерального законодательства и Программы, стимулирующей переселение «соотечественников, проживающих за рубежом». Тем не менее в 2005 г. приток мигрантов в Россию из стран СНГ по-прежнему был довольно низким — по данным текущего учета 168,6 тыс. человек, а с учетом выполненной Росстатом дооценки — 189 тыс. Соответственно миграционный прирост в обмене с этими странами — 132,5 или 152 тыс. человек.

В 2005 г. баланс миграционного обмена между Россией и каждой из стран СНГ и Балтии складывался в пользу России. Больше всего мигрантов — около 52 тыс. человек — дал Казахстан, более чем по 30 тыс. — Украина и Узбекистан (рис. 5.3).

Подобная ситуация характерна для всего периода между 1989 и 2005 г., на протяжении которого Россия постоянно имела положительный баланс в обмене со всеми постсоветскими странами, кроме Белоруссии и короткое время — Украины. Правда, потери в пользу Белоруссии совсем незна-

чительны — 9 тыс. человек за 1989—2005 гг. Главный миграционный донор России — Казахстан — отдал ей 1,8 млн человек, или 11% своего населения, Средняя Азия в абсолютном значении — почти столько же, но это только 5,3% ее населения. Из Закавказья в Россию уехало 6,6% всего населения, из Балтийских стран — 3,1%. Очень низкой была интенсивность оттока из Украины — менее 1%. В 1990—1992 гг. вектор миграции вообще был направлен из России на Украину. На этом направлении Россия потеряла тогда 180 тыс. человек. В последующем миграционный баланс изменился в пользу России, так что интенсивность выезда из Украины, рассчитанная за период 1993—2005 гг., заметно выше — 1,4%, но все равно по сравнению с остальными постсоветскими странами остается самой низкой. Из Украины в Россию в массовом количестве прибывают трудовые мигранты, но менять постоянное место жительства они не торопятся.

2005 г. на фоне рассмотренного периода в целом выделяется снижением чистого притока из закавказских стран и сильно возросшим вкладом Средней Азии, за счет Узбекистана и особенно Киргизии, по-видимому, в связи с произошедшими там в 2005 г. политическими событиями. Все же этот миграционный выплеск в общем не был значительным, особенно если вспомнить потоки начала 90-х, превышавшие 100-тысячный уровень. Правда, в последние два года стала быстро увеличиваться временная трудовая миграция из Киргизии, Таджикистана и Узбекистана, по оценкам достигшая примерно полутора миллиона человек. Поток из стран Балтии практически себя исчерпал (табл. 5.2).

Таблица 5.2. Нетто-миграция между Россией и странами СНГ и Балтии в 1989—2005 гг. и в 2005 г.*

Страны	1989—2005 гг.			2005 г.	
	Всего, тыс. человек	В среднем за год, тыс. человек	%	Тыс. человек	%
Западные страны	527	31,0	9,7	29,5	19,4
Белоруссия	−9,1	−0,5	−0,2	1,5	1,0
Молдавия	114,6	6,7	2,1	6,5	4,3
Украина	421,5	24,8	7,8	21,5	14,1
Закавказье	1063,1	62,5	19,7	17,0	11,2
Азербайджан	406,7	23,9	7,5	3,8	2,5
Армения	238,6	14,0	4,4	7,8	5,1
Грузия	417,8	24,6	7,8	5,4	3,6

Окончание табл. 5.2

Страны	1989—2005 гг.			2005 г.	
	Всего, тыс. человек	В среднем за год, тыс. человек	%	Тыс. человек	%
Средняя Азия	1747,9	102,8	32,4	59,2	39,0
Киргизия	360,7	21,2	6,7	16,8	11,1
Таджикистан	388,9	22,9	7,2	4,8	3,2
Туркмения	153,3	9,0	2,8	4,4	2,9
Узбекистан	845	49,7	15,7	33,2	21,8
Казахстан	1811,2	106,5	33,6	45,1	29,7
Страны Балтии	246,7	14,5	4,6	1,0	0,7
Всего	5395,9	317,4	100	151,8	37,6

*1989—2002 гг. — данные текущего учета, 2003—2005 гг. — оценки Росстата.

Таблица 5.3. Нетто-миграция между Россией и странами СНГ и Балтии, по данным текущего учета и оценкам Росстата, 2003—2005 гг., тыс.

Страны	2003 г.		2004 г.		2005 г.		Разница между текущим учетом и оценкой за 2003—2005
	Текущий учет	Оценка	Текущий учет	Оценка	Текущий учет	Оценка	
Западные страны	10,1	26,9	8,5	23,5	24,7	29,5	−36,6
Белоруссия	−1,7	0,8	0,0	3,0	0,8	1,5	−6,3
Молдавия	5,2	8,2	3,9	6,5	5,8	6,5	−6,3
Украина	6,7	17,8	4,6	14,0	18,1	21,5	−23,9
Закавказье	11,1	18,3	7,8	13,4	15,1	17,0	−14,6
Азербайджан	2,5	4,5	1,2	2,6	3,3	3,8	−3,9
Армения	4,0	6,5	2,4	4,0	7,0	7,8	−4,9
Грузия	4,6	7,2	4,1	6,7	4,8	5,4	−5,8
Средняя Азия	36,8	55,9	29,4	46,2	53,2	59,2	−41,8
Киргизия	6,0	9,3	8,9	13,9	15,1	16,8	−10,0

Окончание табл. 5.3

Страны	2003 г.		2004 г.		2005 г.		Разница между текущим учетом и оценкой за 2003—2005
	Текущий учет	Оценка	Текущий учет	Оценка	Текущий учет	Оценка	
Таджикистан	4,4	7,0	2,8	4,6	4,3	4,8	—4,8
Туркмения	6,0	9,1	3,6	5,6	4,0	4,4	—5,4
Узбекистан	20,3	30,6	14,2	22,2	29,8	33,1	—21,5
Казахстан	15,5	29,6	27,6	49,0	39,5	45,1	—41,1
Страны Балтии	1,0	1,9	0,8	1,7	0,9	1,0	—1,9
Всего	74,6	132,5	74,2	133,8	133,4	151,8	—136,0

Как отмечалось, Росстат публикует как прямые данные текущего учета миграции, так и ее скорректированную оценку. За три года расхождение между прямыми данными учета и оценкой составило 136 тыс. человек, что немало, учитывая мизерные объемы нетто-миграции в последние годы (табл. 5.3). По данным оценки, число прибывших в Россию из стран СНГ и Балтии за 2003—2005 гг. увеличилось с 403,6 тыс. до 539,6 тыс. человек, или на 34%, а миграционный прирост — с 282,1 тыс. до 418,1 тыс. человек, или почти наполовину.

5.3. Миграционный прирост на четыре пятых состоит из русских и представителей других народов России

В печати и выступлениях политиков часто подчеркивается, что, приняв за 14 межпереписных лет 11 млн мигрантов, Россия вышла по этому показателю на третье место в мире после США и Германии. Формально это верно. Германия принимала ежегодно в среднем 924 тыс. иммигрантов, США — 865 тыс., Россия — 781 тыс. По коэффициентам же иммиграции в расчете на 10 000 жителей, Россия с коэффициентом 54 сильно уступает только Германии (142), но находится впереди США (32).

Однако российская иммиграция имеет совершенно другую природу, нежели немецкая или американская, сравнения в данном случае не корректны. Если сопоставить потоки прибывших в Россию в 1989—2002 и в 1975—

1988 г., окажется, что в первом из этих 14-летних периодов, даже с учетом 1,8 млн дополнительных мигрантов, добавленных по итогам переписи 2002 г., и вопреки господствующему мнению, поток был даже большим — 13 млн человек. Но тогда это была внутренняя (внутри СССР) миграция, после распада СССР она формально превратилась во внешнюю, но сохраняла все существенные черты миграции предшествующего периода. Это была прежде всего репатриация русских. Именно благодаря их притоку было обеспечено две трети миграционного прироста России за 1989—2005 гг.

Этот процесс был продолжением тенденции, обозначившейся еще в 1960-е гг., когда русские стали возвращаться из Закавказья, а с середины 1970-х — и из Средней Азии и Казахстана. В 1990-е гг. репатриация, во-первых, охватила все неславянские страны (включая Молдавию и страны Балтии), во-вторых, резко ускорилась и, в-третьих, что самое важное, проходила совсем в иных условиях. Если раньше русские переселялись под воздействием положительной мотивации, связанной с улучшением собственного положения или положения членов своей семьи (на учебу, в поисках лучшей работы, улучшения жилищных условий, к родным и т.п.), то в 1990-е гг. выезд русских приобрел вынужденный характер, обуславливался в значительной мере стрессовыми факторами и стал походить на бегство. Количество выехавших, по сравнению с 1980-ми гг., едва ли увеличилось, но качественно (по структуре и по причинам переезда) поток изменился совершенно. Кроме того, после распада СССР очень быстро пресекался обратный поток русских — из России в бывшие республики. Как следствие, нетто-миграция русских в 1990-е гг. возросла по сравнению с 1980-ми в 6 раз.

По данным текущего учета, за 1989—2005 гг. из бывших союзных республик в Россию выехало (нетто-миграция) 3,5 из 25,3 млн этнических русских, проживавших там в 1989 г. (табл. 5.4), причем более половины из них (1,8 млн человек) — за 4 года, с 1992 по 1995 г.

Принимая во внимание данные переписи 2002 г., необходимо поднять оценку репатриации по меньшей мере до 4 млн человек. Помимо этого около 1 млн русских выехали из бывших республик за рубежи бывшего СССР, большая часть — из Украины и Белоруссии, а также живут в России, до сих пор оставаясь вне правового поля (около 0,5 млн человек). Таким образом, общие миграционные потери русской диаспоры в бывших республиках Союза (без учета ассимиляции и естественной убыли) можно оценить в 5,5 млн человек, а численность оставшихся — менее чем в 20 млн человек.

Эти оценки в целом подтверждаются и данными переписей населения постсоветских стран, проводившихся в основном на рубеже прошлого и нынешнего столетий (табл. 5.5).

Таблица 5.4. Нетто-миграция русских из стран СНГ и Балтии, 1989—2005 гг.*

Страны	Численность русских в 1989 г.		Нетто-миграция русских за 1989—2005 гг.		Потери русских за 1989—2005 гг. в % к 1989 г.
	тыс. человек	%	тыс. человек	%	
Западные страны	13 260	52,4	442,6	12,7	3,3
Белоруссия	1342	5,3	8,6	0,3	0,7
Молдавия	562	2,2	71,6	2,0	12,7
Украина	11 356	44,9	362,4	10,4	3,2
Закавказье	785	3,1	397,4	11,3	50,6
Азербайджан	392	1,55	197,3	5,6	50,3
Армения	52	0,2	35,0	1,0	67,3
Грузия	341	1,35	165,1	4,7	48,4
Средняя Азия	3292	13,0	1137,9	32,5	34,6
Киргизия	917	3,6	263,7	7,5	28,8
Таджикистан	388	1,5	237,1	6,8	61,1
Туркмения	334	1,3	106,4	3,0	31,9
Узбекистан	1653	6,6	530,7	15,2	32,1
Казахстан	6228	24,7	1318,2	37,7	21,2
Страны Балтии	1725	6,8	203,0	5,8	11,8
Всего	25 290	100,0	3499,1	100,0	13,5

* По данным текущего учета.

Так как переписные данные отражают помимо миграционной убыли русских и смену этнической идентичности, они несколько ниже нашей оценки. Кроме того, надо учитывать, что со времени проведения многих переписей прошло уже 5—6, а то и более лет, и за это время число русских в соответствующих странах еще более уменьшилось. По-видимому, оно сейчас едва ли превышает 16—17 млн, из которых подавляющее большинство — порядка 85% — живет на Украине, в Казахстане и Белоруссии.

Оставшийся потенциал русской репатриации можно оценить не более чем в 4 млн человек. Социологические исследования фиксируют значительный потенциал репатриации в Казахстане, Узбекистане, Киргизии, но для

Таблица 5.5. Число русских в бывших республиках СССР по Всесоюзной переписи 1989 г. и национальным переписям раунда 2000 г., тыс. человек

	Всесоюзная перепись 1989 г.	Национальные переписи раунда 2000 г.	Год проведения переписи
Украина	11 356	8334	2001
Казахстан	6062	4480	1999
Узбекистан	1653	Н.д.	2000
Белоруссия	1342	1142	1999
Киргизия	917	603	1999
Молдавия	562	198	2004
Приднестровье	—	214	2004
Азербайджан	392	142	1999
Таджикистан	388	68	2000
Грузия	341	68	2002
Туркмения	334	299	1995
Армения	52	15	2001
Латвия	906	703	2000
Эстония	475	351	2000
Литва	344	220	2001
Всего	25 123,8	16 837,2*	

* Без Узбекистана.

его реализации в России все еще нет условий. Сложности с регистрацией по месту жительства и оформлением вида на жительство и гражданства затрудняют интеграцию репатриантов, вызывая разочарование и сильно сдерживая их движение в Россию. В 2003 г. расширены преференции для мигрантов из постсоветских стран в отношении получения гражданства. Но преференции не распространяются на получение вида на жительство — процедуру, предваряющую получение гражданства. Поэтому льготами мало кто может воспользоваться.

В свою очередь многие страны СНГ, особенно Казахстан, все более ощущают последствия потерь интеллектуального потенциала и квалифицированной рабочей силы и, чтобы воспрепятствовать этому, постепенно расширяют сферу употребления русского языка, облегчают доступность к российским

информационным каналам, идут на уступки в вопросах определения гражданства, а обозначившийся в большинстве стран выход из экономического кризиса создает лучшие условия для трудоустройства. Так что привлечение в Россию все еще сохраняющегося в «ближнем зарубежье» иммиграционного потенциала русских становится все более проблематичным. По всей вероятности, Россия упустила свой шанс. На это указывает и снижение доли русских в общем миграционном приросте, полученном за счет стран СНГ и Балтии: 81% в 1989—1992 гг., 64% — в 1993—2000 гг., 59% — в 2001—2004 гг., 54% — в 2005 г.

Помимо русских, на долю которых, как уже отмечалось, пришлось две трети миграционного прироста после переписи 1989 г., еще около 12% этого прироста дали другие этнические россияне, среди которых больше всего татар. Таким образом, почти 80% прироста было обеспечено за счет миграций, которые можно считать возвратными. За счет титульных народов постсоветских стран получено 17,3% миграционного прироста, среди которых больше всего армян (41%), украинцев (33%) и азербайджанцев (10%). В Россию прибывали представители большинства народов бывшего СССР, но были и исключения: Россия потеряла небольшое количество казахов, киргизов и туркмен (табл. 5.6). Насколько можно судить по данным переписи, в Россию въехало гораздо больше коренного населения стран СНГ, чем показывает учет. Так, в 2002 г. по сравнению с 1989 г., согласно переписи, число таджиков в России стало больше на 82 тыс. человек, тогда как по учету за период, на 3 года больший (по 2005 г.), их прибыло 36,7 тыс.; соответствующие показатели по азербайджанцам 286 и 92, по армянам — 598 и 373 тыс. человек. За счет естественного прироста такая большая разница образоваться не могла.

Наиболее «русские» потоки в 2005 г. шли из стран Балтии (русских в них 83,5%, 4% украинцев⁸), Казахстана (77% и 7%), а также из Киргизии, Туркмении, Узбекистана (65—71% русских, 3—6% украинцев). Соответственно из этих стран крайне редко выезжают в Россию лица титульных национальностей. Реже всего — казахи, их в потоке из Казахстана всего 4%. Примерно столько же узбеков и балтийских народов в потоках из своих стран, киргизы выезжают активнее — их 9,5% среди прибывших из Киргизии. А вот таджики весьма значимо представлены уже не только в незаконной, но и в регистрируемой миграции. В потоке из Таджикистана русских менее половины (46%), на 29% поток состоит из таджиков и еще на 8% из узбеков. Гражданская война 1994—1997 гг. сильно стимулирова-

⁸ Здесь и далее национальный состав мигрантов исчислен без лиц, не указавших национальность.

Таблица 5.6. Нетто-миграция из стран СНГ и Балтии в Россию по национальности, 1989—2005 гг., тыс. человек*

Национальность	Всего за	В том числе		
	1989—2005	1989—1992	1993—2000	2001—2005
Русские	3499,3	739,3	2454,2	305,8
Белорусы	31,7	11,5	19,8	0,4
Молдаване	13,7	−5,8	15,6	3,9
Украинцы	305,1	−43,1	312,2	36,0
Народы Закавказья	514,8	73,0	405,1	36,7
Азербайджанцы	91,6	−6,4	91,9	6,1
Армяне	372,9	84,8	261,8	26,3
Грузины	50,3	−5,4	51,4	4,3
Народы Средней Азии	55,8	−18,7	58,7	15,8
Киргизы	−1,9	−6,0	1,8	2,3
Таджики	36,7	−0,9	32,6	5,0
Туркмены	−0,1	−3,4	2,3	1,0
Узбеки	21,1	−8,4	22,0	7,5
Казахи	−9,4	−20,8	17,7	−6,3
Народы стран Балтии **	0,8	−4,0	4,6	0,2
Другие***	848,1	179,0	531,5	137,6
Всего	5259,9****	910,4	3819,4	530,0

* По данным текущего учета.

** Латыши, литовцы, эстонцы.

*** Включая мигрантов, не указавших национальность.

**** Этот итог несколько меньше, чем итог по странам (см. табл. 5.2), так как учетные данные за 2003—2005 гг. по национальности, в отличие от данных по странам, Госкомстатом не корректировались.

ла мобильность таджиков. Кроме того, из Средней Азии продолжают выезжать татары. Их в суммарном потоке из этих стран 10%, больше всего из Узбекистана.

Меньше всего русских в потоке из Закавказских стран — в целом 18%, основная его часть представлена титульными народами — 68%. Вместе с тем потоки по отдельным странам совсем разные. Поток из Армении почти весь «армянский» (армян в нем 85%) и этим резко выделяется среди всех рассматриваемых стран. В потоке из Азербайджана азербайджанцев 53%,

а русских в 2 раза меньше. Поток из Грузии более разнообразен и пропорционален, в нем почти в равной мере присутствуют русские, грузины, армяне и осетины.

Прибывшие из Украины и Белоруссии наиболее однородны и одинаковы по национальному составу, но имеют «русский» крен — русских в них 62%, украинцев и белорусов — по 32%. Похож по составу и поток из Молдавии, в котором 23% молдаван, 54% русских, 14% украинцев.

Следует обратить внимание и еще на одну плохо осознаваемую широким общественным мнением черту российской иммиграции, которая не позволяет ставить ее в один ряд с американской или немецкой.

Если говорить о регистрируемой, законной иммиграции, то это прежде всего иммиграция российских граждан. 92% из общего числа зарегистрированных мигрантов, прибывших из СНГ в 2005 г., — граждане России, из них 6% имеют двойное гражданство. Граждане России преобладали в потоке из СНГ также и в предшествующие годы: в 2002 г. — 90%, в 2003 г. — 84%, в 2004 г. — 89%. Напомним, что раньше граждане бывшего СССР могли оформить российское гражданство в посольствах и консульствах России, не выезжая из своей страны. Этот порядок был отменен в 2002 г. и в виде исключения действует лишь в Абхазии и Южной Осетии. Следовательно, регистрируемые мигранты из СНГ — это накопившиеся там российские граждане. Граждан других стран в миграционном потоке из СНГ всего 6,1%. По-видимому, либо лица, не имеющие российского паспорта, вообще не рискуют ехать в Россию, боясь предстоящих трудностей правового оформления, либо им очень трудно зарегистрироваться и тогда они не попадают в учитываемый статистикой контингент. И тот и другой вариант не только показывает, что миграционная политика России находится в тупике, но и вызывают тревогу относительно надежд, возлагаемых на страны СНГ как на главный источник иммиграции в будущем. Проблемы гражданства на постсоветском пространстве до конца все еще не урегулированы: 2,5 тыс. мигрантов из СНГ в 2005 г. не имели гражданства. Скорее всего это были лица с советскими паспортами.

Как ни сильно сократился поток въезжающих в Россию из постсоветских стран и живущих в ней на законном основании, выезд из России в постсоветские страны сократился еще больше. В последние годы он практически прекратился, опустившись в 2005 г. до 36 тыс. человек, что чуть не в 20 раз меньше уровня 1989 г. Регистрируемое миграционное движение между Россией и бывшими партнерами по Советскому Союзу, по существу, стало односторонним. Скачкообразное сокращение выезда создало эффект миграционного взрыва, который сошел на нет из-за падения иммиграции.

5.4. Баланс миграционного обмена с дальним зарубежьем — не в пользу России

В отличие от баланса миграций между Россией и постсоветскими странами, баланс миграций между Россией и остальными странами — дальним зарубежьем — уже на протяжении длительного времени сводится с дефицитом. Эта ситуация начала складываться еще во второй половине 1980-х гг., до распада СССР, и получила развитие в 90-е гг., когда сначала был разрешен выезд из страны некоторым этническим и религиозным группам, а затем — с 1 января 1993 г. — вступил в действие Закон о свободе въезда и выезда. Число выезжавших из страны быстро выросло и на какое-то время стабилизировалось на уровне, близком к 100 тыс. человек в год. Число же въезжавших было значительно меньшим и к тому же, возможно, плохо учитывалось. Это привело к появлению довольно значительного отрицательного сальдо миграции в обмене со странами, находящимися за пределами бывшего СССР.

По более ранним оценкам Росстата (тогда Госкомтата РФ), за 1990—1999 гг. это отрицательное сальдо составило около 1 млн человек (994 тыс.). Позднее Росстат скорректировал публикуемые оценки, в основном за счет уточнения числа прибывших в 90-е гг., и стал публиковать скорректированный ряд данных, который несколько снизил оценку миграционных потерь (рис. 5.4). Так, если по данным до корректировки, разница между числом прибывших и выбывших за 1994—1999 гг. составила 586 тыс. человек, то после корректировки она уменьшилась до 449 тыс. Общие же потери в этом виде миграции за 1994—2005 гг. с учетом упомянутой корректировки составили 700 тыс. человек.

После 1995 г. эмиграция снижается. По данным Росстата⁹, в 2003 г. она впервые опустилась ниже 50 тыс. в год, а в 2005 г. составила всего 33 тыс. человек.

⁹ Учет как выезда, так и въезда при миграционном взаимодействии с дальним зарубежьем страдает неполнотой и позволяет делать лишь довольно грубые оценки. В России существуют два вида данных по эмиграции за пределы постсоветских стран: данные Росстата, учитывающие лиц, при выезде снявшихся с регистрации по месту жительства, т.е. утративших статус резидента, и данные МВД, учитывающие граждан России, получивших разрешение на выезд. И те, и другие данные недостаточно точно отражают фактический выезд, так как, с одной стороны, можно выехать, не снимаясь с регистрации, с другой — можно, получив разрешение на выезд, оставаться жить в России. Оба ряда данных демонстрируют аналогичные тренды, но, по данным Росстата, эмиграция примерно на 15% меньше, чем по данным МВД. Не исключено, что и те, и другие данные существенно преуменьшают истинное количество выезжающих.

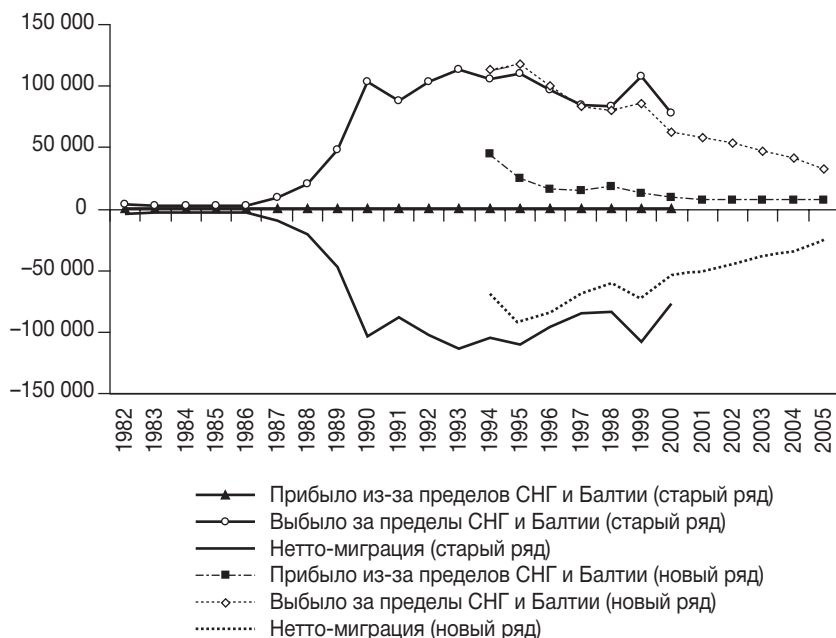
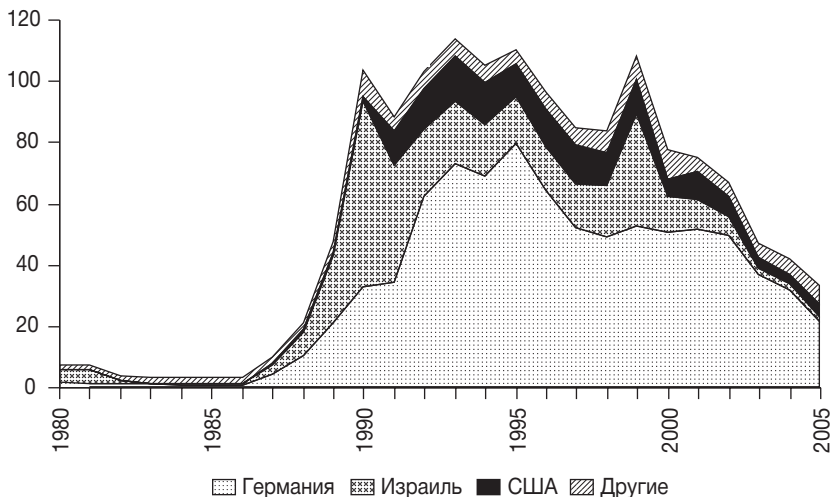

Рис. 5.4. Число прибывших, выбывших и миграционная убыль населения в обмене России со странами дальнего зарубежья по публикуемым Росстатом данным об общих итогах миграции населения, человек*

Примечание. Старый ряд: для прибывших — данные о числе лиц, получивших разрешение на въезд в страну на постоянное жительство; для выбывших — о числе лиц (включая постоянно проживающих на территории России иностранцев и лиц без гражданства), получивших разрешение на выезд из страны на постоянное жительство.

Новый ряд: данные, полученные в результате разработки поступающих от территориальных органов Федеральной миграционной службы документов статистического учета прибытия и убытия.

* До 2001 г. Росстат публиковал в качестве основных данных о международной миграции данные МВД России о численности лиц, получивших разрешение на въезд/выезд в/из России, с 2002 г. он стал публиковать в основных итогах собственные данные, получаемые из разработки листов статистического учета, получаемых при регистрации (снятии с регистрационного учета) по месту жительства. Основное отклонение этих данных от данных МВД России состояло в том, что данные Росстата содержали сведения и о числе граждан России, выезжавших в длительные служебные заграникомандировки, а также возвращающихся из заграникомандировок. Ниже при характеристике масштабов и направлений эмиграции до 2002 г. используются преимущественно данные МВД России (более поздние данные недоступны).

Источники: данные МВД; за 2003—2005 гг. — данные Росстата.

Рис. 5.5. Распределение эмигрантов из России по странам назначения, 1990—2005 гг., тыс. человек

Большую часть эмигрантов из России приняла Германия — 832 тыс. человек, 60%, 311 тыс. человек — 22% потока — принял Израиль, 10%, или 144 тыс. человек, — США. Во все другие страны выехало лишь 100 тыс. человек, 7% (до 2003 г. — по данным МВД России, с 2003 г. — по данным Росстата) (рис. 5.5).

Поток в Израиль сильно преобладал в начале 1990-х, затем он опустился от максимума в 61 тыс. человек в 1990 г. до 15—20 тыс. в последующем. С 2002 г. эмиграция в Израиль стала меньшей, чем в США, несмотря на то, что выезд в США также сократился из-за ужесточения иммиграционного законодательства. По данным Росстата, в 2005 г. из 33 тыс. человек, выехавших из России, в США направлялось 4 тыс. (против 10—15 тыс. человек в 1990-е гг.), в Израиль — 1,7 тыс. Регистрируемая эмиграция становится все более ориентированной на Германию. В 2005 г. эта страна приняла 21,5 тыс. человек (65% российских эмигрантов).

В противоположность потокам в указанные три страны выезд в другие страны удерживается примерно на постоянном уровне (5—7 тыс. человек в год) и в последние 2 года уже был равен суммарному выезду в США и Израиль. В группе других стран выделяются Греция (в начале 1990-х), Канада и Финляндия. Восточный вектор эмиграции едва обозначен. В Китай, например, с которым у России очень протяженная граница, с 1990 г. на постоянное жительство выехало только 360 человек, но за один 2005 г. — 456 человек.

Первоначально эмиграция из России имела ярко выраженный этнический характер. За 1989—2005 гг. Россию покинуло около 543 тыс. немцев, которые составили 38% эмиграции, 250 тыс. евреев (17,5%), 445 тыс. русских (31,2%) и 190 тыс. лиц других национальностей и не указавших свою национальность (13,3%). Однако потенциал этнической эмиграции постепенно иссякает, в частности ее еврейская составляющая почти сошла на нет. С 1998 г. на первое место по численности среди эмигрантов вышли русские. С тех пор они сохраняют лидирующую позицию. Их выезд тоже сокращается, но более медленно по сравнению с немцами и евреями (табл. 5.7, рис. 5.6). В 2001 г. выезд русских уже был примерно равен суммарному выезду немцев и евреев, взятых вместе, а в последующем превысил его, в 2005 г. — в 1,8 раза. В 2005 г. русские составили третью часть эмигрантов в Германию, почти половину эмигрантов в Израиль и США. Очевидно, что их эмиграция приобретает самостоятельный характер.

Таблица 5.7. Эмигранты из России, выехавшие за пределы СНГ и Балтии, по национальности, 1996—2005 гг., тыс. человек*

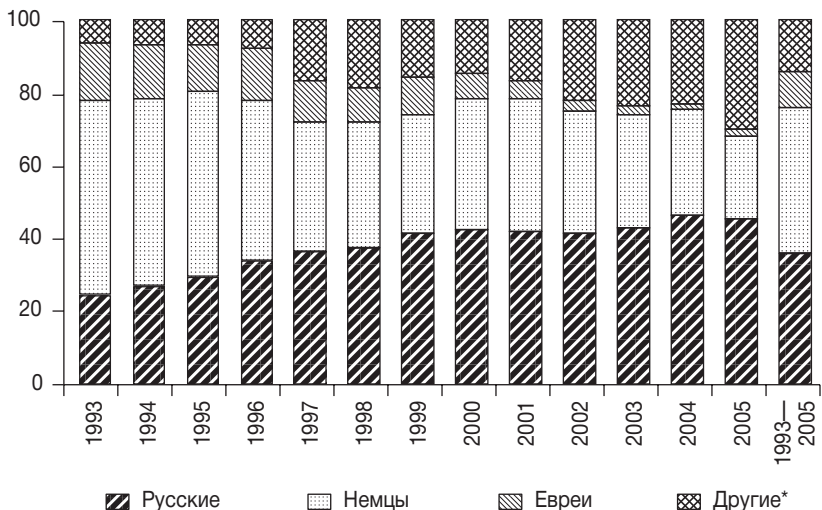
Национальность	1996	1997	1998	1999	2000	2001	2002	2003	2004	2005
Русские	29,2	29,8	29,3	34,5	25,8	24,0	21,7	19,8	19,2	14,7
Немцы	38,6	30,0	28,3	28,0	22,6	21,7	18,3	14,9	12,2	7,6
Евреи	12,5	9,5	7,3	9,0	4,5	2,8	1,5	1,0	0,7	0,6
Другие**	7,1	14,2	15,5	13,8	9,4	10,1	12,2	11,4	9,9	10,1
Всего	87,4	83,5	80,4	85,3	62,3	58,6	53,7	47,1	42,0	33,0

* Данные Росстата.

** В том числе лица, не указавшие национальность.

В эмиграцию все больше вовлекаются все жители России. Если в 1992 г. резко преобладали Москва и Санкт-Петербург, давшие около 40% эмигрантов, то в 1997 г. их доля упала до 18%, в 2000 — до 9,3%, в 2005 г. — до 7,5%. Обе столицы дали примерно равное количество эмигрантов. Снижается доля москвичей и петербуржцев и в потоке, направленном в США: в 1995 г. они составляли половину этого потока, в 2000 г. — четверть, в 2005 г. — восьмую часть. При этом Москва отдала примерно равное количество эмигрантов в страны СНГ и другие страны, тогда как из Санкт-Петербурга выезд в другие страны в 3 раза превзошел выезд в СНГ.

Регистрируемая иммиграция в Россию из-за пределов бывшего СССР, как отмечалось, невелика, но все же намного больше, чем можно судить по официальным данным.

* Включая лиц, не указавших национальность.

Рис. 5.6. Распределение эмигрантов из России по национальности, по данным Росстата, 1993—2005 гг., %

Перепись населения 2002 г. зафиксировала только 282,1 тыс. иностранцев, прибывших из-за границ бывшего СССР с 1989 г., а согласно данным Росстата, даже с учетом повышающей корректировки, с 1994 по 2005 г. оттуда прибыло всего 178 тыс. иммигрантов, в том числе в 2005 г. — всего 7,1 тыс. Это явно заниженные цифры, которые отражают недостаточный уровень регистрации лиц, прибывающих в страну, и наличие большого числа мигрантов с неурегулированным правовым положением.

В частности, перепись населения учла на территории России всего 35 тыс. китайцев, что едва ли отражает реальное положение вещей. Китайская трудовая иммиграция привлекает к себе пристальное внимание и вызывает серьезную тревогу у жителей приграничных территорий. Огромная разность демографического потенциала по обе стороны российско-китайской границы дает основания для этого, и не удивительно, что китайское присутствие, как правило, сильно преувеличивается, говорят о миллионах живущих в России китайцев. Оценки на основе исследований намного скромнее, они не превышают 500 тыс. человек, одновременно присутствующих в стране, но это все же не 35 тыс. И можно ли всерьез воспринимать число прибывших из Китая в 2005 г. — 432 человека?

Только по служебным делам в 2005 г. в Россию приехали 1,6 млн иностранных граждан. Значительная часть из них пребывает в стране один год

и более, т.е., по сути, является иммигрантами. Неужели среди них только 7,1 тыс. — из-за пределов бывшего СССР?

Уже не раз писалось, что по существующим оценкам в России находится около 100 тыс. афганцев, бежавших от войны. Половина из них проживает в России более 5 лет, каждый пятый — более 10 лет, до сих пор не имея вида на жительство. Не урегулировано правовое положение и их детей, окончивших в России школы и даже профессиональные учебные заведения. Из-за этого часть афганцев вынуждены выезжать в США, которые предоставляют им убежище.

Присутствие вьетнамцев оценивается в диапазоне 30—80 тыс. человек, значительная часть из них находится в России со времени их найма Советским Союзом и тоже не имеет правового статуса. К этому надо прибавить небольшое количество выходцев из арабских стран и Северной Кореи.

К сожалению, иммиграция не из СНГ — это наименее полно учитываемая составляющая миграционного движения, и отношение к ней до сих пор настороженное, что отразилось на переписи и отражается на текущем учете.

5.5. Подавляющее большинство россиян родились в своей стране

Перепись 2002 г. дала информацию о распределении населения по месту рождения, что позволило существенно расширить представления о роли миграции в формировании современного населения России.

Перепись показала, что подавляющее число сегодняшних жителей страны — 90,6% — уроженцы России. Численность постоянного населения России, родившегося за пределами страны, составляет 12 млн человек (8,3%). По доле жителей, родившихся за пределами своей страны, Россия близка к норме развитых стран, лишь немного им уступая. Например, в 2004 г. уроженцы других стран составляли в населении Великобритании 9,3%, Франции — 10% (1999), Нидерландов — 10,6%, Германии — 12,9% (2003), Австрии — 13%, США — 12,2%. В отдельных странах доля иностранных уроженцев много выше: в Австралии — 23,6%, Швейцарии — 23,5%, Канаде — 18,9%. Неместные уроженцы значительно скромнее представлены в восточно-европейских странах, которые долгое время существовали в закрытом режиме (например, Чехия — 4,9%, Венгрия — 3,2%), а также в странах с преобладающей эмиграцией (например, Финляндия — 3,2%).

Относительно высокая доля жителей страны, родившихся вне России, — результат ее длительного существования в составе СССР. Только 466,2 тыс. человек, родившихся за пределами России (0,33%) родились и за предела-

ми СССР. Место рождения 1,1% населения неизвестно¹⁰. В подавляющем же большинстве — 11,5 из 12 млн уроженцев других стран, или 6,9% населения страны, — это уроженцы бывших республик СССР. Они меняли место жительства, не пересекая государственных границ. Сколько (какая доля) уроженцев других стран прибыли в Россию из-за ее пределов после распада СССР, опубликованные данные переписи оценить не позволяют. По оценке О.С. Чудиновских¹¹, основанной на данных переписей населения Украины и Белоруссии, 85 и 70% лиц, родившихся за рубежом, в этих странах совершили переезд до распада СССР. По России такие данные не опубликованы, возможно, доля международных мигрантов в числе родившихся за рубежом среди населения России выше, так как именно Россия являлась центром постсоветских миграций.

Данные переписи показывают, таким образом, что интенсивность миграционного обмена России с бывшими республиками СССР примерно соответствовала интенсивности внешнего миграционного обмена западно-европейских стран.

В этих цифрах, как в зеркале, отражена советская история России, которая в течение длительного времени отдавала республикам население, а затем, начиная со второй половины 70-х гг., стала принимать возвратные миграционные потоки — из республик в Россию. За 1975—2002 гг. приток мигрантов составил 24 млн человек, причем высокая доля в нынешнем населении страны россиян по рождению как раз и свидетельствует о том, что в нем преобладало возвратное движение уроженцев России. Мизерная же доля россиян, родившихся за пределами СССР, — следствие закрытости страны в прошлом.

Доля местных уроженцев в постоянном населении слабо варьирует по федеральным округам — от 86,9% на Северо-Западе¹² до 94,3% в Поволжье (табл. 5.8).

Среди округов с повышенной долей уроженцев бывших республик выделяются Северный Кавказ, Урал, Дальний Восток, а с особенно низкой — Приволжье, в состав которого входит много регионов, ранее отдававших население, да и сейчас преимущественно остающихся таковыми. Это республики Марий Эл, Мордовия, Удмуртия, Чувашия, где за пределами Рос-

¹⁰ Чаще всего это люди, которые отсутствовали дома в момент переписи, а лица, отвечавшие за них на вопросы, не знали, где они родились.

¹¹ Чудиновских О.С. К вопросу о методике расчета численности долгосрочных международных мигрантов в странах СНГ // Вопросы статистики. 2005. № 11. С. 49.

¹² Доля уроженцев России в Северо-Западном округе снижена из-за относительно высокой доли не указавших место рождения (3,5% против 1,1% в среднем). Если этих лиц исключить из рассмотрения, различия выравниваются — 90,1% по Северо-Западу против 91,6% в среднем по России.

сии родилось лишь 1,8—2,8% жителей, в Башкирии — 3,9%, в то время как в Оренбургской, Самарской, Саратовской областях — 8,6—9,9%.

Доля родившихся за пределами России высока на севере (выше всего в Ямало-Ненецком (28,3%) и Ханты-Мансийском (22%) автономных округах), в анклавной Калининградской области (22,4%), повышена в районах, получивших значительный миграционный приток после распада СССР (например, в Белгородской области — 14,1%). Контрастны, как и в Приволжье, показатели регионов Южного округа. Относительно высока доля родившихся не в России в испытывающих миграционное давление Краснодарском (14,5%) и Ставропольском (12,7%) краях, республике Северной Осетии — Алании, принявшей беженцев из Южной Осетии (16,9%). В то же время Дагестан все еще остается регионом исхода (там родившихся вне России всего 1,5%).

Таблица 5.8. Распределение населения России по месту рождения, по данным переписи 2002 г., %

	Родились в России			Родились за пределами России			
	Всего	В том числе		Всего	В том числе		
		на территории своего субъекта РФ	на территории другого субъекта РФ		в бывших республиках	в других странах	территория не указана
Россия	90,6	71,0	19,6	8,3	6,9	0,3	1,1
В том числе федеральные округа:							
Центральный	89,1	66,1	23,0	8,8	6,2	0,5	2,1
Северо-Западный	86,9	60,5	26,4	9,6	5,7	0,4	3,5
Южный	89,3	71,8	17,5	10,5	10,0	0,3	0,2
Приволжский	94,3	80,3	14,0	5,4	4,9	0,2	0,3
Уральский	90,2	66,7	23,5	9,2	8,4	0,2	0,6
Сибирский	92,5	73,5	19,0	7,3	6,9	0,2	0,2
Дальневосточный	89,8	63,3	26,5	9,4	8,1	0,5	0,8

На момент переписи 2002 г. в России проживало 11,5 млн уроженцев стран СНГ и Балтии и 4,9 млн мигрантов из этих стран в возрасте 15 лет и

старше, прибывших в нашу страну с 1989 г. (но не обязательно являющихся их уроженцами). Распад СССР довольно сильно повлиял на соотношение потоков из бывших республик. Об этом можно судить на основании сравнения структур уроженцев и мигрантов (табл. 5.9).

Таблица 5.9. Уроженцы постсоветских стран и мигранты из этих стран в населении России, по переписи 2002 г., %

Страны	Уроженцы	Мигранты*	Уроженцы	Мигранты*
	тыс. чел.		%	
Западные страны	4773,3	1082,6	41,5	22,1
Белоруссия	935,8	140,7	8,1	2,9
Молдавия	277,5	125,5	2,4	2,6
Украина	3560,0	816,4	31,0	16,6
Закавказье	1956,4	995,6	17,0	20,3
Азербайджан	846,1	394,1	7,4	8,0
Армения	481,3	269,4	4,2	5,5
Грузия	629,0	332,1	5,4	6,8
Средняя Азия	1939,8	1285,1	16,8	26,1
Киргизия	463,5	266,9	4,0	5,4
Таджикистан	383,0	285,6	3,3	5,8
Туркмения	175,3	105,3	1,5	2,1
Узбекистан	918,0	627,3	8,0	12,8
Казахстан	2585,0	1374,9	22,5	28,0
Страны Балтии	256,1	172,1	2,2	3,5
Всего	11 510,6	4910,3	100,0	100,0

* Мигранты в возрасте 15 лет и старше по странам проживания в январе 1989 г.

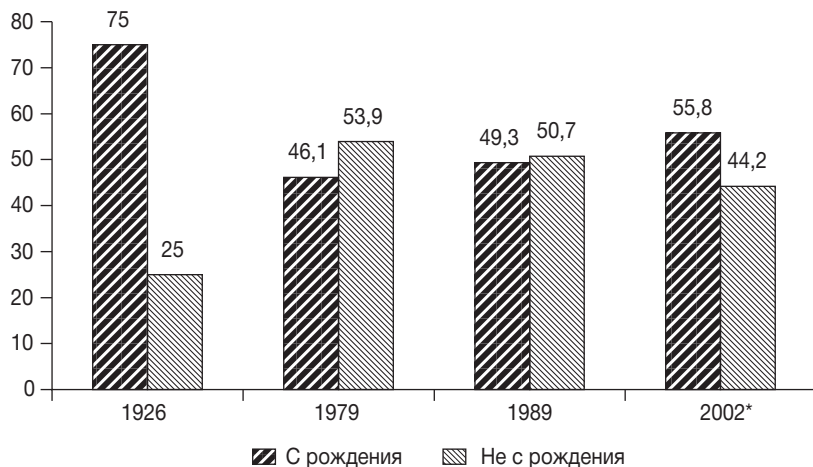
Главным миграционным донором России до распада Советского Союза была Украина, где родился почти каждый третий (31%) из общего числа россиян — уроженцев бывших республик. После дезинтеграции СССР ее место заняли Казахстан, давший 28% новых переселенцев, и Средняя Азия, лишь немного ему уступившая (26%). В полтора раза усилилось тяготение из Средней Азии, особенно из Узбекистана. Роль Закавказья возросла незначительно, а вот роли Украины и Белоруссии как доноров России резко

снизились — Украины почти в 2 раза (до 16,6%), а Белоруссии еще сильнее (с 8,1 до 2,9%). Среди уроженцев России большинство (71 из 91%) родились в своем же субъекте Федерации, но это говорит не столько о низкой мобильности населения, сколько о том, что жизнь значительной части нынешнего населения страны пришлась на период интенсивной урбанизации, когда преобладали ближние переселения из села в город. Не случайно доля родившихся в других субъектах среди уроженцев России понижена в Приволжье и на Юге — регионах, где сельское население еще значительно. С другой стороны, высокая доля родившихся за пределами своего региона, но в России, характерная для Дальнего Востока и Северо-Запада (для северной его части), указывает на интенсивное формирование населения этих регионов в советское время.

Данные о местных и неместных уроженцах давали и предыдущие переписи населения. Сравнение этих данных за длительный период показывает, что десятилетия бурного роста доли неместных уроженцев после переписи 1926 г., когда страна переживала стремительную урбанизацию, освоение новых районов, войну, массовые насильственные перемещения людей, сменились более спокойными годами, когда мобильность стала сокращаться, а доля неместных уроженцев — падать. Доля людей, никогда не переезжавших, к 2002 г. сильно выросла — до 55,8% против 49,3% в 1989 г. и 46,1% в 1979 г. (рис. 5.7). Сейчас люди, безвыездно проживающие в местах своего рождения, заметно преобладают в населении страны, причем эта тенденция прослеживается и у городского, и у сельского населения, но у городского населения она выражена особенно четко. Доля горожан, никогда не покидавших места своего рождения, упала с 59% в 1979 г. до 46% в 2002 г., в 1,3 раза (рис. 5.8).

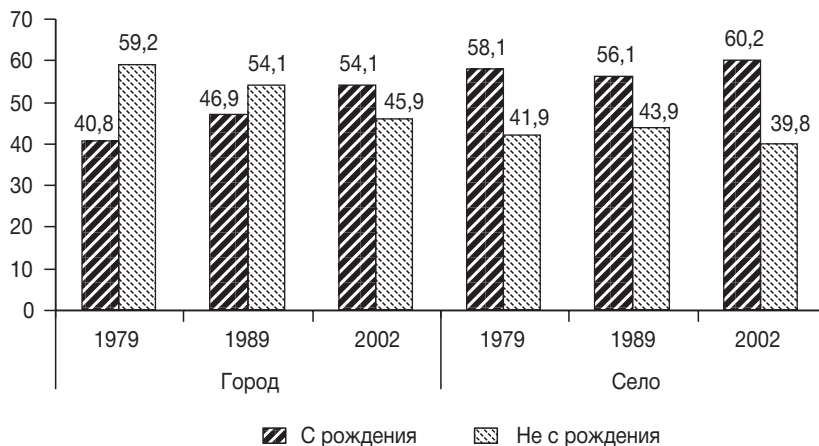
Мигранты распределяются по уровню мобильности совершенно по-другому, чем все население. В их составе мобильный контингент резко преобладает (рис. 5.9). Это приводит к выводу, что в населении есть довольно устойчивая мобильная компонента, которую образуют лица, совершающие переезды много чаще, чем остальные. Иными словами, тот, кто переселился однажды, легче решится на это и в последующем, т.е. миграция сама себя интенсифицирует. Особенно это справедливо по отношению к внутренним мигрантам. Среди переехавших внутри страны в 2005 г.¹³ лишь 16,2% проживали в предыдущем месте жительства с рождения, т.е. совершили свой первый переезд, а 83,8% до этого уже меняли место жительства. Среди мигрантов

¹³ С 2004 г. Росстат публикует данные о длительности проживания мигрантов в предыдущем месте жительства. Эта информация собирается по результатам разработки первичных учетных документов (листок статистического учета мигрантов).

* Не указавшие время проживания (в 2002 г. — 1,4%) пропорционально распределены

Рис. 5.7. Население, проживающее в месте жительства с рождения и не с рождения, %

* Не указавшие время проживания (в 2002 г. — 1,4%) пропорционально распределены.

Рис. 5.8. Население, проживающее в месте жительства с рождения и не с рождения по городу и селу*, %

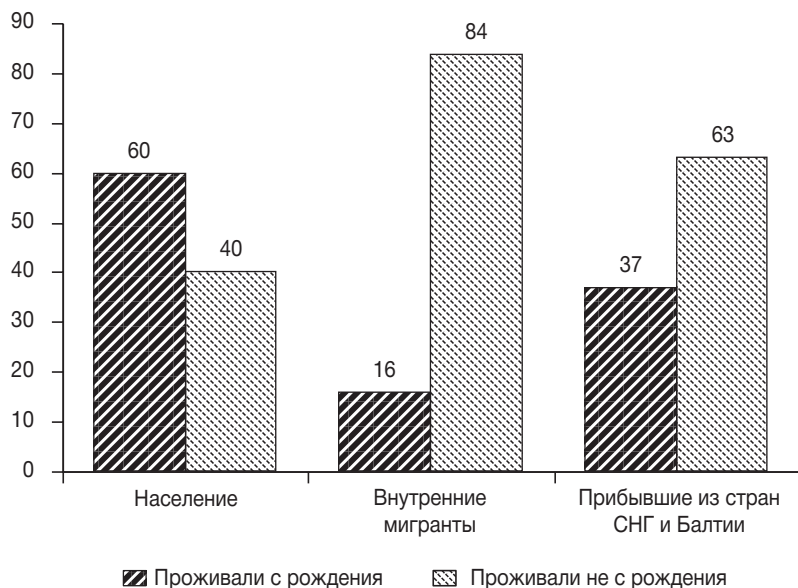

Рис. 5.9. Мигранты (2005 г.) и население (перепись 2002 г.) по непрерывности проживания в предыдущем месте жительства, %

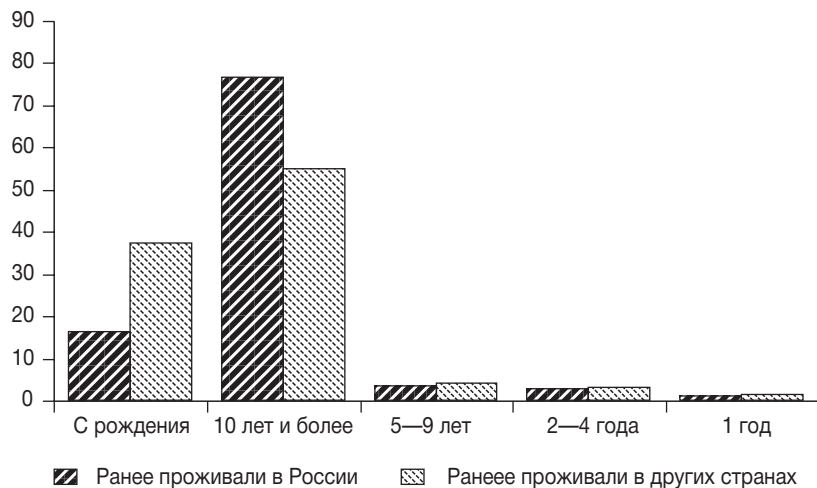

Рис. 5.10. Распределение мигрантов по предыдущему месту жительства и длительности проживания, 2005 г., %

из СНГ мобильная компонента существенно меньше — 62,6%, но она тоже сильно перевешивает. В переписи, к сожалению, детальная информация о длительности проживания мигрантов в месте исхода отсутствует.

С другой стороны, распределение мигрантов по длительности проживания в 2005 г. показывает, что немногим более 1% из них совершают за год более одного переселения, а тех, кто менял место жительства в течение последних 10 лет, 7,3%. Остальные же либо совершали свой первый переезд, либо проживали по предыдущему месту жительства 10 лет и более (рис. 5.10). Однако оговоримся, что это относится к тем мигрантам, которые меняют место официального жительства.

5.6. Западный перенос внутренних миграций

Данные переписи населения о длительности проживания и прежнем месте жительства позволяют лучше понять роль миграции в формировании населения регионов, а также направления миграционных потоков как в регионы, так и между ними. В частности, они подтверждают представления о «западном переносе» внутренних миграций, т.е. об их общей направленности с востока на запад, хотя и дают основания для некоторых уточнений сделанных ранее оценок.

Перепись дает информацию о числе местных и неместных (т.е. хотя бы однажды в жизни менявших место проживания) уроженцев, среди последних можно выделить условных «новоселов», т.е. тех, кто сменил место жительства после проведения переписи 1989 г. Относительно этой категории мигрантов перепись позволяет получить сведения о месте их прежнего проживания.

Как и более ранние переписи, перепись 2002 г. показала, что доля в населении лиц, проживающих в данном регионе не с рождения, заметно повышена в восточных регионах и на Северо-Западе, сильнее же всего — на Дальнем Востоке — 50,6% против 43,6% в среднем по стране (табл. 5.10).

Высокая доля неместных уроженцев в Южном Федеральном округе — следствие как его притягательности для мигрантов из других регионов, так и этнического размежевания недавнего времени. Так, в Ингушетии доля новоселов, прибывших с 1989 г., доходит до 30%, что составляет две трети от общего числа меняющих место жительства в этой республике; в Калмыкии — до 22%. В Дагестане, как регионе исхода, доля менявших место жительства очень низка — 20,5%, но из них каждый второй приехал после января 1989 г., т.е. стягивание в свои этнические границы происходило и здесь. Очень высока доля новоселов также в Краснодарском и Ставропольском

Таблица 5.10. Население федеральных округов по продолжительности проживания. По данным переписи 2002 г., %

Федеральные округа	Проживают с рождения	Проживают не с рождения		Не указали
		всего	в том числе прибыли в 1989—2002 гг.	
Россия	55,0	43,6	15,8	1,4
Центральный	55,7	41,4	14,7	2,9
в том числе Москва	53,4	40,6	13,3	6,0
Северо-Западный	49,7	46,7	14,1	3,6
в том числе Санкт-Петербург	52,6	38,8	8,8	8,6
Южный	57,4	42,3	17,3	0,3
Приволжский	59,3	40,5	14,1	0,2
Уральский	50,2	49,0	17,7	0,8
Сибирский	53,2	46,6	18,1	0,2
Дальневосточный	48,5	50,6	18,0	0,9

краях — 20 и 22%, что стало следствием этнического размежевания во всем Кавказском регионе, включая Закавказье.

Высока доля неместных уроженцев, в том числе и прибывших после 1989 г., и на Урале. В основном это влияние интенсивных процессов формирования населения в Ханты-Мансийском и Ямало-Ненецком автономных округах. Три четверти населения этих округов — приезжие, из них каждый второй поселился здесь не ранее 1989 г.

Довольно неожиданный факт — высокая доля новоселов в Сибири и на Дальнем Востоке, ведь эти округа в рассматриваемый период интенсивно теряли население в миграциях. Но оказывается, что здесь отрицательный миграционный баланс сочетался с интенсивными входящими потоками. В Магаданской и Амурской областях, Республике Саха, на Чукотке каждый пятый житель — новосел, хотя все эти регионы относятся к наиболее теряющим население.

Любопытны данные по Москве и Санкт-Петербургу. Здесь доля неместных уроженцев, в том числе и прибывших в 1989—2002 гг., ниже среднего уровня, но при этом очень высока доля не указавших продолжительности проживания (6% в Москве, 8,6% в Санкт-Петербурге против 1,4% в сред-

нем и менее 1% в других округах), это прямое свидетельство того, что в столицах очень многие лица переписывались с чужих слов или по документам ЖЭКов. Если же исключить тех, кто не указал продолжительности проживания, то доля проживающих с рождения в Москве поднимается до 56,8%, в Санкт-Петербурге — до 57,5% против 55,8% в среднем по стране, что указывает на несколько меньшую, чем показанную в табл. 5.10, подвижность населения столиц.

А вот доля переселенцев, прибывших с 1989 г., как ни считай, остается в столицах пониженной: в Москве — 14,1; в Санкт-Петербурге — 9,6 против 15,8 в среднем (без учета не указавших срок проживания). Данные по продолжительности проживания, таким образом, сильно расходятся с переписной оценкой численности населения Москвы, которая оказалась на 1,7 млн человек больше учетной.

Высокая миграционная активность в округах востока страны обеспечивается в основном за счет внутрирегиональных переселений, в то время как у мигрантов в регионах европейской части страны в качестве прежнего места жительства доминируют другие регионы России или зарубежные страны (табл. 5.11).

Таблица 5.11. Население в возрасте 15 лет и старше, менявшее место жительства, по месту проживания в январе 1989 г., %

Федеральные округа	Всего	Прожили в России		Прожили за пределами России	Не указали
		В своем субъекте	В другом субъекте		
Россия	100,0	34,6	34,0	27,0	4,4
Центральный	100,0	19,5	38,2	30,2	12,1
в том числе Москва	100,0	10,7*	35,8	29,6	23,9
Северо-Западный	100,0	28,4	40,4	25,5	5,7
в том числе Санкт-Петербург	100,0	9,2**	53,1	26,8	10,9
Южный	100,0	32,0	36,6	30,2	1,2
Приволжский	100,0	44,1	29,0	25,5	1,4
Уральский	100,0	36,6	33,1	26,9	3,4
Сибирский	100,0	47,1	28,6	23,2	1,1
Дальневосточный	100,0	47,9	33,5	14,8	3,8

* Московская область.

** Ленинградская область.

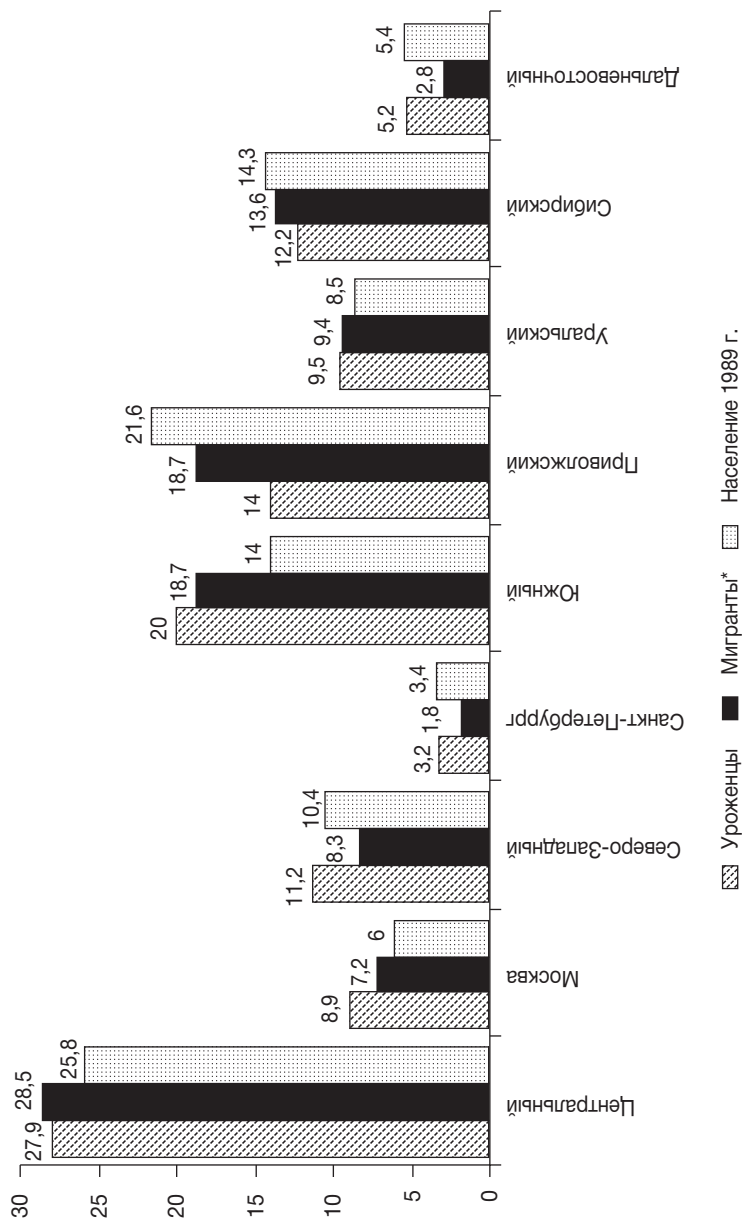
Особенно в этом отношении отличается Москва: без учета не указавших прежнего места проживания доля внешних мигрантов среди неуроженцев города в Москве достигает 39%, в Санкт-Петербурге — 30%. Из российских регионов главным донором Москвы все еще оставался Центральный округ, на который пришлось более половины приехавших в Москву из России (54%), по 12% дали Москве Юг и Приволжье, почти столько же (11%) Сибирь и Дальний Восток. В Северо-Западном округе ощущался недостаток ресурсов для подпитки Санкт-Петербурга. Вклад округа в миграционную составляющую населения города — 29%.

Новопоселенцы из бывших республик, прибывшие с 1989 г., распределились по федеральным округам почти в соответствии с распределением уроженцев этих республик, подтверждая гипотезу о возвращенцах в места исхода как основном контингенте мигрантов из СНГ (рис. 5.11).

Миграционное притяжение ощущалось в Центральном, Южном и Уральском округах, где доли и уроженцев, и мигрантов из бывших республик превысили удельный вес этих округов в населении России. Но если притяжение Центра несколько усилилось за межпереписной период (о чем свидетельствует более высокая доля мигрантов по сравнению с уроженцами), а Урала оставалось стабильным, то на Юге оно несколько ослабло, хотя все равно было достаточно сильным. Заметно слабее в период 1989—2002 гг. было стремление мигрантов в Москву, и особенно в Санкт-Петербург. Вместе с тем доля Москвы в миграционном потоке из постсоветских стран всегда заметно превышала ее долю в населении России, тогда как доля Санкт-Петербурга среди уроженцев едва дотягивала до его доли в населении, а среди новоселов была почти в 2 раза ниже ее. Наиболее заметно возрос поток из СНГ в Приволжье, но он все же не дотянул до доли округа в населении.

В противоположную сторону, притом очень резко, выделяется на фоне других округов Дальний Восток. Он отличается как очень низким притоком внешних мигрантов (14,8% — почти вдвое ниже средних показателей, см. табл. 5.11), так и сильным падением привлекательности для них (на округ пришлось всего 2,8% мигрантов из СНГ, что почти в 2 раза уступает и доле уроженцев из этих стран и доле округа в населении России, см. рис. 5.11). Спад стремления на Дальний Восток продемонстрировали абсолютно все страны СНГ (табл. 5.12). Такой разворот миграционной ситуации не оставляет надежд на привлечение в регион значительного количества переселенцев в будущем.

В предыдущем докладе отмечалось, что во внутренних миграциях осевой поток устойчиво ориентирован с севера и востока в центр и на юго-запад. Два округа образуют миграционные полюса — Центр, который стяги-

* Мигранты в возрасте 15 лет и старше по странам проживания в январе 1989 г.

Рис. 5.11. Распределение уроженцев постсоветских стран, мигрантов из этих стран и населения России по федеральным округам, %

Таблица 5.12. Доля Дальнего Востока в числе уроженцев постсоветских стран и мигрантов из этих стран, проживающих в России, %

Страны	Уроженцы	Мигранты*
Белоруссия	5,2	4,0
Молдавия	5,7	3,6
Украина	8,7	5,7
Страны Закавказья	6,3	4,9
Страны Средней Азии	14,4	9,3
Казахстан	3,8	1,8
Страны Балтии	3,1	1,7
Всего	5,2	2,8

* Мигранты в возрасте 15 лет и старше по странам проживания в январе 1989 г.

вает население со всей территории страны, и Дальний Восток, который во все регионы население отдает. Центральный округ избрал почти две трети населения, перераспределенного между округами за межпереписной период, а Сибирь и Дальний Восток потеряли за этот период 1 млн своих жителей (табл. 5.13).

Таблица 5.13. Внутрироссийская миграция между федеральными округами, 1989—2002 гг. По данным переписи населения 2002 г.*, тыс. человек

	Прибыло	Выбыло	Миграционный прирост
Россия	10 198,1	10 198,1	—
Федеральные округа:			
Центральный	2357,0	1569,8	787,2
Северо-Западный	1104,2	1248,5	–144,3
Южный	1562,0	1378,7	183,3
Приволжский	2035,8	1774,7	261,1
Уральский	1231,8	1312,7	–80,9
Сибирский	1169,7	1440,8	–271,1
Дальневосточный	737,6	1472,9	–735,3

* Оценка Росстата.

Практически весь миграционный прирост, получаемый Центральным округом во внутренней миграции (а с середины 1990-х гг. — и во внешней), аккумулировали Москва и Московская область, причем в связи с сокращением притока из СНГ в Центральном округе восстановился миграционный ландшафт, характерный для 1980-х гг., когда Москва стягивала население со всей ближайшей округи. Центростремительность миграционных связей России приобрела универсальный и предельно выраженный характер.

Даже такому городу, как Санкт-Петербург, на этом фоне уготована лишь роль второго плана. Являясь центром притяжения мигрантов всероссийского масштаба, северная столица тем не менее может успешно конкурировать с Москвой только за мигрантов из регионов европейского севера, а также соседних Новгородской, Псковской областей и Карелии.

Расчеты внутреннего перераспределения населения, полученные на основе сопоставления мест выхода и мест проживания мигрантов (табл. 5.14) заставляют внести в эту оценку некоторые коррективы.

Осевой вектор движения — с востока на запад — подтверждается и теми и другими данными, но масштабы сдвигов населения между округами слишком разные: по данным табл. 5.13 они равны $\pm 1231,6$, а табл. 5.14 — $\pm 786,5$. Сильно сказываются ошибки переписи по Москве. Соответственно меньше потери Дальнего Востока (497,4 тыс. человек против 735,3) и приток в Центр (631 тыс. человек и 787 соответственно). Правда, надо учесть и неполную сопоставимость тех и других данных.

Оценки табл. 5.13 базируются на суммировании годовых данных и не учитывают смертность мигрантов, которая за 14 лет составляет значимую величину. Переписные данные, на основе которых составлена табл. 5.13, относятся только к мигрантам, живущим на момент переписи. С другой стороны, данные табл. 5.14 относятся к населению 15 лет и старше, тогда как табл. 5.13 представляет весь поток. Но даже если учесть все поправки, которые следовало бы внести в целях сопоставимости данных, существенные расхождения между ними останутся. Скорее всего все-таки произошел недоучет внутренних миграций в переписи, поскольку годовые данные тоже основаны на учете.

Таблица 5.14. Перераспределение населения между округами в межпереписной период, тыс. человек*

Прожили в 1989 г. на территории	Прожили в 2002 г. на территории						
	России	Федеральных округов					Дальне- восточного
России	0,0	Централь- ного	Северо- Западного	Южного	Приволж- ского	Уральского	Сибирского
Федеральных округов:							
Центрального	—631,3	631,3	—108,3	61,3	77,6	16,3	—180,7
Северо-Западного	108,3	0,0	—120,8	—114,3	—88,7	—42,4	—103,9
Южного	—61,3	120,8	0,0	18,0	37,7	—6,2	—21,5
Приволжского	—77,6	114,3	—18,0	0,0	9,9	—4,0	—58,2
Уральского	—16,3	88,7	—37,7	—9,9	0,0	10,3	—47,2
Сибирского	180,7	42,4	6,2	4,0	—10,3	0,0	—26,9
Дальневосточного	497,4	103,9	21,5	58,2	47,2	26,9	0,0
		161,2	40,5	105,4	81,8	31,7	76,9
							0,0

* Население в возрасте 15 лет и старше.

6. Заключение

6.1. Матрица демографических вызовов

2005 год не принес больших перемен в демографической ситуации России. Незначительные и не слишком определенные изменения тенденций рождаемости и смертности не позволяют говорить об их переломе, который знаменовал бы переход от неблагоприятной к благоприятной динамике. Ничего принципиально нового не происходило и с миграцией — как с внутренней, так и с внешней. Во внутренней миграции сохранялся «западный перенос», усиливавший территориальные диспропорции расселения россиян по территории страны. Регистрируемая внешняя миграция оставалась относительно небольшой, по-видимому, сильно уступая по объему нерегистрируемой, хотя достоверных сведений о масштабах нерегистрируемой миграции за 2005 г., как и за предыдущие годы, не имеется. Продолжалось быстрое сокращение численности населения России.

Вся эта в целом неблагоприятная ситуация, сохранявшаяся долгое время, не могла в конце концов не вызвать серьезной обеспокоенности руководства страны, и в этом смысле знаменательным стал 2006 г., когда после Президентского Послания Федеральному Собранию в мае 2006 г. проблемы демографического развития оказались в центре общественного внимания.

Демографической проблеме была посвящена ровно четверть текста Послания. Президент назвал ее «самой острой проблемой современной России» и признал, что, хотя эта тема неоднократно поднималась, сделано было по большому счету мало.

Выступление Президента послужило импульсом для активизации усилий по разработке мер демографической политики. Некоторые из них были введены в действие с 1 января 2007 г., но существует ясное ощущение того, что это лишь первые шаги и что меры по улучшению демографической ситуации должны постоянно наращиваться и совершенствоваться. Эта мысль не раз высказывалась и первыми лицами государства, и исследователями-демографами.

А это в свою очередь означает, что научно-экспертное сообщество находится на пороге большой работы, направленной как на то, чтобы глубже осознать природу стоящих перед страной демографических проблем, так и на поиск мер, способных устранить или хотя бы смягчить эти проблемы.

Сейчас уже всем ясно, что при разработке любых стратегий, направленных на повышение эффективности развития и укрепление внутренней

Таблица 6.1. Матрица демографических вызовов и ответных действий

Первичные вызовы	Возможности противодействия	Вторичные вызовы
Быстрый рост мирового населения («демографический взрыв»)	Внешние вызовы Снижение рождаемости в странах, переживающих «демографический взрыв»	Традиционалистская реакция на социальные инновации, связанные с изменением демографического поведения, планированием семьи и т.п., подъем религиозного фундаментализма и экстремизма в Третьем мире Сильное миграционное давление на развитые страны (в том числе Россию), превышающее их способность интегрировать мигрантов
	Замедление роста и ослабление дисбаланса за счет снижения рождаемости в Третьем мире, а также международных миграций, но возможности этого пути ограничены, так как количественный разрыв очень велик	
Высокая и растущая смертность	Внутренние вызовы Необходимо добиваться перелома тенденции и снижения смертности. Имеются большие неиспользованные резервы	
Низкая рождаемость	Возможности воздействия ограничены, достижение уровня простого воспроизводства маловероятно	
Суженное воспроизводство и отрицательный естественный прирост населения	Снижение смертности и рост рождаемости с учетом сделанных выше оговорок	

Окончание табл. 6.1

Первичные вызовы	Возможности противодействия	Вторичные вызовы
Сокращение населения	Перелом тенденции за счет естественного прироста населения маловероятен. Более вероятный ресурс — иммиграция	Крупномасштабный миграционный приток, превышающий «пропускную способность» адаптивных механизмов российского общества и не позволяющий должным образом интегрировать мигрантов. Возможность возникновения дестабилизирующих конфликтов То же, что и в предыдущем пункте
Сокращение трудоспособного населения	Отчасти — рост производительности труда, в значительной степени — прием постоянных иммигрантов и привлечение гастарбайтеров	Возрастающая конкуренция между военным и гражданским (экономика, наука, образование и пр.) использованием молодежи
Сокращение призывных контингентов	Переход к профессиональной армии, отмена отсрочек, ужесточение наказаний за уклонение от призыва и тому подобные меры	
Старение населения	Возможности воздействия крайне ограничены, изменение тенденции невозможно. Необходимо адаптировать социальные институты к новой ситуации	
Миграционная зависимость	Повышение «пропускной способности» адаптивных механизмов, способности российского общества интегрировать мигрантов	Изменение российской социокультурной идентичности, отторжение изменений «коренным населением», раскол общества, возможные конфликты
Нелегальная миграция как неизбежный спутник легальной	Необходимо стремиться к минимизации, но полный контроль едва ли возможен	Криминализация миграционной сферы

стабильности и национальной безопасности России, учет вызовов, вытекающих из изменений демографической ситуации, имеет фундаментальное значение. Эти вызовы укоренены как в общемировой, так и во внутрироссийской демографической ситуации, причем ответы на первичные вызовы могут порождать новые ограничения и опасности — вызовы второго порядка, которые могут быть не менее, а иногда и более серьезными, нежели первичные.

Следует также иметь в виду, что реакции на демографические изменения могут быть двух типов. В одних случаях достижение эффекта возможно путем противодействия опасным, чреватым нежелательными последствиями тенденциям и их изменениям. В других случаях подобное противодействие невозможно и бессмысленно, поэтому более эффективным оказывается путь приспособления к новой ситуации, адаптации к ней социальных и политических институтов, пересмотра приоритетов и т.п.

В табл. 6.1 содержится попытка представить в обобщенном и структурированном виде главные современные демографические вызовы и возможные способы ответа на них. Разделение на внешние и внутренние вызовы не следует абсолютизировать, в реальности они взаимосвязаны.

Рассмотрим некоторые главные позиции этой матрицы более подробно.

6.2. Внешние вызовы

Если говорить кратко, то эти вызовы можно свести в две группы.

Первая объединяет общие для всего человечества вызовы, обусловленные ускоренным ростом антропогенного давления на естественные ресурсы и системы жизнеобеспечения планеты. Сам факт роста мирового населения с 2,5 млрд человек после Второй мировой войны до нынешних 6,5 млрд (и этот рост продолжается) неизбежно ведет к небывалому росту нагрузки на все виды ресурсов — водных, земельных, энергетических, продовольственных, сырьевых и т.п. и порождает их нарастающую дефицитность. Стремление преодолеть обнаруживающиеся «пределы роста» путем интенсификации производства и технологических инноваций, например за счет расширения орошаемых земель, развития аквакультуры или перехода к ядерной энергетике и т.п., не решая всех проблем, создает новые и в целом ускоряет необратимые изменения природной среды, сделавшей возможным развитие человечества: загрязнение мирового океана, нарастающий парниковый эффект, таяние ледников, изменения глобального климата и пр. Все это опасно абсолютно для всех стран, для всех жителей планеты.

Вторая группа вызовов вытекает из крайне неравномерного роста мирового населения — почти весь он сосредоточен в бедных развивающихся

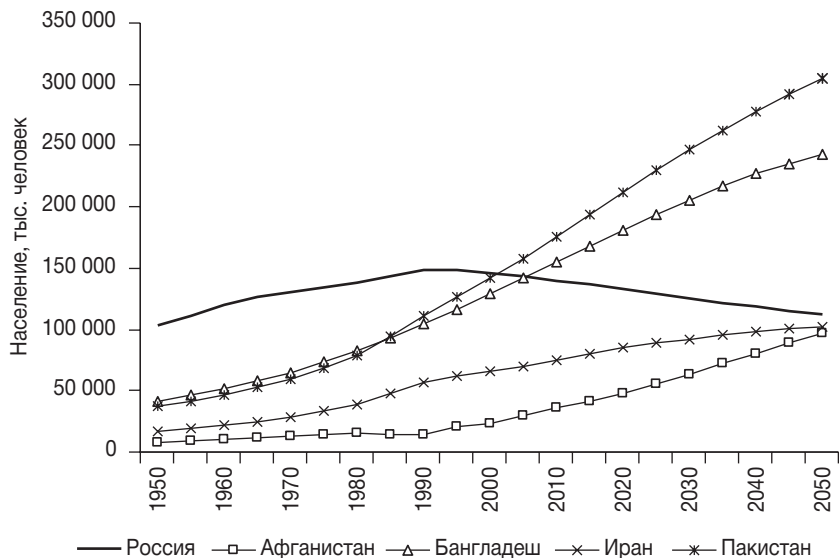
странах. Даже при довольно значительных экономических успехах во многих из них быстрый рост населения тормозит соответствующий рост душевого производства и потребления, и нарастает разрыв между благополучным «золотым миллиардом», в который входит и Россия, и остальным миром, в котором уже сейчас живет более 5 млрд человек и население которого продолжает расти.

В этом весьма неоднородном Третьем мире, который лишь с большими оговорками можно объединить одним понятием «развивающийся», идут с ускорением сложные и болезненные трансформационные процессы, обусловленные неизбежной модернизацией. То там, то здесь в развивающихся странах возникают огромные внутренние напряжения и конфликты, что не может не сказываться на их внутренней и внешней политике. Одним из следствий формирующейся на наших глазах новой экономической, демографической и политической картины мира становится нарастающее миграционное давление на депопулирующие или близкие к депопуляции развитые страны: все большее и большее число людей из развивающихся стран пытается переселиться в благополучные развитые страны, спасаясь от бедности, политической нестабильности, нередко просто от смерти.

Это миграционное давление, пока в целом мирное, нарастает, тем не менее на фоне обостряющегося противостояния бедного и перенаселенного Юга и богатого Севера, все явственнее ощущающего себя мировым меньшинством. Хотя сейчас, наблюдая мировые политические процессы, нельзя не видеть явные проявления военной агрессии со стороны «Севера» (типа вторжения США в Ирак), не следует недооценивать угроз агрессии и в противоположном направлении. Собственно, она проявляется уже сейчас, в частности в форме международного терроризма, но по мере укрепления экономической и военной мощи нынешних развивающихся стран может принять и иные формы. Сознание своего растущего численного превосходства — один из компонентов современных антизападных идеологий в странах Юга.

Соответственно усиливается тенденция к консолидации стран Севера, которые все яснее осознают себя экономическими, политическими и военными единицами, недостаточно крупными для того, чтобы выступать на мировой арене порознь. Это соображение, в частности, всегда принималось во внимание при создании, укреплении и расширении Европейского союза. Сейчас (в 2007 г.) население самой большой страны ЕС — Германии — 82 млн человек, а население всех стран Европейского союза — 495 млн.

Над этим следовало бы задуматься и России. Она привыкла ощущать себя великой державой, в том числе и потому, что всегда имела огромную терри-

Источник: Population Division of the Department of Economic and Social Affairs of the United Nations Secretariat. World Population Prospects: The 2004 Revision.

Рис. 6.1. Численность населения России и некоторых азиатских стран, 1950—2050 гг.

торию и огромное население. Сегодня территория России, хотя и сократившаяся, остается самой большой в мире, на ее долю приходится почти 13% мировой суши. С населением же дело обстоит иначе, Россия стремительно теряет свое место в мировой демографической иерархии.

В конце XIX в. (по переписи 1897 г.) население России составляло 129 млн человек (примерно 8% мирового населения), а население собственно России — 71,1 млн — 4,4% (1900). Даже в 1950 г. доля России (РСФСР) в мировом населении составляла более 4%, а доля СССР — 7,1% (178,5 млн). На начало 2006 г. население России составляло 142,7 млн человек — не более 2,2% мирового населения, причем доля эта быстро падает, и к 2050 г. будет близка к 1%.

Частично эти невыгодные для страны изменения связаны с внутренними причинами — распадом СССР, прекращением роста, а затем и убылью населения России. Однако главные демографические перемены происходят за ее пределами и связаны с резким ускорением роста населения в других странах в период демографического перехода. К середине XXI в. Россия может вернуться примерно к той же численности населения, которую она

имела в середине XX в. и которая тогда вовсе не казалась маленькой. Но за это время ее догонят или существенно обгонят ряд других стран, которые в середине XX в. по численности населения не могли даже сравниться с Россией (рис. 6.1).

Изменить эту ситуацию уже невозможно. Следовательно, надо найти способ адаптации к ней, учитывать новый глобальный и региональный демографический баланс при принятии внешнеполитических решений, выборе союзников, формировании блоков, определении международных угроз и т.п. В частности, из глобальной демографической и геополитической обстановки вытекает целесообразность восстановления геополитического единства бывшего советского пространства, но на совершенно иной, чем прежде, неимперской, равноправной основе, создание чего-то вроде аналога Европейского союза, хотя сейчас этому мешают многие обстоятельства.

6.3. Внутренние вызовы

Сокращение численности населения, идущее с 1994 г., — наиболее явное проявление демографического неблагополучия России, которое, особенно на фоне быстрого роста населения ее соседей, не может не восприниматься как одна из серьезных угроз ее национальной безопасности и территориальной целостности. Конечно, было бы неверно фетишизировать показатель численности населения, национальная безопасность и территориальная целостность зависят и от многих других факторов. Никаких теоретических доказательств того, что население страны должно обязательно расти, быть как можно большим и т.п., не существует.

Тем не менее здравый смысл подсказывает, что для такой страны, как Россия, прекращение роста населения, а тем более его сокращение, невыгодно и опасно. Хотя Россия все еще входит в число крупнейших по числу жителей стран мира, существует очевидное несоответствие между ее населением и размерами территории, протяженностью границ, огромностью пространств, нуждающихся в освоении, неразвитостью поселенческой и дорожной сети и т.п. Серьезную проблему представляет собой неравномерное распределение населения по ее территории (см. раздел 1.3).

Слабая заселенность Азиатской России и отсутствие собственных демографических ресурсов для исправления положения не может не вызывать беспокойства, особенно с учетом «китайского фактора». Сейчас отношения с Китаем неплохие, но нельзя не видеть ни его громадного и все еще растущего населения, ни ограниченных земельных, водных и других природных ресурсов, ни звучащих время от времени притязаний на значительные территории российского Дальнего Востока.

Суженное воспроизводство населения. Главная причина убыли населения России — переход к суженному воспроизводству населения, не способному обеспечить не только рост населения страны, но даже сохранение его численности неизменной. В России (и на Украине) этот переход произошел еще в середине 1960-х гг., раньше, чем в других промышленно развитых странах, и уже тогда это было явным признаком демографического неблагополучия. Власти СССР предпочли скрыть этот факт от населения, публикация в открытой печати нетто-коэффициента воспроизводства, указывающего на переход ряда республик СССР, в том числе и России, через опасную черту, была запрещена. Однако изменить объективного положения это не могло. Ни одно поколение россиян, родившихся после 1910 г. и вступавших в возраст прокреации с конца 1920-х гг., не воспроизводило себя. К середине 1960-х гг. среди женщин прокреативных возрастов уже не оставалось представительниц более ранних поколений с характерной для них высокой рождаемостью. Все это делало переход от естественного прироста населения России к его естественной убыли лишь вопросом времени. Выполненный в 1980 г., но никогда не публиковавшийся официальный прогноз ЦСУ РСФСР предсказывал начало депопуляции России в 2001 г. Возможно, этот прогноз, как и все советские прогнозы, был избыточно оптимистическим. Нельзя исключать и того, что события 1990-х гг. приблизили начало депопуляции — она началась уже в первой половине 90-х. Но принципиально это ничего не изменило.

Нынешний режим воспроизводства населения России обеспечивает замену родительских поколений детьми всего на 62%, и существенные изменения этого соотношения в обозримом будущем маловероятны. А это значит, что маловероятно и возвращение к положительному естественному приросту населения России. Подобный вывод основывается на анализе долгосрочных тенденций смертности и особенно рождаемости.

Высокая смертность — давний серьезный вызов России. Хотя опыт зарубежных стран показывает, что снижение смертности — вполне реальная задача, наша страна пока никак не может подойти к ее решению.

В нынешних условиях даже если бы удалось просто добиться перелома существующих тенденций и перехода к позитивной динамике показателей смертности и продолжительности жизни, это уже было бы серьезным достижением. В 1970—2000 гг. ожидаемая продолжительность жизни в странах Европейского союза росла в среднем на 0,23—0,24 года ежегодно. Если бы в России удалось выйти на подобные темпы роста, скажем на уровне от 0,2 до 0,25 года ежегодно (прирост продолжительности жизни на 1—1,25 года каждые пять лет), то это позволило бы к 2025 г. увеличить ожидаемую продолжительность жизни на 4—5 лет, т.е. довести ее примерно до 70 лет для обоих полов. Это означало бы возврат к исторически лучшему показателю

1986—1987 гг., хотя все равно было бы значительно ниже, чем имеется сейчас в странах ЕС-25 (78 лет), США (77 лет) или Японии (82 года), но все же разрыв сократился бы. Более быстрый среднегодовой прирост ожидаемой продолжительности жизни пока представить себе трудно, на протяжении последних 15 лет она чаще сокращалась, чем росла.

Низкая рождаемость — еще один вызов, на который России предстоит дать ответ. Сейчас ведутся активные поиски такого ответа, но судить об их успешности пока рано. В прошлом Россия была страной с очень высоким уровнем рождаемости, однако систематическое снижение рождаемости, идущее с конца 1920-х гг., привело к тому, что сейчас Россия входит в число стран с самым низким ее уровнем. Именно низкая рождаемость — главная причина недовоспроизводства населения России и установившегося в 1990-е гг. отрицательного прироста населения.

Кажется естественным разработать и внедрить систему мер, направленных на повышение уровня рождаемости, и тем самым ослабить, а то и свести к нулю негативные последствия, вытекающие из многолетних неблагоприятных тенденций ее снижения. Однако к настоящему времени накоплен большой опыт попыток противодействия снижению рождаемости в разных странах, и он говорит о том, что если возможности такого противодействия и существуют, то они крайне ограничены. Эффект пронаталистских мер, как правило, в лучшем случае оказывается кратковременным, а в худшем — отрицательным. Детерминация рождаемости имеет сложную системную природу, ее уровень, как правило, низок во всех промышленно развитых, урбанизированных странах с высокообразованным населением, что тесно связано со всем образом жизни населения этих стран. Поэтому делать ставку на значительное повышение уровня рождаемости в России было бы рискованно. Более вероятно, что рождаемость, даже и несколько поднявшись, останется все же ниже уровня, необходимого для поддержания простого воспроизводства. По-видимому, сейчас в качестве наилучшей цели следовало бы обозначить уровень 1,6—1,8 рождения на одну женщину *в реальном поколении*, так как показатель для условных поколений, которым обычно пользуются (коэффициент суммарной рождаемости), подвержен влиянию изменений в «календаре» рождений и вследствие этого может давать искаженное представление об истинном уровне рождаемости. Если бы на этом уровне удалось закрепиться, можно было бы ставить вопрос о дальнейшем повышении рождаемости, но пока говорить об этом преждевременно.

Демографическое старение также нередко рассматривается как один из наиболее серьезных вызовов, вытекающих из развития демографической ситуации. Считается, что старение резко увеличивает экономическую нагрузку

на одного трудоспособного члена общества, приводит к кризису пенсионной системы и в конечном счете угрожает социальной стабильности.

На самом деле негативные последствия старения, особенно ближайшие, излишне драматизируются и во многом преувеличиваются. Старение — часть общих изменений возрастной структуры, рост доли пожилых людей сопровождается сокращением доли детей, которые в еще большей мере, чем пожилые, являются иждивенцами общества и содержатся за счет труда работоспособной части населения. Важна общая нагрузка на 1000 человек населения в рабочем возрасте — как детьми в дорабочем, так и пожилыми в послерабочем возрасте. А эта нагрузка пока далека от критической. Более того, столь низкая демографическая нагрузка, как сейчас, не наблюдалась в России за весь XX в. Со временем она будет расти, долго еще оставаясь в пределах колебаний, которые отмечались в России во второй половине минувшего века.

В то же время следует иметь в виду, что эволюционные изменения возрастной структуры, которые лежат в основе старения, необратимы и вследствие изменившегося соотношения рождаемости и смертности неизбежны. Отменить старение невозможно, нужно приспосабливать к нему пенсионную систему, да и многие другие социальные институты, для этого еще есть время.

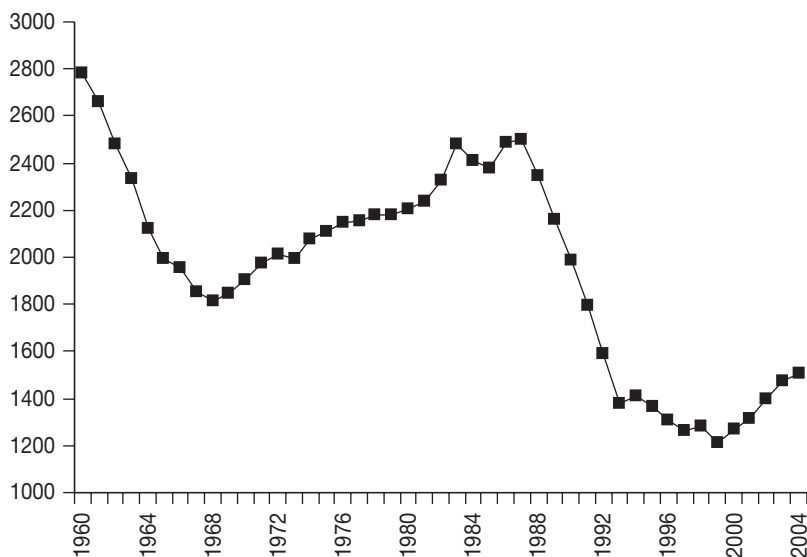

Рис. 6.2. Число родившихся в России, 1960—2004 гг., тыс.

Более актуальны и требуют более срочной реакции некоторые другие структурные сдвиги в населении, обусловленные не эволюционными изменениями, а особенностями российской возрастной пирамиды (следствия пертурбационных событий первой половины XX в.) и конъюнктурными изменениями последних десятилетий.

Резкий спад числа родившихся в 1990-е гг. (рис. 6.2), который закономерно повторял спад, происходивший в 60-е гг., но был искусственно усилен подъемом рождаемости 1980-х гг., в сочетании с выходом на пенсию многочисленных послевоенных поколений предопределяет быстрое сокращение численности населения в рабочих возрастах, которое начнется в ближайшие годы. Уже начиная с 2009 г. ежегодное сокращение численности трудоспособного населения может превысить 1 млн человек.

Подобное сокращение бывало и раньше. Вследствие деформированности российской возрастной пирамиды динамика прироста населения в рабочих возрастах на протяжении всего послевоенного периода была крайне неравномерной. Самое значительное за послевоенный период расширение трудового потенциала России за счет собственных источников наблюдалось в 1970-е гг. — в этот период входили в трудоспособный возраст многочисленные, а выходили на пенсию малочисленные поколения. Это же явление, хотя и менее выраженное, повторилось во второй половине 1990-х гг. Но это была последняя «вспышка», в последующем уже никакая конъюнктурная комбинация поколений не сможет предотвратить естественную убыль трудоспособного населения в России, которая может превратиться в постоянно действующий фактор, тормозящий экономический рост.

К этому следует добавить, что старение всего населения неизбежно сопровождается значительным старением его работоспособной части. По переписи 2002 г. общая численность населения в рабочих возрастах выросла по сравнению с 1989 г. на 4,3%, но при этом его младшая часть (до 40 лет) сократилась на 7,4%, а старшая (40 лет и старше) увеличилась на 26,5%. Динамика численности населения в рабочих возрастах и изменения демографической нагрузки имеют первостепенное экономическое значение, но не следует недооценивать экономическое и социальное значение и динамики некоторых особых, более узких возрастных групп, конкретных возрастных контингентов, по разным причинам занимающих специфическое место в жизни общества.

В качестве примера можно привести возрастные группы, за счет которых в основном формируется основанная на всеобщем призыве армия. Два последние десятилетия отмечены непрерывным ростом числа юношей призывных возрастов, более высокая, чем в 2004 г., численность этого контингента

была лишь в 1959, 1970, 1975, 1978—1981 и 2003 гг. Но в ближайшем будущем положение станет меняться, число молодых людей призывных возрастов начнет быстро падать, следуя естественным образом за падением числа мальчиков, родившихся после пика рождаемости 1986—1987 гг. (в 1987 г. родилось 1283 тыс. мальчиков, в 1999 — всего 626 тыс.).

Это падение, чрезвычайно затрудняя комплектование вооруженных сил, болезненно отзовется и на пополнении трудовых ресурсов, скажется не только на их количестве, но и на качестве, поскольку резко обострит конкуренцию за молодых людей между армией, системой подготовки кадров высокой квалификации, их использованием в экономике.

Новая роль миграции. Невозможность обеспечить в обозримом будущем положительный естественный прирост населения России, а тем более восполнить за счет внутренних ресурсов значительную убыль трудовых ресурсов в ближайшие годы резко повышает значение для страны притока людских ресурсов извне, иммиграции. В этом состоит ключевая особенность нынешнего этапа демографического развития России, главный источник одного из серьезнейших «первичных» вызовов близкого будущего (миграционная зависимость) и соответственно «вторичных» вызовов, вытекающих из неадекватных ответов на первичный вызов.

Крупномасштабное привлечение иммигрантов в Россию (отчасти наблюдающееся уже сейчас) экономически выгодно для страны и в той или иной степени противодействует ее демографическому упадку (миграционный приток компенсировал примерно половину естественной убыли, наблюдавшейся с 1992 г.). Но в то же время массовая иммиграция способна породить множество проблем, связанных со взаимодействием местного и пришлого населения, и стать источником серьезных социальных, этнических, конфессиональных и тому подобных конфликтов.

Теоретически конфликтного развития ситуации можно избежать, если обе стороны проблемы (неизбежность иммиграции и ее выгодность, с одной стороны, и связанные с нею угрозы, с другой) будут своевременно осознаны и выработаны эффективные стратегия и тактика приема крупных масс мигрантов и их интеграции в российский социум. Однако, поскольку речь идет об очень сложных социальных процессах, управлять которыми крайне трудно, а большого опыта интеграции мигрантов в России нет, то едва ли можно надеяться на то, что эта задача будет решена в ближайшее время. В этих условиях экспертное сообщество обязано предупредить и общество, и власть, что очень многие социальные и политические проблемы, а соответственно и угрозы внутренней стабильности и национальной безопасности ближайших десятилетий будут связаны именно с иммиграцией. Противодействие этим угрозам (подчеркнем: не самой иммиграции, а

связанным с нею угрозам) возможно, но оно требует общественного консенсуса в отношении всей миграционной проблематики, которого пока не существует.

Конкретные масштабы миграционного притока, или чистой миграции (иммиграция минус эмиграция), даже на ближайшие одно-два десятилетия прогнозировать трудно, хотя бы потому, что неизвестны нынешние ее объемы, значительная, возможно большая, часть миграционного потока остается в тени. Кроме того, имеется большой элемент неопределенности, связанный с тем, что потребность в иммиграции в известной степени зависит от того, как будут эволюционировать рождаемость и смертность, а в еще большей мере — от управленческих решений, миграционной политики. Кроме того, пока недостаточно хорошо осознаны различия между постоянной и временной иммиграцией, соотношение между которыми тоже зависит от целей и методов миграционной политики, не выработана долговременная миграционная стратегия.

Объективно потребность в миграции задается масштабами убыли всего и трудоспособного населения — и то, и другое приближается к 1 млн человек в год. Даже если рассматривать в качестве цели миграционной политики полную компенсацию этой убыли, обеспечить прием такого количества людей в качестве постоянных жителей России сейчас едва ли возможно (по разным соображениям). Следовательно, значительную часть иммигрантов должны составлять временные гастарбайтеры, причем часть из них может рассматриваться в качестве кандидатов в постоянные с перспективой получения российского гражданства. Кроме того, сколь либеральной ни была бы политика в отношении иммигрантов, какие-то ограничения на въезд в страну или в праве на работу, какая-то система квотирования неизбежно будут существовать и какая-то часть желающих будет отсекается, а часть отсеченных будет пытаться преодолеть возникающие барьеры незаконным путем. В этом смысле нелегальная иммиграция — обязательный спутник легальной. Таким образом, сама иммиграция имеет сложную структуру, что предполагает достаточно сложную систему регулирования миграционных процессов, установления количественных соотношений между различными категориями мигрантов, их отслеживания и т.п.

Сейчас все эти вопросы в России очень слабо изучены, даже задача такого изучения по-настоящему никогда не ставилась, что уже само по себе указывает на недооценку проблемы и связанных с нею угроз. Особо следует отметить, что даже когда миграционные проблемы оказываются в поле зрения исследователей, законодателей или политиков, рассматриваются почти исключительно внутриполитические их аспекты и совершенно не учитывается глобальная проблема растущего миграционного давления Юга на

Север и роль успешного или неуспешного ответа принимающих стран на этот, по сути, мирный внешний вызов как фактора их международного влияния.

Нельзя отрицать, что сегодня российская власть и российское общество уделяют демографическим проблемам гораздо больше внимания, чем когда-либо в прошлом. Однако само по себе это не только не гарантирует решения проблем, но и порождает опасность появления политических спекуляций, которые не приближают, а отдаляют их решение. Исследователи, в том числе и авторы настоящего доклада, не могут изменить эту ситуацию, политика живет своей жизнью, в поведении политиков есть своя логика. Мы можем лишь информировать общество о сложных процессах, формирующих нашу непростую демографическую ситуацию, и по возможности предостерегать от поспешных упрощенных объяснений и столь же упрощенных рецептов, далеко не всегда эффективных. Это мы и пытаемся делать в наших ежегодных докладах.

Приложения

Приложение 1. Федеральные округа и входящие в них субъекты Российской Федерации

Центральный федеральный округ

1. Белгородская область
2. Брянская область
3. Владимирская область
4. Воронежская область
5. Ивановская область
6. Калужская область
7. Костромская область
8. Курская область
9. Липецкая область
10. Московская область
11. Орловская область
12. Рязанская область
13. Смоленская область
14. Тамбовская область
15. Тверская область
16. Тульская область
17. Ярославская область
18. г. Москва

Северо-Западный федеральный округ

19. Республика Карелия
20. Республика Коми
21. Архангельская область
22. Ненецкий автономный округ
23. Вологодская область
24. Калининградская область
25. Ленинградская область
26. Мурманская область
27. Новгородская область
28. Псковская область
29. г. Санкт-Петербург

Южный федеральный округ

30. Республика Адыгея
31. Республика Дагестан
32. Республика Ингушетия

33. Кабардино-Балкарская Республика
34. Республика Калмыкия
35. Карачаево-Черкесская Республика
36. Республика Северная Осетия — Алания
37. Чеченская Республика
38. Краснодарский край
39. Ставропольский край
40. Астраханская область
41. Волгоградская область
42. Ростовская область

Приволжский федеральный округ

43. Республика Башкортостан
44. Республика Марий Эл
45. Республика Мордовия
46. Республика Татарстан
47. Удмуртская Республика
48. Чувашская Республика
49. Пермский край
50. Кировская область
51. Нижегородская область
52. Оренбургская область
53. Пензенская область
54. Самарская область
55. Саратовская область
56. Ульяновская область

Уральский федеральный округ

57. Курганская область
58. Свердловская область
59. Тюменская область
60. Ханты-Мансийский автономный округ — Югра
61. Ямало-Ненецкий автономный округ
62. Челябинская область

**Сибирский
федеральный округ**

- 63. Республика Алтай
- 64. Республика Бурятия
- 65. Республика Тыва
- 66. Республика Хакасия
- 67. Алтайский край
- 68. Красноярский край
- 69. Таймырский автономный округ
- 70. Эвенкийский автономный округ
- 71. Иркутская область
- 72. Усть-Ордынский автономный округ
- 73. Кемеровская область
- 74. Новосибирская область
- 75. Омская область

- 76. Томская область
- 77. Читинская область
- 78. Агинский Бурятский автономный округ

**Дальневосточный
федеральный округ**

- 79. Республика Саха (Якутия)
- 80. Приморский край
- 81. Хабаровский край
- 82. Амурская область
- 83. Камчатская область
- 84. Корякский автономный округ
- 85. Магаданская область
- 86. Сахалинская область
- 87. Еврейская автономная область
- 88. Чукотский автономный округ

**Приложение 2. Численность населения
крупнейших городов Российской Федерации¹.
По данным переписей и текущего учета (на 1 января 2006 г.), тыс. человек²
(в порядке убывания в 2006 г.)**

	Год образования	1897	1926	1939	1959	1970	1979	1989	2002	2006
Москва	1147	1039	2080	4604	6096	7063	7854	8677	10 126	10 425
Санкт-Петербург	1703	1265	1619	3119	3003	3552	4067	4435	4661	4581
Новосибирск	1903	...	120	404	886	1161	1309	1436	1426	1397
Екатеринбург	1722	43	140	423	779	1025	1210	1363	1294	1308
Нижний Новгород	1221	90	222	644	942	1170	1342	1435	1311	1284
Самара	1586	90	176	390	806	1027	1203	1257	1158	1143
Омск	1782	37	162	289	581	821	1016	1149	1134	1139
Казань	1438	130	179	406	667	869	989	1085	1105	1113
Челябинск	1736	20	59	273	689	875	1030	1142	1077	1093
Ростов-на-Дону	1749	119	308	510	600	789	925	1008	1068	1055
Уфа	1586	49	99	258	547	780	977	1080	1042	1030
Пермь	1780	45	121	306	629	850	998	1092	1002	993
Волгоград	1589	55	151	445	592	815	926	995	1011	992
Красноярск	1628	27	72	190	412	648	795	912	909	921

¹ С численностью населения, превышавшей когда-либо 500 тыс. человек.

² Составлено по: Население России за 100 лет. М., 1998. С. 58—63; Россия: Энциклопедический словарь. Изд. Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон. СПб., 1989 — Лениниздат, 1991. С. 115—128; Российский статистический ежегодник. 2005. М.: Федеральная служба государственной статистики (Росстат), 2005. С. 100—101; Численность населения Российской Федерации по городам, поселкам городского типа и районам на 1 января 2006 года. М.: Федеральная служба государственной статистики (Росстат), 2006. С. 68—75.

Окончание прил. 2

	Год образования	1897	1926	1939	1959	1970	1979	1989	2002	2006
Саратов	1590	137	220	372	579	757	854	902	873	850
Воронеж	1586	81	122	344	448	660	781	882	849	846
Краснодар	1793	66	153	193	313	460	557	619	646	710
Тольятти	1737	6	6	...	72	251	505	629	703	705
Ижевск	1918	...	63	176	285	422	551	635	632	619
Ульяновск	1648	42	66	98	206	351	462	624	636	617
Барнаул	1771	21	74	148	303	439	534	599	601	604
Ярославль	1010	72	116	309	407	517	595	629	613	604
Владивосток	1860	29	108	206	291	441	549	631	595	584
Иркутск	1686	51	108	250	366	451	548	622	594	578
Хабаровск	1858	15	52	207	323	436	526	598	583	578
Новокузнецк	1931	...	4	166	382	496	544	602	550	562
Тюмень	1586	30	50	79	150	269	356	476	511	542
Оренбург	1743	72	123	172	267	344	458	544	549	534
Кемерово	1925	...	22	137	289	374	461	518	485	520
Рязань	1095	46	51	95	214	350	450	512	522	513
Пенза	1663	60	92	160	255	374	482	538	518	510
Тула	1146	115	155	285	351	462	513	536	481	509
Набережные Челны	1930	...	4	9	16	38	305	505	510	507
Липецк	1779	21	21	67	157	289	394	447	506	503
Астрахань	1558	113	184	259	305	410	458	505	505	499
Томск	1604	52	92	145	249	338	423	502	488	490

**Приложение 3. Распределение городского населения мира
по поселениям разного размера¹, %**

	1975	1980	1985	1990	1995	2000	2005
Весь мир							
Городское население	100	100	100	100	100	100	100
<i>В том числе в городах с числом жителей:</i>							
10 млн и более	3,5	4,0	5,3	6,4	7,2	8,4	9,3
от 5 до 10 млн	7,7	8,6	7,7	6,7	6,3	6,8	6,5
от 1 до 5 млн	20,9	21,1	21,1	21,8	22,3	22,4	22,6
от 500 тыс. до 1 млн	11,2	10,4	10,4	10,1	10,1	9,8	10,1
менее 500 тыс.	56,6	55,9	55,5	55,0	54,2	52,6	51,5
Развитые страны							
Городское население	100	100	100	100	100	100	100
<i>В том числе в городах с числом жителей:</i>							
10 млн и более	6,0	5,9	8,5	8,6	8,6	9,8	9,8
от 5 до 10 млн	7,1	6,9	4,2	4,7	4,7	4,8	6,0
от 1 до 5 млн	19,5	21,1	21,4	21,3	22,1	21,9	21,6
от 500 тыс. до 1 млн	10,5	9,3	9,6	9,3	9,1	9,0	9,1
менее 500 тыс.	56,9	56,7	56,3	56,1	55,5	54,5	53,5
Развивающиеся страны							
Городское население	100	100	100	100	100	100	100
<i>В том числе в городах с числом жителей:</i>							
10 млн и более	1,3	2,5	3,1	5,1	6,5	7,8	9,1
от 5 до 10 млн	8,3	9,9	10,0	7,8	7,1	7,7	6,7
от 1 до 5 млн	22,1	21,2	20,9	22,1	22,3	22,5	23,0
от 500 тыс. до 1 млн	11,9	11,2	10,9	10,6	10,5	10,1	10,5
менее 500 тыс.	56,5	55,2	55,0	54,4	53,5	51,8	50,7

¹ Составлено по: World Urbanization Prospects. The 2005 Revision. United Nations, Department of Economic and Social Affairs. Population Division. N.Y., 2006. P. 186—195. Следует отметить, что эксперты ООН дают более высокие оценки численности населения крупнейших городов России: Москва — 10654 тыс. человек на середину 2005 г., Санкт-Петербург — 5312 тыс. человек.

Продолжение прил. 3

	1975	1980	1985	1990	1995	2000	2005
Северная Америка							
Городское население	100	100	100	100	100	100	100
<i>В том числе в городах с числом жителей:</i>							
10 млн и более	8,8	8,3	12,9	12,6	12,2	11,9	11,6
от 5 до 10 млн	8,9	8,9	3,6	3,4	3,4	5,4	9,3
от 1 до 5 млн	30,0	31,4	31,9	33,3	34,9	34,3	32,5
от 500 тыс. до 1 млн	10,3	10,2	10,5	10,2	10,3	11	10,2
менее 500 тыс.	41,9	41,3	40,9	40,4	39,2	37,4	36,3
Австралия и Новая Зеландия							
Городское население	100	100	100	100	100	100	100
<i>В том числе в городах с числом жителей:</i>							
10 млн и более	—	—	—	—	—	—	—
от 5 до 10 млн	—	—	—	—	—	—	—
от 1 до 5 млн	38,7	46,6	53,3	59,4	58,9	63,7	63,4
от 500 тыс. до 1 млн	23,2	17,3	11,2	5	5,3	—	2,4
менее 500 тыс.	38,1	36,2	35,5	35,5	35,9	36,3	34,2
Европа							
Городское население	100	100	100	100	100	100	100
<i>В том числе в городах с числом жителей:</i>							
10 млн и более	—	—	—	—	—	1,9	2
от 5 до 10 млн	5,4	5,2	5,2	6,1	6,2	5,4	5,6
от 1 до 5 млн	15,0	16,7	16,7	15,5	15,8	15,1	15,1
от 500 тыс. до 1 млн	11,6	10,1	10,5	10,5	10,1	9,8	10,1
менее 500 тыс.	68	67,9	67,6	67,9	67,9	67,8	67,2
Северная Европа							
Городское население	100	100	100	100	100	100	100
<i>В том числе в городах с числом жителей:</i>							
10 млн и более	—	—	—	—	—	—	—

Окончание прил. 3

	1975	1980	1985	1990	1995	2000	2005
от 5 до 10 млн	11	10,5	10,3	10,1	10,3	10,5	10,6
от 1 до 5 млн	17,1	14,3	13,8	13,3	13,1	13,9	15,1
от 500 тыс. до 1 млн	9,1	9,8	10,5	10,8	10,7	10,1	8,8
менее 500 тыс.	62,9	65,4	65,4	65,8	65,9	65,5	65,5
Западная Европа							
Городское население	100	100	100	100	100	100	100
<i>В том числе в городах с числом жителей:</i>							
10 млн и более	—	—	—	—	—	—	—
от 5 до 10 млн	7,1	7,2	7,3	7,2	7,0	6,9	6,9
от 1 до 5 млн	9,5	10,2	10,1	10,0	10,5	11,1	11,8
от 500 тыс. до 1 млн	12,2	11,3	11,5	10,9	10,2	9,4	9,4
менее 500 тыс.	71,2	71,3	71,1	71,9	72,3	72,6	72,0
Южная Европа							
Городское население	100	100	100	100	100	100	100
<i>В том числе в городах с числом жителей:</i>							
10 млн и более	—	—	—	—	—	—	—
от 5 до 10 млн	—	—	—	—	—	5,4	5,7
от 1 до 5 млн	29,9	30,7	30,1	29,5	29,5	24,2	23,6
от 500 тыс. до 1 млн	13,1	11,6	12,6	12,3	12,1	12,4	12,0
менее 500 тыс.	57,0	57,7	57,3	58,1	58,4	58,1	58,7
Восточная Европа							
Городское население	100	100	100	100	100	100	100
<i>В том числе в городах с числом жителей:</i>							
10 млн и более	—	—	—	—	—	4,9	5,2
от 5 до 10 млн	4,4	4,3	4,3	6,6	6,9	2,5	2,6
от 1 до 5 млн	11,3	15,6	15,8	13,7	14,1	14,1	13,3
от 500 тыс. до 1 млн	11,4	8,9	9	9,4	8,8	8,7	10,3
менее 500 тыс.	72,9	71,2	70,9	70,3	70,1	69,8	68,5

Приложение 4. Ожидаемая продолжительность жизни при рождении. По данным Росстата, лет

	Все население			Городское население			Сельское население		
	оба пола	мужчины	женщины	оба пола	мужчины	женщины	оба пола	мужчины	женщины
1961—1962	68,75	63,78	72,38	68,69	63,86	72,48	68,62	63,40	72,33
1964—1965	69,61	64,60	73,34	69,46	64,70	73,02	69,42	63,78	73,49
1969—1970	68,81	63,15	73,39	68,97	63,57	73,32	68,23	62,11	73,20
1974—1975	68,60	62,78	73,41	69,16	63,80	73,53	66,79	59,68	72,80
1979—1980	67,54	61,45	73,00	68,04	62,28	73,09	65,99	59,31	72,39
1980—1981	67,61	61,53	73,09	68,09	62,39	73,18	66,02	59,30	72,47
1981—1982	68,01	61,99	73,47	68,50	62,81	73,54	66,33	59,67	72,84
1982—1983	68,25	62,27	73,63	68,72	63,10	73,67	66,54	59,83	73,04
1983—1984	67,93	62,00	73,31	68,43	62,87	73,38	66,11	59,41	72,70
1984—1985	68,08	62,31	73,32	68,59	63,13	73,42	66,26	59,77	72,63
1985—1986	69,26	63,83	73,99	69,61	64,46	74,00	67,86	61,76	73,55
1986—1987	70,13	64,91	74,55	70,32	65,38	74,44	69,09	63,21	74,40
1988	69,90	64,80	74,43	70,09	65,37	74,20	68,72	62,71	74,37
1989	69,57	64,21	74,47	69,89	64,75	74,49	68,45	62,60	74,19
1990	69,19	63,73	74,30	69,55	64,31	74,34	67,97	62,03	73,95
1991	68,92	63,37	74,19	69,30	63,95	74,25	67,67	61,68	73,79

Окончание прил. 4

	Все население			Городское население			Сельское население		
	оба пола	мужчины	женщины	оба пола	мужчины	женщины	оба пола	мужчины	женщины
1992	67,80	61,91	73,66	68,10	62,35	73,72	66,79	60,63	73,33
1993	65,03	58,75	71,80	65,31	59,08	71,90	64,15	57,82	71,41
1994	63,85	57,42	71,08	64,09	57,67	71,18	63,11	56,71	70,73
1995	64,52	58,12	71,59	64,70	58,30	71,64	63,99	57,64	71,40
1996	65,80	59,62	72,40	66,21	60,06	72,62	64,62	58,42	71,76
1997	66,73	60,85	72,84	67,30	61,49	73,16	65,14	59,15	71,91
1998	67,07	61,22	73,13	67,54	61,75	73,38	65,75	59,80	72,41
1999	65,92	59,87	72,40	66,34	60,31	72,62	64,73	58,68	71,74
2000	65,34	59,03	72,26	65,69	59,35	72,46	64,34	58,14	71,66
2001	65,23	58,92	72,17	65,57	59,23	72,37	64,25	58,07	71,57
2002	64,95	58,68	71,90	65,40	59,09	72,18	63,68	57,54	71,09
2003	64,85	58,55	71,84	65,35	59,00	72,18	63,42	57,29	70,86
2004	65,27	58,89	72,30	65,81	59,38	72,65	63,76	57,55	71,27
2005	65,30	58,87	72,39	65,99	59,52	72,86	63,44	57,19	71,07

Источники: Демографический ежегодник России. 2006. М.: Росстат, 2006. С. 101.

Научное издание

Население России 2005

Тринадцатый ежегодный демографический доклад

Ответственный редактор *А.Г. Вишневский*

Зав. редакцией *О.А. Шестопалова*

Редактор *А.О. Нащекина*

Художественный редактор *А.М. Павлов*

Компьютерная верстка и графика: *О.А. Быстрова*

Корректор *Н.А. Беляева*

Подписано в печать 03.10.2007 г. Формат 60х88 1/16
Гарнитура NewtonС. Усл. печ. л. 15,04. Уч.-изд. л. 18,58
Тираж 1000 экз. Заказ № . Изд. № 748

ГУ ВШЭ. 125319, Москва, Кочновский проезд, 3
Тел./факс: (495) 772-95-71